

547 81

15
1/2

ПУШКИНЪ.

26 91 "

ПУШКИНЪ И ЕГО СОВРЕМЕННИКИ.

Матеріалы и изслѣдованія.

Выпукъ III.

Повременное издание Комиссии для издания сочинений Пушкина при
Отдѣлении Русского языка и словесности Императорской Академии
Наукъ.

С.-Петербургъ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 зинія, № 12.

1905.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Напечатано по распоряжению Императорской Академии Наукъ.
Непремѣнныи Секретарь, Академикъ С. Ольденбургъ.

Опыты окончания «Русалки», О. Е. Корша.....	1— 22.
А. С. Пушкинъ въ Казани. Е. А. Боброва	23— 67.
Пушкинъ и Рылеевъ. В. В. Сиповскаго.....	68— 88.
Къ исторіи опредѣленія Пушкина въ Лицей. В. Е. Рудакова.....	89— 91.
Ф. Ф. Юрьевъ и посланіе къ нему Пушкина (1819 г.). Б. Л. Модзалевскаго	92— 95.
«Пушкинскія» замѣтки. А. И. Маркевича	96—106.
О словаряхъ: языка Пушкина и Пушкинскихъ риѳмъ ...	107—108.
Планъ словаря языка А. С. Пушкина. А. П. Соболевскаго	109—110.
Планъ изслѣдованія о стихосложеніи Пушкина и словаря Пушкинскихъ риѳмъ. Ф. Е. Корша.....	111—134.
Указатель	135—138.

Опыты окончания „Русалки“.

Появление конца „Русалки“ по записи покойного Дмитрия Павловича Зуева вызвало в свое время целую литературу: большинство критиковъ признало эту запись поддѣлкой, меньшинство высказалось за ея подлинность, не скрывая впрочемъ сомнѣй въ правдоподобіи обстановки и условій, при которыхъ Д. П. Зуевъ познакомился съ этимъ окончаніемъ и записалъ его, а также въ точности передачи нѣкоторыхъ мѣстъ Пушкинскаго текста, если онъ въ самомъ дѣлѣ существовалъ. Памятниками этой литературы остались, помимо нѣсколькихъ газетныхъ статей, мой „Разборъ вопроса о подлинности окончания „Русалки“ Пушкина по записи Д. П. Зуева“ („Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ“, т. III, 1898, кн. 3, стр. 633—785, т. IV, 1899, кн. 1, стр. 1—100 и т. IV, кн. 2, стр. 476—588) и составленный какъ-бы въ отвѣтъ на это изслѣдованіе сборникъ А. С. Суворина „Поддѣлка „Русалки“ Пушкина“ (С.-Пб. 1900), въ который вошли между прочимъ всѣ статьи самого собирателя, направленные противъ Д. П. Зуева, его записи и меня, какъ единственного изъ защитниковъ подлинности этой записи, посвятившаго ей цѣлое изслѣдованіе. Въ числѣ статей А. С. Суворина объ этомъ вопросѣ есть три, которымъ нельзя отказать въ историко-литературномъ интересѣ. Въ одной изъ нихъ (изъ № 8591 „Нового Времени“) г. Суворинъ путемъ

филологической критики (на которую въ моемъ лицѣ онъ тутъ-же ополчается) убѣдительно доказываетъ поддѣльность извѣстнаго стихотворного переложенія молитвы Господней, приписанаго не задолго до того Пушкину профессоромъ Н. Ф. Сумцовыи въ книжкѣ „А. С. Пушкинъ“ (Харьковъ. 1900, стр. 153 — 155), впрочемъ не имъ первымъ. Критику г. Суворина на это стихотвореніе можно дополнить указаниемъ на два недостатка: 1) изъ первой строфы можно заключить, что авторъ, человѣкъ несомнѣнно взрослый, не слыхалъ этой молитвы до того времени, къ которому относится описанная обстановка, и 2) повтореніе слова „Твое“ вмѣсто риѳмы¹⁾. Первый изъ этихъ недостатковъ замѣченъ г. Рождественскимъ (Пушкинъ, Черты внутренняго облика, стр. 24 — 26; оттискъ изъ журн. „Вѣра и Церковь“ 1899 г., № 5), который пытался устранить его предположеніемъ, что это отрывокъ изъ поэмы, напр. „Галуба“; но ни по языку, ни по стилю не можетъ быть и рѣчи о принадлежности этой стихотворной молитвы Пушкину: стбить только сравнить ее съ безспорнымъ „Отцы пустынники и жены непорочны“. Къ тому же называютъ еще и другого автора.

Другія двѣ изъ упомянутыхъ статей г. Суворина (изъ №№ 8607 и 8615 „Нового Времени“ въ сборникѣ „Поддѣлка „Русалки“ Пушкина“ стр. 261 — 284) важны не выводами, а указаніемъ на двѣ забытыя попытки окончанія „Русалки“, написанныя Крутошевскимъ (Шту肯бергомъ) и И. О. П. (Е. А. Богдановой). Г. Суворинъ вывелъ ихъ изъ забвенія потому, что предположилъ въ нихъ источники, которыми пользовался Д. П. Зуевъ для своей пресловутой „поддѣлки“. Штуkenberga въ то время уже

1)
Отецъ людей, Отецъ небесный!
Да имя вѣчное Твое
Святится нашими сердцами!
Да прійдетъ царствіе Твое!

не было въ живыхъ, а г-жа Богданова немедленно отозвалась въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ энергическимъ, но бездоказательнымъ выраженіемъ полнаго согласія съ мыслию г. Суворина, раскрывъ при этомъ свой псевдонимъ. Насколько правы г. Суворинъ и г-жа Богданова, выяснится изъ разсмотрѣнія обоихъ продолженій сравнительно съ продолженіемъ, извѣстнымъ изъ записей Д. П. Зуева.

Какъ у него, такъ и у Штуkenberга и у г-жи Богдановой¹⁾ продолженіе драмы открывается давно извѣстнымъ Пушкинскимъ началомъ 6-ой сцены.

„Невольно къ этимъ грустнымъ берегамъ —
Откуда ты, прелестное дитя?“,

за чѣмъ слѣдуетъ, конечно, отвѣтъ Русалочки, у каждого автора уже свой. Зуевская запись рѣзко отличается отъ нихъ тѣмъ, что самыя слова Пушкина находятся въ ней лишь съ 10-го стиха, и при томъ съ варіантами, изъ которыхъ замѣчателенъ „Прошедшаго печальныя мечты“ вмѣсто „Печальныя, печальныя мечты“. Въ своемъ изслѣдованіи („Извѣстія“, т. III, кн. 3, стр. 745 — 746) я показалъ, что общеизвѣстные начальные 15 стиховъ этой сцены содержать въ себѣ цѣлыхъ два введенія: одно — ст. 1 — 9 (изъ которыхъ первые два есть и въ 4-ой сценѣ):

Невольно къ этимъ грустнымъ берегамъ
Меня влечетъ невѣдомая сила.
Все здѣсь напоминаетъ мнѣ былое
И вольной, красной юности моей
Любимую, хоть горестную повѣсть.

1) „Осенніе листы. Собраніе стихотвореній Антонія Крутошевова. Санктпетербургъ. 1866“, стр. 167 — 228. И этотъ сборникъ, и книжку г-жи Богдановой „Продолженіе и окончаніе драмы Пушкина Русалка (Сцены: шестая, седьмая, восьмая, девятая, десятая, одинадцатая, сочиненіе И. О. П.“, М. 1877) желающіе могутъ найти въ библиотекахъ Цубличной и Академической.

Здесь нѣкогда меня встрѣчала
Свободнаго свободная любовь.
Я счастливъ былъ. Безумецъ! . . . и я могъ
Такъ вѣтрено отъ счастья отказаться!...,

другое — ст. 10 — 15:

Печальныя, печальныя мечты
Вчерашняя мнѣ встрѣча оживила.
Отецъ несчастный! Какъ ужасень онъ!
Авось опять его сегодня встрѣчу,
И согласится онъ оставить лѣсъ
И къ намъ переселиться...,

и Пушкинъ при окончательной обработкѣ, вѣроятно, устранилъ-бы одно изъ нихъ, именно первое, чтѣ можно заключить уже изъ того, что непосредственно за выписанную частью 15-аго стиха слѣдуетъ спекническая замѣтка „Русалочка выходитъ на берегъ“ и слова князя, начало которыхъ составляетъ окончаніе того-же 15-аго стиха:

Что я вижу!

Откуда ты, прелестное дитя?

Въ Зуевской рукописи такъ и есть: она начинается прямо съ 10-аго стиха. Что-же это? удачная мысль поддѣльщика или нѣчто иное? Этотъ вопросъ оставимъ пока безъ отвѣта и возвратимся къ разсмотрѣнію обоихъ „источниковъ“ спорной записи.

Продолженіе Шту肯берга написано въ діалогическихъ частяхъ, какъ Пушкинское начало, пятистопными ямбами, изрѣдка съ примѣсью шестистопныхъ и четырехстопныхъ, тоже какъ у Пушкина (напр., ст. 6 этой сцены — четырехстопный), но не сплошь четырехстопными, какъ почему-то показалось г. Суворину, а въ лирическихъ (пѣсняхъ русалокъ) — четырехстопными амфибрахіями (стр. 177 и 199, кроме случайного анапеста:

И несемъ, и онъ тихъ какъ ягненокъ

стр. 177) или двухстопными съ риѳмой черезъ стихъ (стр. 203, да еще съ нарушеніемъ предѣла двухъ соединенныхъ стиховъ

И выплынетъ къ берегу
Нѣмъ, недвижимъ

стр. 204), т. е. въ формахъ, изъ которыхъ первая не встрѣчается у Пушкина въ „Русалкѣ“, а вторая — нигдѣ. Но и діалогическій размѣръ построенъ у Штуkenberga не вездѣ по - Пушкински: нерѣдки у него окончанія стиха безъ ударенія на послѣднемъ слогѣ, напр.

И я росла въ подводномъ теремѣ
(стр. 169, такъ-же 174, 175, 181, 185, 204 и др.). Что касается метрической формы у г-жи Богдановой, то г. Суворинъ замѣчаетъ о ней лишь то, что авторъ „плохо владѣлъ стихосложеніемъ“; но онъ ея не понялъ, потому что принималъ за стихъ все то, что напечатано въ одну строчку, и даже послѣ того, какъ г. Г. Немировъ указалъ ему его ошибку исключительно на основаніи его-же выписокъ, онъ все-таки не разобралъ, въ чёмъ тутъ сила, и призналъ искаженными всѣ тѣ мѣста, гдѣ не выходятъ пятистопные или шестистопные ямбические стихи, т. е. чуть не половину всего текста („Новое Время“ № 8615 и сборникъ „Поддѣлка Русалки Пушкина“, стр. 262 и 276 — 280). Странно, что г-жа Богданова, отклинувшись такъ сочувственно на причисленіе ея драматического опыта къ источникамъ Зуевской записи, не объяснила г. Суворину строя своихъ стиховъ и не указала виновника ихъ неправильнаго дѣленія въ печати. А выбрала она для діалога форму оригиналную, болѣе свойственную оперному либретто, чѣмъ обыкновенной, немузикальной драмѣ: по надлежащемъ раздѣленіи всѣ стихи у нея оказываются ямбическими, но разной длины — отъ одной стопы до шести, даже до семи, напр.

О нѣть, дитя: ты вѣрно заблудилась.
Смотри:
Кругомъ все дико, нѣть жилья людскаго,
А ночью до-дому одна
Ты не дойдешь. Найдемъ со мной

(стр. 4). При такомъ, можно сказать, речитативномъ складѣ, разумѣется, невозможна „реставрація“ г. Суворина:

И настежь растворилась дверь. Иду,
Иду къ тебѣ, пріютъ гостепріимный
вмѣсто музыкально-правильнаго:

И настежь растворилась дверь.
Иду, иду къ тебѣ, пріютъ гостепріимный

(стр. 24). Отклоненія отъ ямбического строя попадаются мѣстахъ въ осьми (стр. 4, 12—13, 17, 18—19, 22—23, 32, 33, 39), большею частію при смыслахъ говорящихъ, какъ и въ Зуевской записи два раза; другое примѣры, какъ и вообще стихотворныхъ погрѣшности въ родѣ „чтобъ“ вмѣсто „чтобы“ (стр. 35), позволительно отнести на счетъ издателя, редактора или корректора, введенія г. Суворина въ заблужденіе неправильнымъ раздѣленіемъ стиховъ. Какъ-бы то ни было, такой формы, скорѣе оперной, чѣмъ литературной, у Пушкина нѣть, также нѣкоторыхъ лирическихъ размѣровъ, употребленныхъ г-жей Богдановой. Такъ обстоитъ дѣло съ метрической стороны въ „источникахъ“ Д. П. Зуева, но совсѣмъ иначе въ его собственномъ текстѣ: здѣсь въ диалогѣ вездѣ пятистопный ямбъ. Пушкинской структуры, кромѣ двухъ мѣсть, подозрительныхъ и по другимъ причинамъ (см. „Извѣстія отд. р. я. и сл.“, т. IV, кн. 1, стр. 46—49 и кн. 2, стр. 522—524), а въ пѣсняхъ — Пушкинскія двухстопные амфибрахии и четырехстопные трохеи съ риѳмой во всѣхъ стихахъ.

Языкъ и стилистика обоихъ „источниковъ“ даже не напоминаютъ Пушкина, напр. у Штуценберга стр. 169:

И мать ужель совсѣмъ въ Днѣпрѣ живетъ?,
тамъ-же:

Ахъ подлинно я синоватъ преступный!,

стр. 173:
Сойди къ водѣ, а я подружекъ скликну,

стр. 184:
И, скликнувъ рыбаковъ, протащимъ неводъ,

тамъ-же:
Оставь меня одну, пока не скликну,¹

стр. 175:
Все, все, что было дорожево тумбъ,
Черезъ тебя лишилась,

стр. 188:
Исполнилось что надо наконецъ!,

стр. 201:
бывало
Поволочиться ты гораздъ любилъ¹),

стр. 215:
Диавла — коль запретилъ,
и кромѣ того странная перетасовка словъ, какъ стр. 17:
Да но чужой какой ли подвернулся?,

стр. 182:
Ты по сльду дошелъ куда-жъ?,

стр. 191:
Но сердце, что тобою только жило,
Тебя что безъ оглядки полюбило,

стр. 199:
Въ неволѣ я у этихъ лиke-существъ,
Дѣтей которыми пугаютъ ияньки,

1) По-белорусски „ти сам гарал буй охочій“.

гдѣ авторъ, издатель или наборщикъ, запутавшись въ конструкціи, поставилъ передъ „которыми“ запятую. У г-жи Богдановой языкъ въ общемъ ближе къ Пушкинскому, но насколько, трудно рѣшить сразу; вотъ, гдѣ пригодился бы Пушкинскій глоссарій, до сихъ поръ еще не составленный. Во всякомъ случаѣ г-жа Богданова употребляетъ иногда ударенія, кажется, не встрѣчающіяся у Пушкина, напр. стр. 17:

Какъ смерть блѣднѣ лицѣ,

стр. 35:

Блѣднѣ твоє лицѣ и руки холодны¹⁾)

стр. 19:

Какъ разъ отъ нѣдуа избавилъ,

стр. 36:

О нѣть! То нѣдуа черный мутитъ.

Въ Зуевской записи критика указала необычные ударенія *продѣвѣзъ, мама и сказкѣ*; но какъ произносилъ Пушкинъ первое слово, по видимому, неизвѣстно, а послѣднія два находятся въ явно испорченныхъ или неотдѣланыхъ стихахъ. Но вообще эта запись со стороны языка (кажется, кроме слова *огневой*), грамматическихъ формъ, синтаксиса и просодіи не заключаетъ въ себѣ ничего противорѣчащаго Пушкинскому употребленію, въ риторикѣ же представляется полное сходство съ несомнѣнными произведеніями Пушкина. А въ пресловутыхъ источникахъ? Въ нихъ встрѣчаются, и то изрѣдка, лишь одиночнаго и вообще повтореніе словъ: у Шту肯бера „что“ въ трехъ предложеніяхъ подъ рядъ (стр. 171), „никто“ въ двухъ (стр. 184), у г-жи Богдановой „Давно, давно“ (стр. 23), быть можетъ, изъ „Каменного Гостя“ сц. 3:

*.) Но *холодны* у Пушкина есть напр. въ „Анджело“:
Всѣ средства женскаго искусства вы должны
Теперь употребить. Вы слишкомъ холодны.

Вы развлекли меня
Рѣчами свѣтскими; отъ нихъ ужъ ухо
Мое давно, давно отвыкло.

При этихъ сравненіяхъ еще рѣзче выступаетъ тотъ выводъ, къ которому привелъ меня разборъ записи Д. П. Зуева, — что или онъ былъ безпрѣмѣрнымъ, неслыханнымъ знатокомъ Пушкинской формы (чего за нимъ никто не подозревалъ), или — не онъ авторъ опороченнаго критической окончанія „Русалки“.

А каково отношеніе этихъ будто-бы источниковъ Зуевской записи къ Пушкину съ тѣхъ сторонъ, которыхъ были доступны наблюденію авторовъ при посредствѣ простого, хоть, можетъ быть, и внимательнаго чтенія подлинныхъ произведеній Пушкина? У Штуkenбера стр. 171:

Ты близокъ намъ? ты мой отецъ?

ср. въ „Русалкѣ“ сц. 5 („Днѣпровское дно“):

Онъ намъ близокъ —

Онъ твой отецъ.

Стр. 172:

А счастье было такъ возможно,
Такъ близко

ср. въ „Евгениѣ Онѣгинѣ“:

А счастье было такъ возможно,
Такъ близко.

Стр. 218:

Смеркается... вотъ, такъ и тянеть сила
Невѣдомая
ср. въ „Русалкѣ“ сц. 4 („Днѣпръ. Ночь“) и 6 („Берегъ“):
Невольно къ этимъ грустнымъ берегамъ
Меня влечетъ невѣдомая сила.

У Е. А. Богдановой (дѣлю стихи по ритму) стр. 5:

Онъ продалъ мельницу свою

Бѣсамъ запечнымъ,
А деньги на хранене бросилъ въ Днѣпръ
ср. въ „Русалкѣ“ сц. 4:

Я продалъ мельнице бѣсамъ запечнымъ,
А денежки отдалъ на сохранене
Русалкѣ, вѣщай дочери моей;
Онѣ въ песку Днѣпра-рѣки зарыты
и сц. 5:

Со дна рѣки собрать ему тѣ деньги,
Которыя когда-то въ воду къ намъ
Онъ побралъ.

Стр. 6:

Ночной порой и дикій звѣрь
Изъ лѣсу можетъ пабѣжать

ср. въ „Русалкѣ“ сц. 3 („Свѣтлица“):

въ лѣсу ночной порою
И дикій звѣрь, и лютый человѣкъ,
И лѣшій бродитъ.

Стр. 29:

Сейчасъ, мой свѣтъ, бѣгу

ср. въ „Русалкѣ“ сц. 3:

Бѣгу, мой свѣтъ, бѣгу.

На стр. 35 — 36 княгиня и князь передъ сценой съ ожерельемъ говорятъ почти то-же, что князь и дочь мельника, оставшись наединѣ („Русалка“ сц. 1). Въ Зуевской записи позаимствованій изъ Пушкина, такъ сказать, сырьемъ нѣтъ ни одного, а есть только намеки на содержаніе первой части и какъ-бы слѣды безотчетныхъ воспоминаній обѣ отдельныхъ мѣстахъ изъ другихъ произведеній Пушкина, иногда едва уловимые, какіе часто встрѣчаются и у самого Пушкина.

Тонъ рѣчи и вообще характеръ лицъ въ пресловутыхъ

„источникахъ“ не такие, какъ въ первой части „Русалки“. У Шту肯берга Русалочка говоритъ иногда совсѣмъ не по-дѣтски, напр. на стр. 175:

Ты мужчина.

У насъ молва, что вы такъ смѣлы.

Мнѣ стыдно за тебя.

Княгиню у него мѣстами трудно отличить по языку отъ мамки, старшая Русалка покрикиваетъ на младшихъ не какъ „строгая сестра“, а скорѣе какъ подвыпившій юндеръ, а съ княземъ бесѣдуетъ какъ безстыжая баба, хотя кое-гдѣ не безъ сентиментальности; да и у князя вырываются выраженія совсѣмъ не княжескія въ родѣ

О, гдѣ я? спалъ я что ли, али нѣтъ?,
гдѣ къ тому-же очень непріятно сталкиваются патетическое „О“ и простонародное „али“, умѣстное въ устахъ мельника (сц. 1):

Али ты

Отъ радости нежданной одурѣла?

У г-жи Богдановой характеры въ общемъ выдержаны, однако и здѣсь Русалочка сплошь да рядомъ вдается въ далеко не ребячій тонъ, и кроткая и безответная княгиня на стр. 30 кричитъ на охотниковъ:

Разбойники, холопы!,

а на стр. 31 отрѣзываютъ ловчemu:

Ты лжешь, дуракъ!

Есть, правда, брань „Дуракъ“ и во второй сценѣ подлинной „Русалки“, но тамъ это слово произноситъ князь, крайне раздраженный тѣмъ, что копюшій не умѣлъ отъискать Русалку въ хорѣ дѣвушекъ на свадьбѣ. Такъ-ли изображены действующія лица въ Зуевскомъ продолженії? Правда, что некоторые критики находили и въ немъ подобные несоответствія, не принимая въ расчетъ даже различія въ положеніи даннаго лица согласно

съ событиями, но весьма поучительно сравнить эти мнимыя противорѣчія съ уклоненіями отъ Пушкинскихъ характеровъ хотя-бы у Штукенберга, что впрочемъ читателю легко сдѣлать самому.

По содержанію оба завѣдомо не Пушкинскихъ продолженія сходны въ томъ, что Русланка мстить князю до конца, и что князь и княгиня погибаютъ. Но въ частностяхъ разница между этими продолженіями значительна, начиная съ того, что у г-жи Богдановой предметомъ мести является не столько князь, сколько княгиня. Впрочемъ оба мотива даны Пушкинымъ: Русланка въ 5-й сценѣ готовится къ мести, о чёмъ говорить въ концѣ прямо слѣдующими словами:

Я каждый день о мщены помышляю
И нынѣ, кажется, мой часъ насталъ,

а въ 1-ой дочь мельника, т. е. она-же при жизни на землѣ, грозитъ разлучницѣ, разрывая подаренное ей княземъ ожерелье:

Такъ бы я
Разорвала тебя змѣю-злодѣйку,
Проклятую разлучницу мою!

У Штукенберга князь попадаетъ въ теремъ русланокъ въ самомъ началѣ, будучи завлеченъ туда дочерью, а потомъ выходитъ на сушу и въ концѣ умираетъ при видѣ Русланки въ водяномъ столпѣ, который появляется на его дворѣ, а княгиня отъ такой неожиданности также умираетъ, поручая окружающимъ благословить за нее ея маленькаго сына, мельникъ же во время этихъ ужасовъ внезапно исцѣляется отъ безумія. Заключительные слова произносить мамка:

Ахти!
Что будетъ съ нимъ-то, съ круглымъ сиротою!
У г-жи Богдановой мельникъ гибнетъ за сценой, за-

стрѣленный изъ ружья княжымъ охотникомъ во время своей борьбы съ княземъ изъ-за Русланочки, что читатель узнаетъ изъ ея рассказа; князь отъ свиданія съ дочерью становится полупомѣшаннымъ, душить княгиню жемчужнымъ ожерельемъ, которое онъ подарилъ нѣкогда дочери мельника, а потомъ Царица русланокъ нанизала на волшебную нить, сплетенную ею изъ русланочныхъ косъ; по смерти княгини онъ, спасаясь отъ собственныхъ слугъ, бросается со скалы въ Днѣпръ. Заключительные слова принадлежать слугамъ:

Князь утонулъ! спускайте лодки!
Несите сѣти и багры!

Мотивъ удушенія ожерельемъ, которое, по словамъ Царицы русланокъ на стр. 16,

Какъ лягая змѣя,
Вокругъ шейки лебединой обовьется
И кольцами своими
Ее сожметъ,
заимствованъ отчасти изъ восклицанія дочери мельника въ первой сценѣ передъ утопленіемъ:

Охъ, душно!
Холодная змѣя мнѣ шею давить...
Змѣй, змѣю онъ меня —¹⁾
Не жемчугомъ опуталъ,
отчасти изъ словъ мельника въ четвертой сценѣ въ отвѣтъ на приглашеніе князя:

Въ твой теремъ? Нѣть, спасибо!
Заманишь, а потомъ меня, пожалуй,
Удавишь ожерельемъ.

1) Четырехстопный ямбъ вместо пятистопного, устроенный первыми издателями изъ такихъ обрывковъ, которые въ подлинномъ видѣ могли бы навлечь на ихъ автора не меньшія нареканія, чѣмъ тѣ стихи Зуевской записи, где нѣкоторымъ критикамъ пригрозились мама и сказки.

Пушкинъ-же внушено и введеніе маленькаго сына, но только косвенно: въ третьей сценѣ княгиня говоритъ:

Когда бъ услышалъ Богъ мои молитвы
И мнѣ послалъ дѣтей, къ себѣ тогда бъ
Умѣла вновь я мужа привязать,

и нельзя сказать, чтобы такое пользованіе положеніемъ, даннымъ у Пушкина, вызывалось ходомъ драмы, какъ и возвращеніе разсудка мельнику у Шту肯берга. Прямо противорѣчить даннымъ Пушкина промежутокъ между началомъ и концемъ дѣйствія въ цѣлыхъ двѣнадцать лѣть вмѣсто осми¹⁾). Впрочемъ вся дальнѣйшая фабула и ея развитіе вообще довольно слабы въ обоихъ этихъ продолженіяхъ,—очевидно, потому, что ихъ авторы лишены драматического дарованія, а Штуkenбергъ къ тому-же совсѣмъ не поэтъ. А въ Зуевской записи? Князь тоже бросается въ Днѣпръ, а княгиня умираетъ, но то и другое само по себѣ такъ естественно, что этому совпаденію въ трехъ продолженіяхъ нельзя придавать важности при разсмотрѣніи вопроса о заимствованіяхъ. За то месть Русалки у Д. П. Зуева принимаетъ оборотъ неожиданный: прежняя дѣвушка, дочь мельника, увидѣвшъ князя, ощущаетъ къ нему ту-же любовь, которая ее погубила. Это—не внутреннее противорѣчіе и не выворотъ готоваго мотива наизнанку, а творческое развитіе даннаго положенія. Мельникъ умираетъ отъ проклятія дочери, заботами которой, прямыми и при посредствѣ Русалочки, поддерживалось его существованіе. Основы этого вымысла также находятся въ первой части, но не въ готовомъ видѣ и не въ обратномъ: недружелюбное отношеніе дочери къ мельнику выразилось въ концѣ первой сцены:

1) По посмертному изданію; но въ рукописи „Прошло 8 долгихъ лѣтъ“, при чмъ 8 перехлѣано изъ 7 (вкл. facsimile, л. XXII); см. „Извѣстія“, т. III, кн. 3, стр. 743.

Да, бишь, забыла я; тебѣ отдать
Велѣть онъ это серебро за то,
Что былъ хорошъ ты до него, что дочку
За нимъ пускалъ таскаться, что ее
Держалъ не строго.... Въ-прокъ тебѣ пойдетъ
Моя погибель!

и въ пятой, гдѣ послѣ разсказа Русалочки о томъ, какъ она разыскивала для дѣда брошенныя имъ въ рѣку деньги, и какъ онъ обрадовался пестрымъ раковинкамъ, которыя она дала ему вмѣсто денегъ, Русалка воскликнѣла:

Безумный скряга!

Проклятие Русалки и его дѣйствіе на мельника есть выводъ изъ этихъ данныхъ, естественный, но не такой формально-логическій, до какого было-бы нетрудно дойти всякому сколько-нибудь изобрѣтательному человѣку, а не менѣе творческій, чмъ пробужденіе прежней любви въ Русалкѣ,—мотивъ, доступный или автору самыхъ данныхъ или, если другому лицу, то лишь насквозь про никнутому работой его духа въ этомъ направленіи. Смерть княгини обусловлена не мелодраматическимъ ужасомъ, какъ у Штуkenberga, и не чужимъ мотивомъ, полученнымъ посредствомъ обращенія метафоры подлинника въ дѣйствительность, какъ у Е. А. Богдановой, а правственнымъ потрясеніемъ при видѣ обручальнаго кольца, возвратленного ей отъ имени мужа,—потрясеніемъ, тѣмъ болѣе чувствительнымъ, что, какъ видно изъ ея словъ въ началѣ послѣдней сцены, сердце ея было надорвано до явленій патологическихъ. Эта передача кольца есть *coup de grâce* послѣ ея долгихъ страданій, и всякий человѣкъ въ здравомъ умѣ и твердой памяти долженъ признать такую развязку самой естественной и эстетической, — конечно, если онъ не хочетъ обмануть себя или

другихъ. Послѣднія слова драмы и въ этомъ продолженіи говорить мамка:

Умерла!

Въ сонъ Ангеловъ прими ее, Всевышній!

Указанія для правильной оцѣнки этихъ словъ, приличныхъ будто-бы болѣе архіерею, чѣмъ мамкѣ, даны въ моемъ изслѣдованіи („Ізвѣстія“, т. IV, 1899 г., кн. 2, стр. 567 — 574). Какъ-бы то ни было, уже изъ этого обзора главныхъ моментовъ конца драмы по тремъ редакціямъ всякому непредубѣжденному критику ясно, что Зуевская выше остальныхъ въ драматическомъ отношеніи, хотя, по крайней мѣрѣ, одна изъ этихъ двухъ, принадлежащая г-жѣ Богдановой, обнаруживаетъ нерѣдко въ своемъ авторѣ поэтическую изобрѣтательность, а Д. П. Зуевъ, судя по безспорнымъ его произведеніямъ, былъ одаренъ этой способностью въ слабой степени.

Отличается Зуевское продолженіе отъ двухъ другихъ также краткостью, и при томъ такъ рѣзко, что это замѣтилъ и г. Суворинъ; но онъ объясняетъ эту особенность Зуевской записи тѣмъ, что, по его свѣдѣніямъ, Дмитрій Павловичъ „былъ мастеръ на мистификаціи, и потому зналъ, что чѣмъ короче поддѣлка, тѣмъ менѣе въ ней прорѣхъ“. Въ чѣмъ иномъ проявилось его мастерство по этой части, если не считать довольно неопределеннаго указанія г. А. К. на его подправку сказки Чернышева, о томъ ни одинъ изъ отрицателей подлинности этой записи не говорилъ ни слова, а что касается критиковъ, выступавшихъ въ „Новомъ Времени“, то признаніе Д. П. Зуева такимъ искусственнымъ мистификаторомъ кажется особенно страннымъ на страницахъ этой газеты, где онъ оставленъ чуть не кретиномъ. Не менѣе удивительна и отличающая его продолженіе сдержанность въ измышеніяхъ и прикрасахъ, которая никакъ не согласуется съ его отмѣченной тамъ-же „стихоманіей“, и это противорѣчіе достойно

тѣмъ большаго вниманія, что похитители чужихъ сюжетовъ и подражатели, даже свободные отъ недостатковъ, приписывали „Новому Временемъ“ покойному Зуеву, обыкновенно склонны къ размазыванью своихъ образцовъ. Въ своемъ продолженіи „Русалки“, онъ, по словамъ г. Суворина, „собиралъ по зернышку“ — у кого? у Пушкина? нѣтъ: у Шту肯берга и г-жи Богдановой! Даѣтъ идти перечень „зернышекъ“, похищенныхъ у этихъ будто-бы предшественниковъ. Этотъ списокъ слѣдуетъ прежде всего сократить, выкинувъ изъ него напр. указаніе на красоту дочери мельника и на ея самоутопленіе у Зуева и у г-жи Богдановой, какъ черты, которыхъ не зачѣмъ было воровать одному у другого, также упоминаніе того, что Русалка долго ждала князя, общее Зуеву со Шту肯бергомъ, но и имъ обоимъ — съ Пушкинымъ, у которого въ пятой сценѣ Русалка наказывается своей дочерью:

сказки,

Что все его я помню и люблю,

И жду къ себѣ.

Недоказательна и общая этимъ обоимъ продолженіямъ задержка князя въ домѣ охотой, вѣсколько разъ упоминаемая и Пушкинымъ въ концѣ третьей сцены, где охотники воротились домой безъ князя, послѣ чего и въ четвертой онъ остается на берегу Днѣпра и является тамъ-же въ шестой. Но за всѣми такими вычетами остается все-таки не мало мѣсть, писомѣтно и вызывающіе связь между тремя продолженіями „Русалки“, и случайную и не ограничивающуюся повтореніемъ Некрасовскихъ мотивовъ и выражений. Это приходится признать, только не слѣдуетъ поспѣшно выводить отсюда заключеніе, что какому пришелъ г. Суворинъ, разсуждая между всѣми тремя продолженіями есть сходство, а Зуевское напечатано послѣ двухъ другихъ; слѣдовательно Зуевъ

обокралиъ своихъ предшественниковъ. Но вѣдь печатать можно только написанное, а написанное можетъ долго и даже никогда не печататься; потому изъ факта болѣе поздняго появленія чего-либо въ печати никакъ не слѣдуетъ, что оно и написано позже того, чтѣ напечатано раньше. А что Зуевская редакція продолженія „Русалки“ написана, по крайней мѣрѣ, гораздо раньше, чѣмъ она была обнародована, видно между прочимъ даже изъ „Нового Времени“ (№ 8593—сборникъ „Поддѣлка „Русалки“ Пушкина“, стр. 225), гдѣ было помѣщено свидѣтельство г-на Н. У., что о ней шла рѣчь въ года его дѣтства, т. е. сдава-ли позже 1866 г., когда появилось продолженіе Шту肯берга. Послѣдній былъ не только современникъ Д. И. Зуева, но также инженеромъ, какъ онъ, и потому легко могъ быть съ нимъ знакомъ и знать его продолженіе. Г. Суворинъ думаетъ, напротивъ, что Зуевъ зналъ продолженіе Штуkenberga и даже воспользовался имъ и потому выступилъ со своею записью лишь въ Ноябрѣ 1887 г., выждавъ кончину Штуkenberga, который умеръ въ Мартѣ того-же года. Однако и тогда онъ ограничился тѣмъ, что прочелъ свою рукопись въ обществѣ литераторовъ, а печатать ее еще не рѣшался — почему? На этотъ вопросъ отвѣтаетъ въ „Новомъ Времени“ упомянутый выше г. Н. У., что Дмитрій Павловичъ ждалъ, пока умретъ его братъ Пётръ Павловичъ, который зналъ обѣ его обманѣ, а умеръ онъ въ 1895 г. Если такъ, то какъ-жко не побоялся Дмитрій Павловичъ огласить, по крайней мѣрѣ, фактъ обладанія этой подозрительной записью лѣтъ за восемь до смерти своего брата, который тогда-же могъ его изобличить? И такъ не только предположеніе г. Суворина противорѣчитъ показанію г-на Н. У., но и оба эти объясненія исключаютъ одно другое. Свидѣтельству г-на Н. У.— если оно есть на самомъ дѣлѣ свидѣтельство, а не такое-же предположеніе, какъ выска-

занное г. Суворинымъ — можно противооставить свидѣтельство разносторонне образованнаго и всѣми уважаемаго лица, также инженера (назвать его я пока не уполномоченъ), что Дмитрій Павловичъ читалъ ему продолженіе „Русалки“ лѣтомъ 1883 или 1884 г. на дачѣ Петра Павловича въ Петергофѣ при хозяинѣ. Для выясненія истины г. Н. У., дальній свойственникъ Дмитрія Павловича, предлагаетъ опросъ родныхъ; конечно, это было бы желательно, но могло бы и не дать ожидаемыхъ результатовъ, потому что оставшіеся въ живыхъ родственники Дмитрія Павловича мало что знаютъ точно обѣ его молодости, а при его „стихоманіи“, о которой говорить г. А. К., между ними, не смотря на все ихъ уваженіе къ душевеннымъ качествамъ покойнаго, логко могло сложиться предубѣжденіе противъ его разсказовъ о записіи, чѣмъ объясняются какъ слухи о томъ, что онъ „занять окончаніемъ Русалки“, такъ и его молчаніе въ ихъ кругу обѣ этомъ „занятіи“. Безусловно важно было бы добыть его подлинную запись, которую онъ при мысли вынималъ изъ ящика, стоявшаго въ его кабинетѣ (на Захарьевской), на лѣвомъ концѣ письменнаго стола, у стѣны, противоположной входу, и по которой прочелъ мыль начало, не извѣстно изъ общедоступнаго Пушкинскаго текста, и не сколько другихъ мѣстъ, казавшихся мыль сомнительными. Обѣ отличія одного изъ этихъ мѣстъ по рукописи и по напечатанному П. И. Бартеневымъ тексту я упомянуль въ своемъ изслѣдованіи („Ізвѣстія“, т. III, кн. 3, стр. 636 — 638), гдѣ отмѣчена и важность того обстоятельства, что запись начинается не съ отвѣта Русалочки на вопросъ князя:

Откуда ты, прелестное дитя?,

а со словъ князя:

Прощедшаго печальныя мочты

и т. д., составлявшія, очевидно, начало сцены въ рукописи, по которой читалъ Пушкинъ, когда его слушалъ Зуевъ, какъ разсказывается послѣдній, или — если кто не вѣритъ его разсказу, — которая какъ-то попала въ его руки. Но важище всѣхъ этихъ предполагаемыхъ внѣшнихъ фактовъ факты внутренніе, извлекаемые изъ самаго произведенія посредствомъ разбора его содержанія, языка и строя стиховъ при постоянномъ сличеніи съ несомнѣнными произведеніями Пушкина. Такому разбору подвергнута запись Д. П. Зуева въ моемъ изслѣдованіи, и выводы, къ которымъ я пришелъ въ немъ, еще ярче отвѣняются сравненіемъ этой записи съ двумя другими продолженіями „Русалки“, которыхъ г. Суворинъ считаетъ источникомъ продолженія, обнародованного Д. П. Зуевымъ. Однако прежде, чѣмъ привести свои настоящія заключенія, мнѣ еще остается сказать нѣсколько словъ о возможной причинѣ сходства въ нѣкоторыхъ частностяхъ между продолженіями Д. П. Зуева и Е. А. Богдановой, хотя это сходство и слабо и нехарактеристично. Это объясненіе кажется тѣмъ болѣе умѣстнымъ, что касается отчасти и продолженія Шту肯берга. Дѣло въ томъ, что г-жа Богданова, какъ и Штуkenбергъ, писали свои продолженія, по видимому, не безъ вліянія со стороны либретто извѣстной оперы Даргомыжскаго на ту-же тему. Это вліяніе можно предположить напр. потому, что и у г-жи Богдановой и въ оперѣ Русалка мстить не столько князю, сколько княгинѣ, мельникъ бросается на князя, князь отъ встрѣти съ русалками теряетъ сознаніе своихъ поступковъ, драма кончается крикомъ охотниковъ о поданіи помощи князю (въ оперѣ параллельно съ возглашомъ русалокъ):

Ох. Тутъ недоброе случилось,
Надо князя отыскать!
Рус. Теперь отъ насть онъ не уйдетъ!)

По всей вѣроятности, изъ оперы г-жа Богданова заимствовала и свою поэтическую форму. Общія черты Штуkenбергова продолженія съ либретто: приведенное выше заимствованіе изъ „Евгенія Онѣгина“ (впрочемъ у либреттиста не дословно):

Не самъ ли безумецъ я счастье утратилъ?
А было такъ близко, возможно оно),

водяной столпъ въ соотвѣтствіе облаку, изъ-за котораго является теремъ русалокъ, смерть княгини отъ испуга (въ оперѣ княгиня, по крайней мѣрѣ, „надаетъ безъ чувствъ“), отсутствіе всякаго намека на смерть мельника. И такъ нѣкоторая зависимость обоихъ этихъ продолженій отъ либретто оперы во всякомъ случаѣ весьма вѣроятна, а въ соотвѣтствующемъ имъ „Финаль“, который почти всецѣло принадлежитъ либреттисту, встречается много Пушкинскихъ выражений. Со своей стороны Штуkenбергъ и г-жа Богданова, умышленно или безсознательно, внесли въ свои продолженія кое-что что-то и сближаютъ взаимно все три продолженія и оперный „Финаль“. Однако и въ отношеніи къ либретто Зуевское продолженіе занимаетъ особое мѣсто: не смотря на вѣкоторое общее сходство съ текстомъ либретто, въ этомъ продолженіи нельзѧ найти никакихъ признаковъ даже косвенного вліянія оперы. Правда, мотивъ любви Русалки къ князю во время исполненія задуманной ею мести можетъ, пожалуй, показаться съ первого взгляда общимъ Зуевской записи съ либретто; но на самомъ дѣлѣ это не такъ: въ оперѣ Русалка, говоря словами Пушкина о своей мести князю, тутъ-же представляется эту месть лишь мѣрой къ тому, чтобы снова вступить въ обладаніе любимымъ человѣкомъ.

комъ, а въ Зуевской записи она думаетъ только о мести до тѣхъ поръ, пока вновь не увидѣла его, что гораздо болѣе согласно съ мыслию Пушкина, насколько можно ее угадать изъ конца пятой сцены.

И такъ вотъ тѣ положенія, къ которымъ я пришелъ на основаніи упомянутыхъ выше данныхъ, почерпнутыхъ мною изъ внимательнаго изученія Зуевской записи, изъ личнаго знакомства съ Дмитріемъ Павловичемъ и съ безспорными его произведеніями и изъ свидѣтельствъ и показаній знающихъ его людей:

1) Свѣдѣнія о записи Д. П. Зуева восходятъ къ 50-ымъ, если не къ 40-ымъ годамъ.

2) Если опѣ ждалъ чьей-либо смерти для сообщенія своей записи постороннимъ, то не смерти брата или Штукенберга, а, быть можетъ, кого-нибудь изъ Пушкинского кружка, послѣдовавшей не позже 1883 г.

3) Его продолженіе „Русалки“ во всѣхъ отношеніяхъ несравненно ближе къ несомнѣннымъ произведеніямъ Пушкина, чѣмъ два другія (и чѣмъ Вельтмановское, не говоря уже объ оперѣ), хотя г-жа Богданова, по видимому, даровитѣе Д. П. Зуева.

4) Оно значительно короче прочихъ, чтѣ не согласно съ обычаями подражателей вообще, ни съ манерою Дмитрія Павловича въ частности.

Ф. Корин.

А. С. Пушкинъ въ Казани.

I.

Пребываніе А. С. Пушкина въ Казани составляеть кратковременный эпизодъ изъ его путешествія на востокъ Европейской Россіи осенью 1833 года. Прежде, чѣмъ перейти къ обрисовкѣ этого эпизода, мы позволимъ себѣ предпослать нѣсколько словъ объ указанномъ путешествіи нашего поэта вообще, обѣ обстоятельствахъ, вызвавшихъ путешествіе, о цѣляхъ и намѣреніяхъ, какія съ нимъ связывались.

Вѣхѣ побуждали поэта отчасти обстоятельства его личной жизни, отчасти интересы художественные и патчные.

Вотъ что писалъ Пушкинъ своему закадычному другу, П. В. Нацокину отъ 23 февраля 1833 г.¹⁾:

«Нѣтъ у меня досуга, вольной, холостой жизни, необходимой для писателя. Кружусь въ свѣтѣ, жена моя въ большой модѣ; это требуетъ денегъ, деньги достаются мнѣ черезъ труды, а труды требуютъ *удиненія*. Вотъ какъ располагаю я своимъ будущимъ лѣтомъ: послѣ родовъ жены²⁾ отправляю ее въ калужскую деревню, къ се-

1) Письма Пушкина цитируются нами по первому Морозовскому изданію, т. VII, а отчасти по собранию Брюсова.

2) 6 июля 1833 г. родился у него сынъ Александръ Александровичъ, крестнымъ отцомъ которого былъ именно П. В. Нацокинъ. При отѣздахъ Пушкина въ путешествіе жена его осталась въ Петербургѣ. Пушкинъ полагалъ тогда, что жена его опять беременна, какъ видѣо изъ его письма къ женѣ изъ села Языкова отъ 12 сентября (№ 858, стр. 325): „я радъ, что ты не брохата“.

страмъ, а самъ сѣзжу въ Нижній, да можетъ быть, въ Астрахань. Мимоходомъ увидимся и наговоримся досыта. Путешествие нужно мнѣ нравственно и физически". (Письмо № 339, стр. 314).

Кромѣ желания прокатиться, оставляться и доставить себѣ досугъ для занятій, Пушкина привлекали на Востокъ и сюжеты тѣхъ произведеній, надъ которыми онъ тогда работалъ.

Въ началѣ 1833 года А. С. Пушкинъ еще имѣлъ намѣреніе писать біографію генералиссимуса князя *A. B. Суворова*, куда, въ качествѣ одной главы, должно было войти изображеніе его участія въ усмирении Пугачевскаго бунта. 9 февраля Пушкинъ писалъ военному министру, графу *A. И. Чернышову*, прося доставить ему для занятій разные документы, въ томъ числѣ и „следственное дѣло“ о *Пугачевѣ* (стр. 312, письмо № 338). Просьба Пушкина была удовлетворена Чернышовымъ 25 февраля (*B. Брюсовъ*, Письма Пушкина и къ Пушкину, стр. 70, № 30)¹⁾. 5 марта (у Морозова, № 340, стр. 314) Пушкинъ приглашалъ себѣ въ сотрудники по архивнымъ историческимъ занятіямъ *M. П. Погодина*, а 8 числа того же мѣсяца (№ 341, стр. 315) еще разъ обращался къ Чернышову, прося къ полученнымъ уже о *Пугачевѣ* бумагамъ добавить еще донесенія и реляціи за 1776 г. 8 марта Чернышовъ (у Брюсова, стр. 71, № 31) опять доставилъ Пушкину кое-какія бумаги.

Какъ это часто бываетъ, отдельный эпизодъ первоначального обширного замысла разросся въ особое цѣлое произведеніе,— и выѣсто біографіи Суворова у Пушкина написалась „Исторія Пугачевскаго бунта“.

Уже 8 мая *H. B. Гоголь* съ восторгомъ сообщалъ въ

1) Доставлены были не все документы, просимые Пушкинымъ: следственное дѣло о *Пугачевѣ* Пушкинъ читалъ уже посль напечатанія своей „Исторіи Пугачевскаго бунта“.

Москву М. П. Погодину (Шисьма, изд. В. И. Шенрокомъ, т. I, стр. 250, № 81): „Пушкинъ ужъ почти кончилъ *Исторію Пугачева*. Это будетъ единственное у насъ въ этомъ родѣ сочиненіе. Замѣчательна очень вся жизнь Пугачева. Интересу пропасть! Совершенный романъ!“ Впрочемъ, въ данномъ случаѣ Гоголь поспѣшилъ и упредилъ событія. Материалы къ написанію „Исторіи Пугачевскаго бунта“ были вполнѣ готовы у Пушкина только къ осени. Наряду съ научно-историческимъ изображеніемъ исторіи Пугачевщины, у Пушкина возникъ замыселъ нарисовать ту же эпоху и художественно— въ видѣ романа или повѣсти: то была „Капитанская дочка“¹⁾, написанная позднѣе, а именно, между 1834 и 1836 годами.

Для болѣе подробнаго и точнаго изложенія событій Пугачевщины требовалось Пушкину самому осмотрѣть тѣ мѣста, где они происходили. Въ этомъ направлѣніи онъ началъ хлопотать, добиваясь себѣ отпуска въ Казань и Оренбургъ. Прошеніе о томъ, или письмо Пушкинъ представилъ Государю чрезъ шефа жандармовъ 22 июля, а 29 июля Управляющій III Отделеніемъ *A. Н. Мордвиновъ*, за отсутствіемъ самого шефа, графа *A. X. Бенкendorфа*, уѣхавшаго въ свое знаменитое имѣніе *Файлъ*²⁾, увѣдомилъ Пушкина, что Государю угодно знать, что побуждаетъ его къ поѣздкѣ, и по какой причинѣ хочетъ онъ „остановить занятія, здѣсь на него возложенные“.

На другой же день, 30 июля Пушкинъ приспалъ съ

1) См. Николай Лернеръ, „Труды и дни“, стр. 108, *N. О. Морозовъ* (т. VII изданія сочиненій Пушкина, стр. XII, хронологический списокъ произведеній) указываетъ, что „Капитанская дочка“ окончена въ августѣ 1833-го года, а въ т. V, стр. 274, полагается, что эта повѣсть была написана одновременно съ „Исторіею Пугачевскаго бунта“, какъ результатъ занятій Пушкина по составленію этой исторіи.

2) Видъ этого имѣнія, по картины *Фриккъ*, былъ помѣщенъ въ альманахѣ жандармскаго офицера *Владиславова* „Утренняя Заря“ за 1813 г.

дачи на Черной рѣчкѣ отвѣтъ¹⁾). Любопытно, что въ этомъ отвѣтѣ А. Н. Мордвинову Пушкинъ мотивируетъ свою просьбу объ отпускѣ чисто материальными соображеніями. По его словамъ, онъ желалъ бы провести два мѣсяца въ совершенномъ *единеніи*, дабы отдохнуть отъ важнѣйшихъ занятій и кончить книгу, давно имъ начатую, которая ему доставитъ *деньги*. „Мнѣ самому совсѣмъ“, признается поэтъ, „тратить время на *суетныя занятія* (NB поэзіею!) — но что дѣлать? они одни доставляютъ мнѣ независимость и способъ проживать съ моимъ семействомъ въ Петербургѣ, гдѣ труды мои, благодаря Государя, имѣютъ цѣль болѣе *важную и полезную*“. Въ деревнѣ онъ хочетъ дописать *романъ*, коего большая часть дѣйствія происходитъ въ Оренбургѣ и Казани; вотъ почему ему бы хотѣлось поѣхать обѣ сїи губерніи (у Брюсова, № VII, стр. 21).

На это письмо, писанное „со всею искренностью“, Мордвиновъ, по порученію Бенкендорфа, 7 августа сообщилъ поэту, что Государь дозволяетъ емуѣхать на четыре мѣсяца въ Оренбургъ и Казань. 11 августа поэтъ подалъ формальное прошеніе, а 12-го ему уже былъ разрѣшенъ отпускъ дѣйствительно на четыре мѣсяца, и поэтъ могъѣхать туда, куда его влекли историческіе и художественные интересы.

18 августа Пушкинъ началъ свое путешествіе, изъ котораго возвратился въ Петербургъ на цѣлый мѣсяцъ ранѣе срока истеченія отпуска, т. е. не черезъ четыро, а черезъ три мѣсяца, не въ декабрѣ, а въ ноябрѣ того же года.

По дорогѣ въ Москву Пушкинъ заѣзжалъ еще въ сторону, гостила у знакомыхъ и былъ, между прочимъ, въ

1) У Морозова (цитированное изданіе, т. VII, № 344, стр. 316) это письмо ошибочно отнесенено, какъ адресованное къ самому Бенкендорфу, котораго уже не было въ городѣ. Та же ошибка повторена и у А. С. Арапашинскаго, „Пушкинъ въ Казани“, стр. 1.

имѣніи родныхъ своей жены, Гончаровыхъ, въ Ярополчѣ¹⁾). Въ Москву онъ прибылъ только 25 августа и остановился въ домѣ Гончаровыхъ же, на Никитской. Здѣсь онъ оставался до 29 августа, когда выѣхалъ въ Нижній, куда онъ прибылъ 2 сентября. Изъ Нижнаго поѣхъ поѣхалъ въ Казань, куда онъ разсчитывалъ (въ Москвѣ) прибыть еще около третьяго²⁾.

II.

Въ Казани Пушкинъ пробылъ всего около трехъ сутокъ. Но восстановить полную картину пребыванія поэта въ этомъ городѣ, какъ мы убѣдимся ниже, весьма затруднительно; это связано съ нѣкоторыми вопросами, не поддающимися окончательному решению.

Прежде всего дадимъ отчетъ о тѣхъ первоисточникахъ, какими мы располагаемъ по вопросу о пребываніи Пушкина въ Казани.

Официальный органъ, издававшійся тогда при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ, „Прибавленіе къ Казанскому Вѣстнику“ о проѣздѣ Пушкина хранить полное молчаніе.

Главнымъ и надежнѣйшимъ источникомъ является воспоминаніе о Пушкинѣ мѣстной Казанской поэтессы Александры Andresovны Фуксъ.

1) Ярополчъ, Ераполецъ, или Казанское — большое село на рѣкѣ Намѣ, въ 115 в. отъ Москвы по дорогѣ въ Зубцовъ, принадлежало графу Захару Григорьевичу Черышеву, славилось садами и великолѣпными постройками; Екатерина II не разъ посѣщала Черышева въ его имѣніи. Ярополчъ былъ воспѣтъ Василиемъ Ивановичемъ Майковымъ (см. его „Сочиненія и переводы“, изд. 1867 г., стр. 516—519 и прим. на стр. 554) въ отъ-

Градского шуму удаляся,
Прѣмлю лиру я мою:
Во Ярополчѣ веселяся,
Пріятность снаго пою...
и т. д.

2) № 347, отъ 26 августа, стр. 320.

Мы не станемъ здѣсь останавливаться подробно на этой замѣчательной провинциальной дѣятельности — потому, что нами написана о ней отдельная монографія, помѣщена въ „Русской Старинѣ“ за истекшій 1904 годъ, въ іюньской и юльской книжкахъ. Къ сожалѣнію, ея воспоминаніе о Пушкинѣ касается только одного дня, а именно 7 сентября.

Воспоминаніе г-жи Фуксъ представляетъ собою собственно письмо къ ея подругѣ, Еленѣ Николаевнѣ Мандрыкиной¹⁾, желавшей по поводу смерти Пушкина узнать подробности о личномъ знакомствѣ своей подруги съ великимъ поэтомъ. Это письмо г-жи Фуксъ къ Мандрыкиной вмѣстѣ съ подлинными письмами поэта къ г-же Фуксъ было прочтено на одной изъ литературныхъ бесѣдъ (1 декабря 1843 года) въ домѣ г-жи Фуксъ, какія она устраивала въ Казани по зимамъ въ теченіе многихъ лѣтъ; тогда же это сообщеніе было напечатано въ „Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ (за 1844 г., № 2).

Въ своемъ воспоминаніи поэтессы очень подробно и съ любовью записала все детали знакомства съ поэтомъ 7 сентября 1833 г., когда она съ мужемъ принимала Пушкина въ своеѣ домѣ; въ статьѣ приведены все разговоры, какіе были съ нимъ тогда ведены. Но первая половина казанскаго пребыванія Пушкина, т. е. 6 сентября, въ воспоминаніи Фуксъ совершенно отсутствуетъ.

Кое въ чёмъ дополняются свѣдѣнія г-жи Фуксъ тѣми письмами, какія поэтъ писалъ ей и своей женѣ. И тѣ, и другія вошли въ изданіе П. О. Морозова. Особенное значеніе имѣютъ теперь для настѣннаго письма Пушкина къ женѣ изъ Казани отъ 8 сентября (№ 351, стр. 323), отъ 12 сен-

1) Эта младшая и незамужняя дочь Казанского начальника внутренней стражи, генерала Н. Л. Мандрыки, впослѣдствіи поступила въ Богородицкій монастырь въ Свияжскѣ, гдѣ постриглась подъ именемъ Есоири и скончалась монахинею.

тября изъ с. Языкова¹⁾, въ 65 верстахъ отъ Симбирска (№ 353, стр. 324—325) и порепечатанное изъ „Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ письмо къ А. А. Фуксъ изъ Казани отъ 8 сентября (№ 352, стр. 324).

Наконецъ, къ пребыванію А. С. Пушкина въ Казани относится еще особое офиціальное дѣло, не содержащее, впрочемъ, никакихъ цѣнныхъ указаний. О немъ будетъ у насъ рѣчь ниже. Оно напечатано въ „Русской Старинѣ“ за 1882 г., въ январской книжкѣ, т. 33, стр. 223—226.

На основаніи этихъ первоисточниковъ писались различные справки и юбилейныя поминки. Такъ, къ столѣтней годовщинѣ рожденія нашего поэта казанскій профессоръ исторіи права (при Университетѣ) Н. П. Загоскинъ помѣстилъ о пребываніи Пушкина въ Казани статью въ майскомъ (юбилейномъ) номерѣ „Исторического Вѣстника“ за 1899 годъ.

Статья проф. Загоскина представляетъ собою, въ существенномъ, пересказъ воспоминанія г-жи Фуксъ съ нѣкоторыми собственными указаніями, не всегда, впрочемъ, надежными.

Къ тому же юбилею издалъ особую брошюру профессоръ русской литературы при томъ же Университетѣ А. С. Архангельскій подъ заглавіемъ: „А. С. Пушкинъ въ Казани (5—8 сентября 1833 года). Нѣсколько замѣтокъ о пребываніи А. С. Пушкина въ Казани съ присоединеніемъ относящихся къ этому литературныхъ материаловъ“²⁾ въ 8-ую долю.

Уже самое заглавіе брошюры показываетъ, что это есть нѣчто случайное, сборное, mixtum compositum, на-

1) А. С. Архангельскій (ср. сіт., стр. 8) ошибочно считаетъ это письмо писаннымъ изъ Симбирска, тогда какъ изъ Симбирска писано письмо женѣ 14 сентября (№ 354, стр. 325).

2) Эту брошюру нужно отличать отъ другой брошюроки того же автора, изданной въ Казани же и тогда же: „А. С. Пушкинъ, какъ писатель народный“ (въ 12-ую долю листа).

скоро написанное. Въ брошюре 67 стр., но текста всего 27 стр.; остальные 40 стр. заняты разнообразными „приложениями“. Нѣкоторыя изъ этихъ приложений цѣнны; напр., перепечатано воспоминаніе г-жи Фуксъ. Но есть и вещи, рѣшительно неимѣющія никакого отношенія къ проѣзду Пушкина черезъ Казань: напр., 10 стр. заняты перепечаткою баллады Г. П. Каменева „Громвалъ“¹⁾. Каменевъ приходился г-жѣ Фуксъ дядею, и Пушкинъ, при свиданіи съ племянницею, хвалилъ ей стихи покойнаго ея дяди, по специальному о „Громвалѣ“ ничего не говорилъ. И вдобавокъ перепечатанъ „Громвалъ“ съ небрежностю, никакъ непростительную для ученаго специалиста по русской словесности: на стр. 60 и 61 четырнадцать строфъ (56 стиховъ) совершенно перемѣшаны между собою, такъ что въ результатѣ получается полнейшая безмыслица, которую читатель-неспециалистъ, пожалуй, припишетъ еще ни въ чемъ неповинному Каменеву, тогда какъ она всецѣло внесена отъ себя г. профессоромъ Архангельскимъ. Не говоримъ уже о томъ, что для перепечатки взяты *не подлинный*, первый текстъ самого Каменева изъ „Периодического изданія“ Общества любителей словесности, наукъ и художествъ, 1804 г., а текстъ, значительно передѣланный *B. A. Жуковскимъ* для его „Собрания образцовыхъ русскихъ сочинений“. О передѣлкѣ каменевского текста г. Архангельский, преимущественно работавшій по русской словесности надъ „творепіями святыхъ отцовъ“, пожалуй, могъ и не знать.

Въ „приложенияхъ“ еще разъ приведены письма Пушкина къ г-жѣ Фуксъ, уже перепечатанныя въ Морозовскомъ изданіи. Но, перепечатавъ письма Пушкина къ Фуксъ, проф. Архангельский почему то не перепечаталъ

1) Объ этомъ поэту см. нашъ трудъ „Къ біографії Гавріила Петровича Каменева“, Варшава, 1905.

двухъ сохранившихъ отвѣтныхъ писемъ г-жи Фуксъ къ Пушкину, вошедшихъ въ Бартеневское изданіе „Бумаги А. С. Пушкина“, М. 1881, вып. I, стр. 21—22, отъ 20 января 1834 г. и отъ 24 мая 1836 г., и даже ни однимъ словомъ не упоминаетъ объ этихъ письмахъ такъ, какъ будто о существованіи ихъ онъ совершенно не подозреваетъ.

Обратимся къ тексту брошюры. А. С. Архангельский никогда не занимался казанской исторіею и казанскими древностями. Поэтому онъ обратился за содѣйствіемъ къ известному мѣстному знатоку казанской исторіи, Николаю Яковлевичу Агафонову, который предоставилъ въ распоряженіе профессора свой громадный архивъ, обширную библиотеку Casanensis и даже свои ненапечатанныя сочиненія (см. стр. 11). Въ большинствѣ случаевъ заимствованное у Н. Я. Агафонова или почерпнутое по его указанію изъ рѣдкихъ печатныхъ источниковъ того времени цѣнно; таковы свѣдѣнія о г-жѣ Фуксъ, объ Э. П. Шерцовѣ, о состояніи тогдашней Казани (по „Губернскимъ Вѣдомостямъ“ и книгамъ тѣхъ годовъ). Собственные библиографическія указанія проф. Архангельского, какъ мы уже видѣли выше, не всегда точны. Выводы его (напр., о мѣстѣ остановки Пушкина въ Казани) часто невѣрны.

Наконецъ, по одному частному вопросу (а именно, гдѣ въ Казани останавливался Пушкинъ) высказался уже въ печати пишущій эти строки (см. субботнее приложеніе къ газетѣ „Новое Время“ отъ 8 ноября 1903 г., № 9943, стр. 7—8). Разобравъ какъ мѣстное казанское преданіе, поддерживаемое проф. Н. П. Загоскинымъ, такъ и аргументы проф. А. С. Архангельского, и доказавъ несостоятельность всѣхъ этихъ мнѣній, мы привели отысканное нами свидѣтельство самого Пушкина и представили новую формулировку интересующаго нась вопроса, о которой скажемъ и здѣсь нѣсколько словъ ниже.

III.

Первымъ вопросомъ изслѣдователя, приступающаго къ описанію пребыванія Пушкина въ Казани, является опредѣленіе момента времени, *когда онъ прибылъ въ этотъ городъ*.

Самъ поэтъ писалъ женѣ изъ Казани отъ 8 сентября: „Я здѣсь съ *пятаго* и до сихъ поръ не имѣлъ времія (sic) тебѣ написать слова“ (т. VII, стр. 323, № 351).

А. А. Фуксъ въ своемъ воспоминаніи сообщаетъ, что о пріѣздѣ Пушкина въ Казань она узнала отъ Е. А. Боратынскаго, пріѣхавшаго къ ней съ прощальнымъ визитомъ, *шестою*. Даѣтъ, разсказывая, что ея мужъ познакомился съ Пушкинымъ *седьмого* утромъ, А. А. прибавляетъ, что Пушкинъ останавливался въ Казани на *одни сутки*. Изъ этого сопоставленія выходитъ какъ будто, что поэтъ прибылъ въ Казань не пятаго, а *шестою*, и притомъ утромъ, ибо обѣ его пріѣздѣ А. А. узнала уже въ визитное время, т. е. послѣ полудня.

Наконецъ, по полицейскимъ свѣдѣніямъ въ вышеуказанномъ „дѣлѣ“, поэтъ прибылъ въ Казань тоже шестого, а не пятаго сентября.

Такимъ образомъ, получается противорѣчіе: съ одной стороны, показаніе самого поэта полагаетъ днемъ его пріѣзда въ Казань пятое число; съ другой стороны, А. А. Фуксъ и полиція свидѣтельствуютъ о прибытіи его въ Казань не пятаго, а шестого сентября.

Какъ примирить эти показанія между собою, или которое изъ нихъ положительно вѣрно, а которое исправильно?

Мы не имѣемъ никакого основанія сомнѣваться въ показаніи поэта. Вдобавокъ, А. А. Фуксъ познакомилась вѣдь съ Пушкинымъ только наканунѣ его отѣзда, т. е. *седьмого* вечеромъ, а при пріѣздѣ его не присутствовала

и судила со словъ Е. А. Боратынскаго, который могъ и не сказать ей точно, когда именно пріѣхалъ Пушкинъ, ограничившись лишь простымъ указаніемъ на самый фактъ пріѣзда; или же А. А. могла не понять Евгенія Абрамовича, а быть можетъ и не доспросила его прямо о моментѣ пріѣзда дорогого гостя.

Что касается свѣдѣній полиціи, то они оказываются весьма запоздалыми, ибо они помѣщены въ бумагѣ отъ 30 октября, т. е. болѣе, чѣмъ черезъ $1\frac{1}{2}$ мѣсяца послѣ отѣзда поэта изъ Казани.

Повидимому, примирить разногласящія показанія всего лучше такъ.

Въ письмѣ къ женѣ еще изъ Нижняго отъ 2 сентября (№ 350, стр. 323) поэтъ сообщаетъ, что онъ былъ у губернатора, генерала *Бутурлина*; онъ и жена его приняли Пушкина „очень мило и ласково“; поэта уговаривали обѣдать „завтра“ (т. е. 3 сентября) у нихъ. Такимъ образомъ, изъ Нижняго поэтъ могъ выѣхать самое раннее — послѣ губернаторскаго обѣда, 3 сентября, вечеромъ. Растояніе между Казанью и Нижнимъ (550 верстъ) при безостановочной, быстрой Ѣздѣ на перекладныхъ, безъ остановокъ и ожиданія лошадей, на бойкихъ коняхъ, при хорошемъ состояніи пути и благопріятной погодѣ¹⁾, поэтъ дѣйствительно могъ проѣхать въ двое съ лишкомъ сутокъ²⁾, а значитъ, и могъ прибыть въ Казань именно

1) Въ другомъ письмѣ къ женѣ изъ Нижняго отъ того же 2 сентября (№ 349, стр. 321) поэтъ восклицаетъ: „Что у насъ за *погода!* дни жаркіе, съ утра маленькие морозы: роскошь! такъ ли у васъ?“ Хорошая дорога была и далѣе. „Надобно тебѣ знать“, пишетъ Пушкинъ женѣ уже изъ Болдана 2 октября (№ 356, стр. 327), „что наилѣпшій годъ была всеобщая засуха, и что Богъ угодилъ на одного меня, уготовавъ мнѣ всѣдѣ прекраснѣшую дорогу“.

2) Однако, изъ Москвы въ Нижний (расстояніе 410 в.) поэтъ „дотянулся“ только на *пятые* сутки, хотя дорога была „хороша“; но это потому, что на станціяхъ, особенно подъ Москвою смотрители не давали лошадей, несмотря на бумагу, ваятую Пушкинымъ отъ самого московскаго почтъ-директора *Булакова* (№№ 349 и 350, стр. 321 — 323).
ш.

пятаго очень поздно вечеромъ или уже въ ночь на шестое, почему казанцы могли отнести его приѣздъ уже къ слѣдующему дню, къ шестому числу. Наконецъ, нельзя не признать возможнымъ и того, что, прибывши въ Казань въ ночь съ пятаго на шестое, поэтъ допустилъ обычную въ такихъ случаяхъ неточность обозначенія: еще не ложившись спать, считалъ день незаконченнымъ, т. е. все еще пятаго сентября, тогда какъ астрономически послѣ 12 часовъ ночи уже началось шестое число.

IV.

Рассмотрѣвъ вопросъ о времени приѣзда поэта въ Казань, обратимся теперь ко второму вопросу, еще болѣе трудному, а именно, къ вопросу о мѣстѣ жительства А. С. Пушкина во время пребыванія его въ Казани.

Въ виду того, что этому вопросу была уже посвящена нами особая специальная статья, выше нами указанная, мы можемъ ограничиться здѣсь лишь приведеніемъ ся существеннаго содержанія и выводовъ.

Въ самой Казани на этотъ счетъ существовало преданіе, будто бы А. С. Пушкинъ останавливался у своего приятеля (по Петербургу) Эраста Петровича Першова въ его и его братьевъ домѣ, на углу Рыбнорядской и Малой Проломной улицъ. Домъ этотъ пынѣ принадлежитъ бакалейному торговцу, купцу А. В. Афанасьеву¹⁾, содержащему въ немъ одну изъ своихъ лавокъ.

Казанцы были такъ твердо убѣждены въ вѣрности этого преданія, что даже собирались въ 1887 и въ 1899 годахъ отъ лица Думы прикрѣпить къ дому мраморную доску съ соответствующею надписью, а кромѣ того, про-

1) Видѣ дома былъ приложенъ къ моей статьѣ.

лагающую мимо дома Рыбнорядскую улицу намѣревались переименовать въ Пушкинскую.

Противъ этого преданія и основанныхъ на немъ предположеній неоднократно выступали, какъ прежній владѣлецъ дома, братъ Эраста Петровича, Петръ Петровичъ, такъ и сынъ послѣдняго, племянникъ пушкинского приятеля, не только устно и письменно, но и въ печати¹⁾.

Ученымъ защитникомъ мѣстной легенды о перцовскомъ домѣ выступилъ проф. Н. П. Загоскинъ; противъ легенды высказался проф. А. С. Архангельскій.

Подробному анализу какъ самаго преданія, такъ и аргументовъ (въ его пользу) — Н. П. Загоскина и выводовъ А. С. Архангельского была посвящена моя статья. Вопросъ приходится теперь ставить совсѣмъ иначе, благодаря указанному мною обстоятельству, неизвѣстному для писавшихъ прежде. Изъ Казани 8 сентября 1833 г. Пушкинъ выѣхалъ и 9 сентября былъ уже въ Симбирскѣ. Здѣсь у губернатора Пушкинъ видѣлся съ однимъ старымъ поволжскимъ литераторомъ, отставнымъ чиновникомъ Иваномъ Алексѣевичемъ Второвымъ, который объ этомъ своемъ свиданіи съ знаменитымъ поэтомъ сообщилъ письмомъ сыну, Николаю Ивановичу Второву, въ это время жившему въ Казани. Въ монографіи М. Ф. Де-Пулѣ обѣ И. А. Второвѣ „Отецъ и сынъ“ („Русскій Вѣстникъ“, т. 118, за 1875 г., августъ, стр. 610) приведенъ изъ этого письма отрывокъ, одна фраза котораго имѣеть въ данномъ случаѣ особенную важность: „Пушкинъ сказывалъ мнѣ, что былъ въ Казани у Фукса и стоялъ *вместѣ съ Боратынскимъ*“²⁾.

Теперь трудность вопроса состоить уже въ томъ, чтобы опредѣлить, гдѣ же „стоялъ“ Боратынскій въ это

1) Въ мѣстномъ органѣ „Волжскомъ Вѣстнике“ за 1899 г.

2) А проф. Архангельскій все старался доказать, что Пушкинъ жилъ „во всякомъ случаѣ“ *не* у Боратынского (стр. 18 — 19).

время, и гдѣ онъ обыкновенно останавливался, когда живалъ въ Казани.

Старшій сынъ извѣстнаго поэта, донынѣ еще здравствующій, Левъ Евгеньевичъ Боратынскій любезно объяснилъ намъ, что его отецъ, бывая въ Казани, неподалеку отъ которой было расположено имѣніе его тестя, Льва Николаевича Энгельгардта, останавливался въ домѣ тестя; этотъ домъ стоялъ гдѣ-то на Грузинской улицѣ и теперь болѣе не существуетъ.

Наши собственныя попытки и поиски въ городскомъ архивѣ, по нашей просьбѣ любезно произведенныя городскимъ архиваріусомъ и библіотекаремъ городской публичной библіотеки *A. I. Войцыховскимъ*, не дали никакихъ результатовъ,— и опредѣлить мѣстоположеніе дома Энгельгардта на Грузинской улицѣ намъ не удалось.

Итакъ, намъ одно только извѣстно положительно вѣрно, что Пушкинъ въ Казани жилъ вмѣстѣ съ Боратынскимъ, но было ли то въ домѣ Энгельгардта, или въ какомъ другомъ домѣ, или, наконецъ, въ какой-нибудь гостинице, мы не знаемъ. Выраженіе Второва и Пушкина „стоялъ“ можетъ относиться и къ гостинице. Если Боратынскій на этотъ разъ самъ останавливался въ домѣ Энгельгардта, то Пушкинъ, зная мѣсто его остановки, могъ проѣхать туда прямо съ дороги. Но вполнѣ возможно и такое предположеніе, что Пушкинъ, по прїѣздѣ въ Казань, сначала остановился въ гостинице, какъ останавливался, повидимому, въ гостиницахъ и въ Нижнемъ, и въ Симбирскѣ, а потомъ уже, на другой день, т. е. шестого поутру, какъ-либо узнавъ, что Боратынскій въ Казани, перебрался на житѣе къ нему, Боратынскій же, дѣлая послѣ этого въ тотъ самый день прощальный визитъ А. А. Фуксѣ, сообщилъ ей о прїѣздѣ Пушкина; вотъ почему, можетъ быть, прїѣздъ Пушкина и начали считать съ шестого, т. е. со дня его переселенія къ Боратынскому.

Возможно, наконецъ, что Пушкинъ и случайно остановился въ той же гостинице, гдѣ уже стоялъ Боратынскій.

Замѣтимъ, что Пушкинъ врядъ-ли могъ разсчитывать застать Боратынского въ Казани. Еще въ письмѣ къ Ивану Васильевичу *Кирѣевскому* отъ 4 августа 1833 г. (Татевскій Сборникъ *C. A. Рачинскаго*, 1899, № 40, стр. 49) Е. А. Боратынскій даетъ ему свой адресъ такъ: „Тамбовской губерніи въ *Кирсановѣ*“; слѣдовательно, онъ разсчитывалъ пробыть въ материномъ имѣніи *Вяжлю*, по крайней мѣрѣ, еще двѣ недѣли. При медленности тогдашней почты онъ едва-ли получиль бы отвѣтъ отъ И. В. Кирѣевскаго изъ Москвы ранѣе. Отъ 15 октября 1833 г. (тамъ же, № 41, стр. 51) онъ сообщаетъ Кирѣевскому, повидимому, изъ того же тамбовскаго имѣнія: „у насъ совершенный голодъ“. Въ промежутокъ между этими двумя письмами Е. А. Боратынскій успѣлъ побывать въ Казани и тамъ повидался съ Пушкинымъ¹⁾). Поѣзда Боратынского въ Казань, кажется, произошла въ концѣ августа мѣсяца и носила, надо полагать, для самого Боратынского характеръ неизведанный, спѣшной, неотложной и дѣловой.

Мы не можемъ опредѣлить, когда Е. А. Боратынскій прибылъ въ Казань, гдѣ онъ тутъ жилъ, и долго ли тамъ пробылъ. Несомнѣнно, онъ прибылъ ранѣе Пушкина, ибо къ его прїѣзу онъ уже собирался уѣзжать и, сообщая г-жѣ Фуксѣ о появленіи Пушкина въ Казани, дѣлая ей визитъ pour prendre congé. Притомъ, этотъ отвѣздъ его былъ обратно въ Вяжлю, ибо, если бы онъ уѣзжалъ только въ имѣніе тестя, въ Каймары, за 20 верстъ отъ Казани,

1) Поэтому совершенно ложно мнѣніе проф. *Архангельского* (стр. 12): „Боратынскій около этого времени (?) и жаль въ Казани: здѣсь жилъ его тесть и ближайшіе родные.“ Именно „около этого времени“ они и не жили ни въ Казани, ни въ Каймарахъ, а Е. А. былъ въ Казани наѣзомъ.

то А. А. Фуксъ не имѣла бы повода „грустить“ объ этой разлукѣ. Съ Боратынскимъ и съ его тестемъ, Л. Н. Энгельгардтомъ А. А. Фуксъ (см. нашу монографію объ ней, стр. 509) видѣлась въ Москвѣ въ январѣ того же 1833-го года; какъ видно изъ ея писемъ къ мужу, она не одинъ разъ была въ Москвѣ въ домѣ Боратынскихъ, гдѣ познакомилась съ Кирѣевскимъ и Хомяковымъ.

Какъ мы увидимъ ниже, Е. А. Боратынскій, простиившись шестого съ А. А. Фуксъ окончательно, не уѣхалъ седьмого утромъ прямо въ Вязлю, но воспользовался еще этимъ днемъ, чтобы предварительно сѣзжать въ Каймары и восьмого утромъ рано былъ въ Казани на проводахъ Пушкина.

Приѣздъ Пушкина обрадовалъ Е. А. Боратынского. Къ г-жѣ Фуксъ онъ „вошелъ въ комнату съ такимъ веселымъ лицомъ, что ей стало даже «досадно», и она „приготовилась было сдѣлать ему упрекъ за такой равнодушный прощальный визитъ“. Эта, еще не успѣвшая остыть радость указываетъ, что Боратынскій свидѣлся съ Пушкинымъ не наканунѣ, а только-что, т. е. не пятаго вечеромъ, а шестого утромъ.

V.

Допуская, что Пушкинъ прибылъ въ Казань пятаго сентября поздно вечеромъ или же въ ночь съ пятаго на шестое, надобно предположить, что послѣ отдыха съ дороги Пушкинъ первую половину дня шестого сентября употребилъ на то, чтобы разыскать Боратынского (если онъ не уѣхалъ къ нему прямо) и на то, чтобы сдѣлать некоторые официальные визиты, напр., губернатору, каковыми тогда (съ 1832 по 1841 г.) были въ Казани

генераль-адъютантъ, генераль-лейтенантъ Степанъ Степановичъ Стрекаловъ¹⁾.

Помощь губернаторовъ была для Пушкина необходимо въ видахъ большей успѣшности при достижениіи его цѣлей—осмотра замѣчательныхъ мѣстностей и зданій, игравшихъ ту или другую роль во время Пугачевщины. И въ другихъ городахъ Пушкинъ посыпалъ губернаторовъ: такъ, въ Нижнемъ, какъ мы видѣли, онъ даже отобѣдалъ у губернатора Бутурлина; и въ Симбирскѣ (см. его письмо къ женѣ, № 353, стр. 325, отъ 12 сентября изъ села Языкова, въ 65 верстахъ отъ Симбирска) онъ разсчитывалъ: „сегодня ѿду въ Симбирскъ, отобѣдаю у губернатора, а вечеромъ отправлюсь въ Оренбургъ, послѣдняя (sic) цѣль моего путешествія“. Пришло ли ему пообѣдать у казанского губернатора С. С. Стрекалова, мы не знаемъ. Если губернаторъ его приглашалъ къ обѣду²⁾, то этотъ обѣдъ могъ имѣть мѣсто только шестого сентября, потому что седьмого Пушкинъ обѣдалъ у Э. П. Перцова.

1) Губернаторъ этотъ оставилъ по себѣ добрую память въ Казани, какъ человѣкъ гостепримный и общительный; по отношенію къ самому городу означеновалось его губернаторство усиленнымъюще мѣстечемъ улицъ. Въ то время на самыхъ бойкихъ улицахъ, какъ, напр., на Большой улицѣ, бывала такая грязь, особенно по осени, что, случалось, не могли вытащить изъ нея увязнувшихъ тарантасовъ и оставляли ихъ лежать посреди улицы!

2) По своему гостепримству Стрекаловъ легко могъ пригласить Пушкина. Если онъ этого не сдѣлалъ, то разъѣхъ по соображеніямъ политического характера. Стрекаловъ былъ губернаторомъ въ Тифлисѣ, когда въ 1829 г. тамъ проѣзжалъ Пушкинъ, состоявший подъ полицейскимъ надзоромъ, о чёмъ, какъ увидимъ ниже, у губернатора тогда была и переписка. Хотя въ Казани въ то время еще не знали (см. ниже), что надзоръ продолжается, но по старой памяти Пушкинъ могъ казаться Стрекалову человѣкомъ опаснымъ. Вѣроятно, приглашенія Пушкину не было; Стрекалову человѣкомъ опаснымъ, поѣхъ ничего не упоминаетъ обѣ этомъ обѣды въ письме къ женѣ, тогда какъ обѣды у другихъ губернаторовъ отмѣчались имъ.

Что дѣлалъ Пушкинъ шестого сентября вечеромъ, мы не знаемъ. Вѣроятно, онъ проводилъ его въ обществѣ своего старого друга, Е. А. Боратынского.

VI.

Утромъ седьмого сентября Карлъ Федоровичъ Фуксъ, мужъ писательницы, прѣѣхалъ провожать Боратынского; вѣроятно, онъ думалъ, что Боратынский уѣзжаетъ совсѣмъ; но Боратынскийѣхъ еще только въ подгородное имѣніе Каймары. На проводахъ Евгения Абрамовича былъ, разумѣется, и жившій съ нимъ Пушкинъ. Еще наканунѣ, шестого, Боратынский предупредилъ Александру Андреевну о желаніи Пушкина видѣть обоихъ супруговъ, при чёмъ „такая неожиданная и радостная вѣсть“ заставила г-жу Фуксъ „проститься съ Боратынскимъ гораздо равнодушнѣе, нежели какъ бывало прежде“. Здѣсь, въ этомъ домѣ, откуда уѣзжалъ Боратынский, К. Ф. Фуксъ впервые увидѣль геніального поэта и познакомился съ нимъ. По свидѣтельству г-жи Фуксъ, судившей со словъ своего мужа, К. Ф. Фуксъ и А. С. Пушкинъ чрезъ полчаса уже чувствовали себя такъ хорошо знакомыми, какъ бы они уже давно жили вмѣстѣ.

Знакомство съ Фуксомъ было для Пушкина очень важно. Фуксъ, хотя по происхожденію и былъ заграничный немецъ, считался въ то время уже казанскимъ старожиломъ, былъ, при томъ, чуть ли не единственный въ то время знатокъ края, глубоко и всесторонне изучившій его исторію, этнографію и статистику и, въ добавокъ къ тому, какъ медикъ съ огромною практикой, зналъ въ Казани всѣхъ и все, не исключая татаръ и старообрядцевъ. И собственными знаніями, и черезъ своихъ знакомыхъ онъ могъ быть въ высшей степени полезенъ Пуш-

кину въ дѣлѣ собирания материаловъ о Пугачевщинѣ. Къ Фуксу направляли всѣхъ проѣзжихъ путешественниковъ, изучавшихъ край въ томъ или другомъ отношеніи; у Фукса были за свѣдѣніями и справками проѣзжавшіе чрезъ Казань баронъ Александръ фонъ Гумбольдт¹), баронъ Августъ Гакстаузенъ, французъ-оріенталистъ Лабатъ, министръ П. Д. Киселевъ, М. М. Сперанскій. Послѣдній такъ отзывался о Фуксѣ: „Фуксъ — чудо!.... Многообразность его познаній. Страсть и знаніе татарскихъ медалей. Знанія его въ татарскомъ и арабскомъ языкахъ. Благочестивый и нравственный человѣкъ. Большое его влияніе на татаръ по медицинѣ“²).

Въ Казанскомъ университете К. Ф. Фуксъ служилъ съ 1805 г., сначала въ качествѣ профессора естественной исторіи и ботаники, а съ 1818 г.—профессора терапіи, патологіи и клиники. Фуксъ имѣлъ большое влияніе на студентовъ³). И начальство цѣнило Фукса: неоднократно онъ былъ ректоромъ университета. Послѣдніе годы его службы были омрачены различными непрѣятностями, возникшими вслѣдствіе слабости его характера передъ попечителемъ М. Л. Магницкимъ⁴), при которомъ Фуксъ былъ ректоромъ. Наденіе Магницкаго запутало служеб-

1) О пребываніи Гумбольдта въ Казани см. мою специальную статью въ сборнике „Поволжье“, 1908 года.

2) У Корфа, Жизнь графа Сперанского, т. II, стр. 190. Сперанскій былъ въ Казани проѣздомъ въ Сибирь, 10—13 мая 1819 г. Ранѣе того, 18 сентября 1812 г. его провезли черезъ Казань въ ссылку въ Пермь.

3) См., напр., въ воспоминаніяхъ С. Т. Аксакова.

4) Фуксъ сильно запачкалъ себѣ угодничествомъ Магницкому: для него онъ и сочинилъ „Инструкцію“ преподавателямъ (въ 1822 г.), и предлагалъ Аракчеева въ почетные члены Университета (въ 1824 г.), и предсѣдательствовалъ въ Комитетѣ по скандальному дѣлу обѣ изгнаніи профессора Жобара; при этомъ сбылась Университету въ 1826 г. за 12 тысячъ рублей свое собраніе восточныхъ монетъ и прикрывалъ казнокрадство Магницкаго. По удаленіи послѣдняго, Фуксъ въ присутствіи Совѣта былъ объявленъ (вмѣстѣ съ Правленіемъ) выговоръ министра за самовольный и въ ущербъ казнѣ дѣйствія по денежнымъ счетамъ съ Магницкимъ.

ная дѣла Фукса. Незадолго до пріѣзда Пушкина въ Казань, Фуксъ, только-что (6 мая 1833 г.) получившій званіе заслуженнаго ординарнаго профессора, уже 1 іюля того же 1833 года вышелъ въ чистую отставку изъ университетской службы, оскорбленный тѣми условіями, на которыхъ ему предложено было продолжать служить, чего онъ еще хотѣлъ¹). Не покидая науки и медицинской практики, К. Ф. скончался въ Казани 24 апрѣля 1846 г., въ возрастѣ 69 лѣтъ²).

Къ пріѣзду Пушкина К. Ф. уже два мѣсяца не былъ профессоромъ и не принадлежалъ болѣе университету.

Александра Андреевна Фуксъ сама втайне сознавала, что, вѣроятно, Пушкинъ хотѣлъ собственно познакомиться съ ея мужемъ, а не съ нею³). Разумѣется, при состоявшемся знакомствѣ съ мужемъ, Пушкинъ долженъ былъ представиться и его женѣ. Но дѣло обошлось безъ визита: Пушкина прямо пригласили въ тотъ же день къ Фуксамъ на вечеръ, какъ въ свое время (23 и 27 мая 1829 г.) проводилъ у Фуксовъ вечера всемирно-извест-

1) Такимъ образомъ, совершенно невѣрно утверждение А. С. Архангельского, будто бы К. Ф. Фуксъ (стр. 7) „прожилъ въ Казани съ 1805 г. “исключительно на службѣ въ Казанскомъ университѣтѣ всю свою жизнь (+ 1846 г.)“ На самомъ дѣлѣ К. Ф. Фуксъ послѣ увольненія прожилъ въ Казани 18 лѣтъ и умеръ въ отставкѣ. Невѣрно и то, что онъ пріѣхалъ „въ Россію въ самой ранней своей молодости“ — это — 24 лѣта! И въ Университетѣ онъ служилъ вовсе не съ самаго его основанія: первый профессоръ, Петръ-Даніель-Фридрихъ Цепникъ былъ назначенъ 21 января 1805 г., а К. Ф. Фуксъ былъ назначенъ черезъ $7\frac{1}{2}$ мѣсяцевъ — уже седьмымъ по счету — 4 сентября того же года.

2) Память его почтена казанцами устройствомъ особаго „Фуксовскаго садика“ на берегу рѣки Казанки. Рядомъ съ садикомъ—мѣсто для свалки нечистотъ, зимній запасъ которыхъ по веснѣ свергается съ крутого берега въ рѣку, во время теплосхола.

3) „Пушкинъ зналъ, что въ Казани мой мужъ, какъ старожилъ, постоянно занимавшійся изслѣдованіемъ здѣшняго края, всего болѣе могъ удовлетворить его желанію и потому, можетъ быть, и желалъ съ нами (sic) познакомиться“.

ный путешественникъ Гумбольдтъ¹⁾). Вечеръ у Пушкина былъ вполнѣ свободенъ, потому что его сожителя, Е. А. Боратынского, не было въ городѣ. На другое утро, восьмого сентября, рано, еще до свѣту, Пушкинъ собирался ужеѣхать изъ Казани чрезъ Симбирскъ на Оренбургъ.

Знакомство съ К. Фуксомъ Пушкинъ цѣнилъ высоко. Въ письмѣ къ женѣ (№ 353, стр. 325) онъ называетъ Фукса „умный и ученый нѣмецъ... одолжилъ меня очень, и я радъ, что съ нимъ познакомился“. Въ „Исторіи Пугачевскаго бунта“, приводя разсказъ о казанскомъ лютеранскомъ пасторѣ, котораго Пугачевъ пожаловалъ въ полковники³⁾ и взялъ съ собою (Морозовское изданіе, т. VI, стр. 62), онъ въ „примѣчаніи къ главѣ седьмой“, № 112, стр. 109 отмѣчаетъ: „Слышано мною отъ К. Фукса, доктора и профессора медицины при Казанскомъ университетѣ (NB бывшаго!), человѣка столь же ученаго, какъ и любезнаго и снисходительнаго. Ему обязанъ я многими любопытными свѣдѣніями касательно эпохи и стороны, здѣсь описанныхъ“.

Проводивъ Е. А. Боратынского въ его недальній путь, Пушкинъ одинъ, тройкою на дрожкахъ побѣхаль тоже за городъ, по Сибирскому тракту, за 10 верстъ отъ города къ такъ называемой *Троицкой мельнице*, гдѣ, послѣ удачнаго сраженія 10 іюля 1774 г. съ Казанскимъ коннымъ легіономъ подъ командою полковника *Толстого*, Пугачевъ 11 іюля расположился лагеремъ передъ окончательнымъ штурмомъ Казани. Отъ Троицкой мельницы Пушкинъ побѣхалъ назадъ, къ городу и объѣхалъ еще существовавшее тогда *Арское поле*³⁾, откуда 12 іюля Пугачевъ штурмовалъ Казань. Оборонительныя дружины

1) См. нашу монографию о Гумбольдтѣ, стр. 11 и 13.

2) За старое добро: когда Пугачевъ былъ еще колодникомъ въ Ка-
зани, пасторъ подавать ему милостыню.

3) Теперь оно сплошь застроено.

были смыты и остатки ихъ вмѣстѣ съ жителями укрылись въ крѣпости. Здѣсь казанцы и отсидѣлись отъ Пугачева, который обстрѣливалъ стѣны крѣпости и помѣщающейся въ нихъ Спасскій монастырь изъ пушекъ, поставленныхъ у трактира на углу Гостицнаго двора и въ Казанскомъ монастырѣ. Съ Арскаго поля Пушкинъ проѣхалъ въ крѣпость и обошелъ ее кругомъ. Затѣмъ онъ возвратился къ себѣ домой, т. е. въ тотъ домъ, где онъ „стоялъ“ вмѣстѣ съ Е. А. Боратынскимъ, уѣхавшимъ теперь въ Каймары, и до двухъ часовъ оставался тамъ, писалъ, очевидно, перенося на бумагу видѣнное и слышанное имъ; писемъ въ этотъ день онъ не писалъ, даже женѣ. Послѣ двухъ часовъ онъ поѣхалъ на обѣдъ къ Эрасту Петровичу Перцову¹⁾). Обѣдъ былъ званый; по крайней мѣрѣ, тутъ же обѣдалъ съ Пушкинымъ и К. Ф. Фуксъ. Боратынского, по слухамъ его отѣзда, конечно, не было.

VII.

Въ шесть часовъ вечера Александръ Андреевичъ Фуксъ доложили о Пушкинѣ. Поэтесса встрѣтила его въ залѣ. Пушкинъ подошелъ къ ней и, взявъ ее дружески за руку, ласково промолвилъ ей: „Намъ не нужно съ

1) О Перцовѣ, другѣ Александра Андреевнѣ Фуксѣ, см. въ нашей монографіи, стр. 5—8 и статью В. Л. Модзалевской въ „Русскомъ Биографическомъ Словарѣ“, С.-Пб. 1902, стр. 582 — 583. По поводу этого обѣда проф. А. С. Архангельскій вѣастся въ хитрую аргументацію, не совсѣмъ понятную (стр. 21): „Указаю, что Пушкинъ былъ знакомъ съ Перцовыми еще въ Петербургѣ, дѣлается госпожею Фуксѣ едва ли не съ задней мыслью объяснять своей подругѣ, къ которой написано письмо, — почему Пушкинъ обѣдалъ именно у Перцова, а не у ней, казанской поэтессы, съ которой такъ тепло и сердечно, судя по ея же письму, сошелся Пушкинъ въ мимолетный проѣздъ свой черезъ Казань“. Да въ томъ то и дѣло, что Пушкинъ и „сошелся“, и вообще познакомился съ г-жею Фуксѣ именно послѣ перцовскаго обѣда, на который онъ, вѣроятно, былъ приглашенъ ранѣе; къ Фуксамъ же его звали на вечеръ того же дня.

Вами рекомендоваться: Музы нась познакомили заочно, а Боратынскій еще болѣе“. Съ Карломъ Федоровичемъ Пушкинъ встрѣтился, какъ короткій знакомый.

Хозяева и знаменитый гость сѣли въ гостиной. Завязался разговоръ о Пугачевѣ. Хозяйкѣ дома казалось неловкимъ вмѣшиваться въ эту специальную бесѣду; при томъ, очевидно, присутствіе знаменитости ее, какъ провинціалку, стѣсняло, и она робѣла. Какъ водится, подали чай.

Отпивши чай, К. Ф. Фуксъ повезъ Пушкина къ казанскому старожилу, купцу первой гильдіи, Леонтию Филипповичу Крупеникову (1757 — 1836), который семнадцатилѣтнимъ юношемъ былъ самъ изъ Казани захваченъ пугачевцами въ плѣнъ и уведенъ изъ города, а поэтому, какъ очевидецъ, могъ сообщить Пушкину немало любопытнаго. Л. Ф. Крупениковъ въ свое время игралъ среди казанского купечества видную роль и съ 1809 по 1811 г. былъ казанскимъ городскимъ головою. Сынъ его, Алексѣй Леонтьевичъ, принадлежалъ къ кружку С. А. Москотильникова¹⁾ и былъ другомъ казанского купца-поэта, Г. И. Каменева.

У Крупеникова Фуксъ и Пушкинъ пробыли часа полтора, а потомъ опять вернулись къ Фуксамъ.

Домъ, где принимали Фуксы Пушкина, принадлежалъ Карлу Федоровичу, а нынѣ находится во владѣніи купца Ерлыкина (на углу Сѣнной площади и Владимирской улицы); виѣшний видъ его передѣланъ — убранъ увѣнчавшій домъ большой куполь.

У подѣзда дома Фуксовъ Пушкинъ сталъ благодарить Карла Федоровича, говоря ему: „Какъ Вы добры, К. Ф., какъ дружелюбно и привѣтливо принимаете насть, путешественниковъ. Для чего Вы это дѣлаете? Вы тѣ-

1) О кружкѣ Москотильникова см. въ нашей книжѣ о Каменевѣ.

ряете Вашу привѣтливость и онапрасну: Вамъ изъ насть *ничто* (sic) этимъ не заплатить. Мы такъ не поступаемъ, мы въ Петербургѣ живемъ только для себя” — и, окончивъ говорить, сжалъ руку доброго нѣмца, при чёмъ своими щегольскими полувершковыми ногтями оставилъ на ней слѣды, не сходившіе нѣсколько дней¹⁾.

По возвращеніи домой за Фуксомъ прислали одинъ больной. Ради рѣдкаго гостя Фуксъ хотѣлъ-было измѣнить своему всегдашнему обычая и неѣхать къ пациенту, но Пушкинъ заставилъ его отправиться. Оставшись съ Пушкинымъ наединѣ, поэтесса, по ея словамъ, не была довольна и чувствовала смущеніе.

Замѣтивъ смущеніе хозяйки, поэтъ удвоилъ свою любезность и перешелъ на тему, болѣе интересную для обоихъ ихъ, чѣмъ Пугачевъ, а именно на литературу. Усѣлись въ кабинетъ Александры Андреевны. Пушкинъ просилъ хозяйку показать стихи, написанные въ ея честь *Е. А. Боратынскимъ, Н. М. Языковымъ и Д. П. Озобишинымъ*, прочелъ ихъ самъ всѣ вслухъ и очень хвалилъ стихотвореніе Языкова, дѣйствительно, вдохновенное. Это — пьеса, начинающаяся стихами:

Завидень жребій Вашъ. . . .

Отъ чужихъ сочиненій перешли къ собственнымъ стихамъ хозяйки дома. Пушкинъ просилъ ее прочесть стихи своего сочиненія, и та прочла ему юмористическую сказку „Женихъ“.

Сюжетъ этой пьесы состоить въ томъ, что женихъ, будучи израненъ и обезображенъ на войнѣ, по возвращеніи домой перестаетъ нравиться своей капризной невѣстѣ. Невѣста притворно расхваривается, не хочетъ больше выходить за него замужъ — и въ концѣ концовъ

1) По этимъ ногтямъ одна старуха, уральская казачка, которую Пушкинъ разспрашивалъ о Пугачевѣ, принялъ поэта за червя съ ногтями.

жениху объявляютъ-таки отказъ, который тотъ и выносить твердо, „безъ приключений и романическихъ притворныхъ огорченій“; авторъ совѣтуетъ и вѣмъ брать такой конецъ за образецъ.

Пушкинъ распахился и, внутренно потѣшаясь надъ хозяйкою (какъ мы увидимъ ниже), нѣсколько разъ останавливалъ ея чтеніе похвалами; иные стихи заставлялъ повторять или перечитывать самъ.

Въ теченіе дальнѣйшаго разговора Пушкинъ интересовался семействомъ *Апехтиныхъ*, изъ котораго происходила Александра Андреевна, спрашивалъ ее, где она училась, кто были ея учителя, потомъ сталъ рассказывать о Петербургѣ, о тамошней разбѣянной жизни и нѣсколько разъ самъ *приглашалъ* поэтессу прѣѣхать туда: „Прѣѣжайте, пожалуйста, прѣѣзжайте“, упрашивалъ Пушкинъ довѣрчивую провинціалку, распустившую уши отъ похвалъ великаго поэта; „я познакомлю съ Вами жену мою. Повѣрьте, мы будемъ умѣть отвѣтчать Вамъ на *казанскую* привѣтливость *не* петербургскою благодарностью“.

Пушкинъ разошелся и началъ откровенно и подробно говорить о духѣ современности, объ его вліяніи на литературу, о русскихъ писателяхъ и поэтахъ, о каждомъ сказалъ свое мнѣніе и заключилъ бесѣду просьбою о смолчаніи, называя „сегодняшній вечеръ“ своею „исповѣдью“.

VIII.

Въ такихъ разговорахъ прошло время до 10 часовъ вечера. Тутъ прїѣхалъ Карлъ Федоровичъ, привезшій съ собою всегдашняго друга своего дома и пушкинского пріятеля Э. П. Перцова. Они поддержали литературный разговоръ. Пушкинъ, говоря о русскихъ поэтахъ, пере-

шелъ къ мѣстному казанскому поэту Гаврілу Петровичу Каменеву, который приходился г-жѣ Фуксъ по ея матери, Аннѣ Петровнѣ, роднымъ дядею¹⁾, очень хвалилъ его, нарочно возвращался въ кабинетъ хозяйки полюбоваться его портретомъ и, посмотрѣвъ на него нѣсколько минутъ, сказалъ: „Этотъ человѣкъ достоинъ быть уваженія: онъ первый въ Россіи осмѣлился отступить отъ классицизма. Мы, русскіе романтики, должны принести должную дань его памяти: этотъ человѣкъ много бы сдѣлалъ, ежели бы не умеръ такъ рано“. Пушкинъ просилъ г-жу Фуксъ собрать о Каменевѣ всѣ свѣдѣнія, какія сохранились, и обѣщался самъ написать его біографію. Этого обѣщанія Пушкинъ, впрочемъ, какъ извѣстно, не сдержалъ.

Безъ отговорокъ Пушкинъ остался отужинать у радушныхъ хозяевъ и за столомъ самъ сѣлъ подлѣ Александры Андреевны. Разговоръ пошелъ обѣ очень модной тогда темѣ — **магнетизму**.

Всякому понятно, что, если въ обществѣ дамы заговорили о магнетизмѣ, то дѣло шло не обѣ инклинаціяхъ магнитной стрѣлки²⁾. Однако, А. С. Архангельский считаетъ нужнымъ (стр. 15) приводить лично ему сообщенное „авторитетное“ мнѣніе своего университетского коллеги, проф. Л. О. Даркшевича, что разговоръ несомнѣнно шелъ о животномъ магнетизмѣ или месмеризмѣ. Впрочемъ, и г. Даркшевичъ сильно ошибается, уподобляя тогдашнихъ магнетизеровъ нынѣшнимъ „профессорамъ“ черной магії и увѣряя, будто бы въ тридцатые годы магнетизмъ демонстрировался, главнымъ образомъ, публикѣ со сцены. Проф. медицины Л. О. Даркшевичъ

1) О Г. П. Каменевѣ см. мою юбилейную статью въ „Историческомъ Вѣстнику“ за 1908 г., августъ: „Первый русскій романтикъ“, въ III т. моего труда „Литература и просвѣщеніе“, гдѣ слѣданъ полный сводъ всего извѣстнаго о Г. П. Каменевѣ, и выше названную мою книгу — монографію о Каменевѣ.

2) Которыми такъ интересовался А. Гумбольдтъ

совершенно забываетъ о широкомъ распространеніи магнетизма въ ту эпоху именно въ медицинской области, забываетъ о частомъ въ это время примѣненіи магнетотерапіи со стороны многихъ блестящихъ представителей германской университетской науки, при чёмъ и у насъ, въ русской ученой литературѣ явился ревностный защитникъ этого метода лѣченія, профессоръ Медицинской академіи и философъ Д. М. Велланскій, спачала выпустившій въ 1818 г., въ переработкѣ, сочиненіе о лѣчебномъ дѣйствіи магнетизма нѣмецкаго профессора-медика Клуге¹⁾, а потомъ и составившій обширный трудъ собственный²⁾, къ сожалѣнію, въ 1840 г. не разрѣшенный цензурою къ печати³⁾. Послѣ „авторитетнаго“ мнѣнія г. Даркшевича по исторіи медицины, А. С. Архангельскій приводить и собственное мнѣніе изъ области физики: „что касается до „магнетизма“ въ чистомъ видѣ (?), какъ это (?) понимается въ настоящее время въ физикѣ, то

1) „Животный магнетизмъ. Представленный въ историческомъ, практическомъ и теоретическомъ содержаніи“, С.-Пб. 1818 (III-я часть — се-орія — прибавлена самимъ Велланскимъ).

2) Двухтомная рукопись этого труда, считавшаяся утраченной, разыскана мною. См. мое сочиненіе „Философія въ Россіи“, т. III, стр. 1—54: „Труды Д. М. Велланского по животному магнетизму“, где приведены у меня и отрывки изъ неизданного сочиненія Велланского, и подробные свѣдѣнія о жизни и научной дѣятельности, какъ Клуге, такъ и Кизера, главнейшихъ представителей этого направленія въ Германии. И А. С. Архангельскому, и Л. О. Даркшевичу, какъ казанскимъ профессорамъ, означенные факты могли бы быть извѣстны, такъ какъ мое сочиненіе печаталось какъ разъ въ то же время въ Казанскихъ „Ученыхъ Запискахъ“, гдѣ и когда появилась брошюра проф. Архангельского о „Пушкинѣ въ Казани“.

3) Полное заглавіе рукописи: „Животный магнетизмъ, или tellurismъ, какъ общая магнитная сила земли, дѣйствующая въ организмахъ человѣческомъ и во всѣхъ живыхъ существахъ и бездушныхъ веществахъ. Физиологическое и врачебное сочиненіе, воздѣланное по избраннымъ практическимъ наблюденіямъ и основательнѣйшему теоретическому познанію физического и психического міра“. Въ основу его положено сочиненіе Кізергѣ: „System des Tellurismus oder thierischen Magnetismus“, Іена. 1822.

этотъ вопросъ, какъ извѣстно (?), уже тогда, въ поло-
винѣ 30-хъ гг., по существу (?) былъ почти (?) такъ же
разработанъ (?), какъ и нынѣ". Это мнѣніе профессора
А. С. Архангельского о „чистомъ" магнетизмѣ, кажется,
и неавторитетно, и невѣрно.

Итакъ, ужинавшіе заговорили о магнетизмѣ, который
былъ въ Петербургѣ тогда модною темой: удачныя из-
лѣченія съ помощью магнетизма дѣлали много шума.
Неизвѣстно, что полагалъ о „нечистомъ" магнетизмѣ Э.
П. Перцовъ. Но Фуксы оба не вѣрили въ магнетизмъ,
мужъ — „потому, что былъ очень учень", а жена — по-
тому, что „ничего тутъ не понимала". За то Пушкинъ
всевозможными, отчасти и шутливыми, доказательствами
старался увѣрить собесѣдниковъ въ истинѣ магнетизма.
Поэтъ указывалъ на то, что мы напряженiemъ своей воли
можемъ заставить человѣка оглянуться и смотрѣть на
насъ; особенно волшебную силу, по мнѣнію Пушкина,
магнетизмъ имѣеть надъ женщинами; онъ приводилъ
примѣры, что женщина при самой страстной и раздѣлен-
ной, взаимной любви можетъ остаться добродѣтелью,
а иногда подъ вліяніемъ магнетизма отдаѣтся невольно
и безъ любви. Хозяйка не вѣрила его указаніямъ и увѣ-
реніямъ.

Кончили разговоръ о магнетизмѣ, чьему г-жа Фуксъ
была очень рада, но зашель другой разговоръ, еще мен-
ѣе для нея интересный, а именно — о посѣщеніи насъ ду-
хами, о предсказаніяхъ и тому подобныхъ вещахъ изъ
области оккультизма, при чмъ Пушкинъ поразилъ хо-
зяйку своимъ суевѣріемъ. Къ этому привелъ его, по его
собственному признанію, одинъ случай, когда въ 1818 г.
онъ съ Никитою Всеволодовичемъ *Всеволожскимъ* зашель
однажды изъ проказы къ кофейной гадальщицѣ, старой
нѣмкѣ *Кирхгофѣ*, и та сдѣлала ему три предсказанія: Пуш-
кинъ на дняхъ долженъ былъ встрѣтиться со знакомымъ

и получить предложеніе хорошаго мѣста, во-вторыхъ,
получить черезъ письмо неожиданныя деньги и, въ
третьихъ, окончить жизнь неестественнouю смертью. Такъ
какъ первыя два предсказанія въ скорости сбылись,
то Пушкинъ съ увѣренностью ожидалъ исполненія и
третьяго.

Послѣ ужина Пушкинъ опять пошелъ въ кабинетъ
А. А. Фуксъ и, перебирая у нея книги, натолкнулся на
сочиненія бывшаго казанскаго профессора Г. Н. Городч-
анинова¹), гдѣ были и стихи, и проза. Онъ закрылъ книгу
и какъ бы съ досадою сказалъ: „О! эта проза и стихи!
Какъ жалки тѣ поэты, которые начинаютъ писать прозой;
признаюсь, ежели бы я не былъ вынужденъ обстоятель-
ствами, я бы для прозы не обмакнулъ пера въ чернилы".

Пушкинъ засидѣлся у Фуксовъ до часу. Наконецъ,
онъ простился съ ченою, какъ со старыми знакомыми.
Онъ нѣсколько разъ обнималъ Карла Федоровича, и
„кажется", говорить Александра Андреевна, „оставилъ
насъ не съ притворнымъ сожалѣніемъ, сказавши при
прощаніи: „Я никакъ не думалъ, чтобы минутное зна-
комство было причиною такого грустнаго прощанья; но
мы въ Петербургѣ увидимся".

1) Городчаниновъ до 1829 г. состоялъ при Казанскомъ Университетѣ
профессоромъ краснорѣчія, стихотворства и языка россійскаго. И. И. Ля-
жечниковъ, знавшій Городчанинова лично, говоритъ про него, что въ его
изсохшей головѣ и сердцѣ не было и чутыя поэзіи. Пушкинъ состоялъ
членомъ Казанскаго Общества любителей словесности, предсѣдателемъ
котораго былъ Городчаниновъ. Онъ очень обидѣлся на Пушкина за то,
что тотъ не сдѣлалъ ему, какъ предсѣдателю, визита. О невозможныхъ
лекціяхъ Городчанинова, объ его литературномъ старовѣрствѣ и изу-
чѣствѣ сообщаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ бывшій его слушатель,
С. Т. Аксаковъ.

IX.

Просидѣвши наканунѣ у Фуксовъ до часу ночи, Пушкинъ 8 сентября, въ праздникъ Рождества Пресвятой Богородицы, утромъ выѣхалъ изъ Казани. Александра Андреевна послѣ недолгаго отдыха тоже вставала очень рано, — въ пять часовъ утра, почти въ одно время съ Пушкинымъ, и принялась за поэзію. Она написала на проѣздъ знаменитаго гостя стихи. Эти стихи А. А. напечатала въ мѣстномъ журналь „Заволжскій Муравей“, а потомъ они вошли и въ собраніе ея стихотвореній (стр. 175 — 179). Содержаніе ихъ такое. На разсвѣтѣ этого дня къ г-жѣ Фуксъ явился и пробудилъ ее отъ сна какой-то чудный геній, который отъ имени боговъ поздравилъ ее съ посѣщеніемъ поэта, приводящаго въ ликованіе самый Парнасъ. Онъ передалъ еще г-жѣ Фуксъ подарокъ, — лиру, но запретилъ ей воспѣвать похвалы поэту, потому что это для нея не по силамъ. Въ честь Пушкина, оказывается, вчера Аполлонъ давалъ пиръ на Геликонѣ и особенно отличалъ русскихъ, а въ частности казанскихъ „геніевъ“. Марсъ позавидовалъ славѣ Пушкина, гремѣвшей въ небесныхъ голосахъ, и выразился, что такъ не пировали и его герои по сожженіи Трои.

Черезъ три часа стихи были готовы и переписаны; въ восемь часовъ они были уже отосланы къ поэту. Но поэтесса опоздала; оказалось, что Пушкинъ еще на разсвѣтѣ этого дня, т. е. около 5 часовъ покинулъ Казань, оставивъ письмо для г-жи Фуксъ и отправивъ письмо къ женѣ (№ 351, стр. 323 — 324). Женѣ онъ сообщалъ, что въ Казани „возился со стариками, современниками моего героя¹⁾, обѣзжалъ окрестности города, осматри-

1) Л. Ф. Крупениковымъ.

валъ мѣста сраженій¹), разспрашивалъ, записывалъ и очень доволенъ, что не напрасно поѣхалъ эту сторону². Шогода стояла прекрасная, „чтобъ не слазить только“. Въ Симбирскѣ онъ ожидалъ найти отъ жены письмо. Изъ Симбирска же онъ обѣщалъ женѣ писать о Казани подробнѣ, „а теперь некогда!“ — „Здѣсь Боратынскій: вотъ онъ ко мнѣ входитъ“, прибавляеть нашъ поэтъ. Очевидно, Боратынскій только что прѣѣхалъ, прямо къ производамъ своего друга. Письмо было писано передъ самимъ отѣѣдомъ, наскоро: „сейчасъ єду въ Симбирскъ“.

Александръ Андреевичъ Фуксъ Пушкинъ писалъ (№ 352, стр. 324), изъявляя свою „глубокую признательность за ласковый пріемъ путешественнику, которому долго памятно будетъ минутное пребываніе ого въ Казани“. Выѣсть съ этимъ онъ посыпалъ ей свой петербургскій адресъ и выражалъ надежду, что обѣщаніе ея „прѣѣхать въ Петербургъ не есть одно любезное привѣтствіе“. Такая ласковость Пушкина, конечно, тронула бѣдную провинціалку до глубины души.

X.

Свое обѣщаніе написать женѣ о Казани поэтъ исполнилъ не въ Симбирскѣ, какъ первоначально предполагалъ, а въ селѣ Языковѣ, Карсунскаго уѣзда, въ 65 verstахъ отъ Симбирска. 10 сентября³) онъ прибылъ въ Симбирскъ и черезъ Загряжскаго получилъ письмо отъ жены. Изъ Симбирска Пушкинъ заѣхалъ въ Языково провѣдать своего старого пріятеля, поэта Николая Михайловича Языкова, но не нашелъ его дома и познакомился съ его старшимъ братомъ, который ему очень по-

1) См. выше, стр. 43 — 44.

2) № 353, стр. 324.

нравился. Отсюда 12 сентября онъ написалъ женѣ и коснулся Казани, или почти исключительно Фуксовъ (стр. 325).

Пушкинъ сообщаетъ, что онъ въ Казани таскался по окрестностямъ, по полямъ, по *кабакамъ* и попалъ на вечеръ къ одной *blue stockings*¹⁾, *сорокалѣтней*, *несносной бабѣ* съ вощенными зубами и съ ногтями въ грязи". Домъ Фуксовъ, гдѣ такъ обласкали Пушкина, гдѣ такъ за нимъ ухаживали, помѣщается имъ въ письмѣ непосредственно рядомъ съ кабаками. Насчетъ ногтей поэтъ былъ весьма чувствителенъ, самъ себѣ отращивалъ ногти полувершковые и утверждалъ, что „быть можно умнымъ человѣкомъ и думать о красѣ ногтей“. Ногти въ грязи и заполненные воскомъ промежутки недостающихъ зубовъ, очевидно, сразу погубили Александру Андреевну во мнѣніи Пушкина, и она показалась ему несносною. „Она развернула тетрадь и прочла мнѣ стиховъ съ двѣсти, какъ ни въ чемъ не бывало“. Мы знаемъ, что она сдѣлала это по просьбѣ самого Пушкина. „Боратынскій написалъ ей стихи и съ удивительнымъ *безстыдствомъ* расхвалилъ ея красоту и геній. Я такъ и ждалъ, что принужденъ буду ей написать въ альбомъ — но Богъ помиловалъ“. Мы видѣли выше, что Пушкинъ звалъ г-жу Фуксъ къ себѣ въ Петербургъ въ гости отвѣдать его гостепріимства и самъ послалъ ей адресъ съ повторнымъ напоминаніемъ объ обѣщаніи навѣстить его. Въ письмѣ къ женѣ Пушкинъ изображаетъ дѣло такъ: „однако, она взяла мой адресъ и *страшаетъ* меня перепискою и прїездомъ въ Петербургъ, съ чѣмъ тебя и *поздравляю*“. О Карлѣ Федоровичѣ онъ выразился благосклоннѣе; этотъ отзывъ приведенъ у насъ выше²⁾). Но

и надѣ нимъ острить Пушкинъ за то, что тотъ „въ жену влюбленъ и въ изумлѣніи отъ ея генія“.

Наивные Фуксы и не подозрѣвали, что столичный гость все время отводилъ себѣ душу и сердечно надѣ ними потѣшался.... И какъ далека была отъ истины Александра Андреевна, заключившая свое воспоминаніе о Пушкинѣ такими словами: „Я думала, что его обязательная привѣтливость была обыкновенною свѣтскою любезностью, но ошиблась (sic). До самаго конца жизни, гдѣ только было возможно, онъ оказывалъ мнѣ особенное расположение: не писать почти ни къ кому (?), онъ писалъ мнѣ нѣсколько разъ въ годъ и всегда собственою своею рукою; познакомилъ менѣ заочно со всѣми замѣчательнѣйшими русскими литераторами и наговорилъ имъ обо мнѣ столько для меня лестнаго, что я по прїездѣ моемъ въ Москву и Петербургъ была удостоена ихъ посѣщеніемъ“.

Любопытно было бы знать, что именно сообщалъ Пушкинъ заочно русскимъ литераторамъ о своей казанской знакомкѣ, и что такое онъ наговорилъ о ней. Вѣроятно, не поздоровилось бы г-жѣ Фуксъ, если бы она услыхала....

„Тебя уже нѣтъ съ нами, пѣвецъ любимый и неподражаемый! Зачѣмъ такъ рано ты оставилъ насъ? неужели земной міръ не былъ тебя достоинъ?“ — со слезами причитала Александра Андреевна, глядя на портретъ Пушкина, послѣ извѣстія о гибели его....

А. А. Фуксъ представила документальныя данныя въ доказательство своихъ словъ, что она остановила на себѣ вниманіе поэта. При своей статьѣ она напечатала подлинныя письма къ ней Пушкина, гдѣ мы съ удивленіемъ читаемъ различные комплименты. Объ этихъ письмахъ мы скажемъ еще ниже, а пока отмѣтимъ, что Пушкинъ въ нихъ доводитъ свою свѣтскую учтивость до очевидной

1) Сапіе чулки.

2) Стр. 43.

насмѣшки въ глаза. Онъ-де „съ жадностю прочелъ прелестныя стихотворенія“ г-жи Фуксъ и между ними ея посланіе къ нему самому, „недостойному поклоннику ея музы“, проситъ не бранить его за Пугачева, потому что поэзія, кажется, для него изсякла, и онъ весь въ прозѣ; ему совѣтно, особенно, передъ г-жею Фуксъ (№ 414, стр. 372). Въ дальнѣйшихъ письмахъ онъ разсыпается въ такихъ же любезностяхъ, даже просить г-жу Фуксъ, несмотря на невысокое мнѣніе обѣ ея стихахъ, „украсить“ его журналъ „Современникъ“ произведеніями своего пера (№ 446, стр. 394).

XI.

Доскажемъ вкратцѣ о ходѣ путешествія Пушкина послѣ Казани. 8 сентября Пушкинъ, какъ мы видѣли выше, выѣхалъ изъ Казани на Симбирскъ. Въ тотъ же день онъ былъ въ уѣздномъ городѣ Казанской губерніи, *Ланино*, находящемся отъ Казани въ 59 верстахъ. Здѣсь у Пушкина произошелъ инцидентъ со станционнымъ смотрителемъ, которого онъ страшно напугалъ своею подорожною, а именно словами, что онъ єдетъ „по особому Высочайшему повелѣнію“. Смотритель сбилъ весь городъ на станцію и оповѣстилъ власти¹⁾....

10 сентября Пушкинъ былъ уже въ Симбирскѣ; отсюда онъ еще 12 сентября выѣхалъ было въ Оренбургъ, но засѣ перебѣжалъ ему дорогу, и она оказалась неудачною: не было хорошихъ ямщиковъ; съ третьей станціи поѣзъ возвратился въ Симбирскъ, тоже не безъ приключений. Другой разъ онъ выѣхалъ иною дорогой и 18 сентября (№ 335, стр. 326) былъ уже въ Оренбургѣ.

1) Инцидентъ описанъ въ статьѣ Н. И. Суорова: „Пушкинъ въ Ланино“ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ 1901 г., № 823.

Подобно Фуксѣ въ Казани, здѣсь занялся Пушкинъмъ *В. И. Даумъ*, который возилъ его по Оренбургу и окрестностямъ; былъ Пушкинъ и въ Пугачевской станицѣ, станицѣ *Берды*. Изъ Оренбурга Пушкинъ пойхалъ въ Уральскъ. И здѣсь ему наперерывъ давали „всѣ извѣстія, въ которыхъ онъ имѣлъ нужду“ (№ 356, стр. 327), а 23 сентября Пушкинъ уже выѣхалъ въ обратный путь.

При выѣздѣ изъ Уральска вечеромъ пошелъ дождь, первый по его выѣздѣ въ путешествіе, и черезъ полчаса сдѣлалъ дорогу непроходимою. Потомъ выпалъ снѣгъ, и Пушкину пришлось обновить зимній путь на саняхъ. Бхалъ онъ черезъ Саратовъ и Цензу. 29 сентября Пушкинъ снова проѣжалъ мимо села Языкова, опять заѣхалъ, засталъ тамъ всѣхъ трехъ братьевъ, очень весело проволъ съ ними время, ночевалъ и на слѣдующій день, 30 сентября отправился дальше. 1 октября Пушкинъ закончилъ путешествіе, прибывши въ свое имѣніе *Болдино*, Арзамасскаго уѣзда Нижегородской губерніи.

Пребываніе въ Болдинѣ ознаменовалось созданіемъ такихъ шедѣровъ, какъ „Сказка о рыбакѣ и рыбѣ“, „Сказка о мертвой царевнѣ“, „Мѣдный Всадникъ“. Здѣсь Пушкинъ привелъ въ порядокъ свои записки о Пугачевѣ, окончательно обработалъ „Исторію“ и написалъ къ ней предисловіе (2 ноября). „Коли Царь позволитъ мнѣ „Записки“ (о Пугачевѣ; такъ онъ называетъ пока „Исторію“), то у насть будетъ тысяча 30 чистыхъ денегъ. Заплатимъ половину долговъ и заживемъ пріпѣвающи“, мечтаетъ поѣзть въ письмѣ къ женѣ изъ Болдина, отъ 8 октября (№ 357, стр. 328), какъ бы объясняя свою работу надъ Пугачевымъ исключительно материальными разсчетами. Около половины ноября Пушкинъ, наконецъ, возвратился въ Петербургъ. 28 ноября 1833 г. Е. А. Воратинскій просилъ И. В. Кирѣевскаго („Татевскій Сборникъ“, № 42, стр. 52): „Узнай деревенскій и город-

ской адресъ Пушкина; мнѣ нужно къ нему написать.
Нарочно для этого распечатываю письмо”.

По пріїздѣ въ Петербургъ Пушкинъ принялъ за хлопоты. 6 декабря 1833 г. онъ уже просилъ чрезъ графа А. Х. Бенкendorфа разрѣшенія представить рукопись, при чёмъ сообщалъ ему: „Я думалъ нѣкогда написать историческій романъ, относящейся ко времени Пугачева; но, нашедъ множество материаловъ, я оставилъ вымыселъ и написалъ исторію Пугачевщины“ (№ 366, стр. 335).

Императоръ Николай Павловичъ лично прочелъ рукопись и при томъ весьма внимательно, дѣлая собственноручныя отмѣтки. Онъ даже измѣнилъ заглавіе, предложенное Пушкинымъ, „Исторія Пугачева“ на „Исторія Пугачевскаго бунта“, разсуждая, что „преступникъ, какъ Пугачевъ, не имѣеть исторіи“¹). Печатаніе было дозволено съ Высочайшаго одобренія, и на печатаніе разрѣшено выдать 20 тысячъ рублей изъ Государственнаго казначейства. 4 іюля 1834 года началось печатаніе „Исторіи“ въ типографіи II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, а въ декабрѣ того же года печатаніе закончилось, и „Исторія Пугачевскаго бунта“ вышла въ свѣтъ въ двухъ томахъ. Историческій же романъ изъ эпохи Пугачевщины „Капитанская дочка“ появилась значительно позднѣе: она была напечатана въ 1836 г. въ четвертомъ томѣ пушкинского журнала „Современникъ“.

xii

Пребываніе Пушкина въ Казани вызвало въ официальныхъ сферахъ переписку, носящую довольно

курьезный характеръ: это — требование учредить за Пушкинымъ полицейскій надзоръ.

19 августа 1828 г., Высочайше утвержденнымъ положениемъ Государственного Совѣта, былъ учрежденъ въ столицѣ секретный полицейскій надзоръ „за образомъ жизни и поведеніемъ извѣстнаго поэта Пушкина“.

Секретный надзоръ слѣдовалъ за Пушкинымъ, когда онъ въ маѣ 1829 г. поѣхалъ въ Грузію. Отъ 22 августа 1829 г. („Русскій Архивъ“ 1876 г., II: „Черта изъ жизни Пушкина“, стр. 236 — 237) Тифлісскій генералъ-губернаторъ С. С. Стрекаловъ, который по случайности былъ именно потомъ и Казанскимъ губернаторомъ во время проѣзда Пушкина черезъ Казань, сообщилъ Московскому генералъ-губернатору, князю Дмитрію Владимировичу Голицыну, что извѣстный поэтъ, отставной чиновникъ X класса А. С. Пушкинъ отправился изъ Тифліса въ Москву по дѣламъ, и что на основаніи Высочайшаго по-велѣнія онъ подлежитъ секретному надзору. Князь Д. В. Голицынъ немедленно предписалъ московскому оберъ-полицеймейстеру, генералъ-маіору А. С. Шульгину имѣть означеннаго „отставного чиновника“ „подъ секретнымъ надзоромъ полиції“. Шульгинъ донесъ потомъ Голицыну, когда 12 октября 1829 г. Пушкинъ выѣхалъ изъ Москвы, что по надзору полиції въ поведеніи Пушкина ничего предосудительнаго не замѣчено, а объ учрежденіи надзора за нимъ и въ Петербургѣ (полиція полагала, что Пушкинъ уѣхалъ туда) онъ сообщилъ и. д. Петербургскаго оберъ-полицеймейстера полковнику *Дершау*. Послѣ этого Пушкинъ неоднократноѣздилъ изъ Петербурга въ Москву и обратно, но ничего предосудительнаго за нимъ не оказывалось. Когда онъ въ 1833 г. задумалъ свое путешествіе на Востокъ Россіи по Пугачевскому дѣлу, то у полиціи, видимо, возникло насчетъ надзора сомнѣніе. Отъ 19 апрѣля 1833 г. Петербургскій военный генералъ-

1) См. у Брюсова, стр. 77—79, №№ 36 и 37, письма Бенкендорфа отъ 8 и 24 марта 1834 г.

губернаторъ просилъ Московскаго генералъ-губернатора увѣдомить его, по какому случаю признано нужнымъ имѣть г. Пушкина подъ надзоромъ полиціи. Очевидно, происхожденіе этой мѣры было уже забыто, а *raison d'être* для ея дальнѣйшаго сохраненія не имѣлось. На это Московскій губернаторъ отвѣчалъ, что свѣдѣній о томъ, по какому случаю признано нужнымъ имѣть Пушкина подъ надзоромъ, у него не имѣется. Начало исторіи оказалось уже позабытымъ. Но отъ надзора Пушкинъ и тутъ не избавился. Поѣхалъ онъ въ свое путешествіе съ Высочайшаго соизволенія, и за нимъ, правда, съ громаднымъ опозданіемъ, послѣдоваль и надзоръ.

Наконецъ допытались до источника происхожденія надзора за Пушкинымъ. 20 сентября (когда Пушкинъ былъ уже въ Уральскѣ) Петербургскій оберъ-полицей-майстеръ написалъ Нижегородскому военному губернатору объ установлении надзора, указывая его начало съ 1828 г., и сообщая, что Пушкинъ выбылъ изъ Петербурга якобы 14 сентября (тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ уѣхалъ оттуда около 20 августа), и при томъ будто бы въ свое имѣніе, состоящее въ Нижегородской губерніи. Свѣдѣнія петербургской полиціи не отличались точностью, и если бы опасность отъ Пушкина соотвѣтствовала многочисленнымъ хлопотамъ о надзорѣ за нимъ, то онъ, разумѣется, успѣлъ бы натворить за это время горькихъ бѣдъ.

Управліеніе Нижегородскаго военнаго губернатора хватило Пушкина и, несмотря на то, что съ 1 октября онъ уже точно былъ въ своемъ нижегородскомъ имѣніи Болдинѣ, не нашло его, а обратилось къ Казанскому военному губернатору отъ 9 октября 1833 г. за № 4344: „извѣстясь, что Пушкинъ намѣренъ быть отправиться въ Казанскую и Оренбургскую губерніи“, оно просило учредить за нимъ надзоръ въ Казани. Замѣтили, что Пуш-

кинъ ѿхалъ, не скрываясь, и въ самомъ Нижнемъ, какъ и въ другихъ городахъ, представлялся губернаторамъ, даже обѣдалъ у нихъ.

Нижегородскую „секретную“ бумагу отъ 9 октября получили въ Казани лишь 17 октября, т. е. черезъ недѣлю! Такъ быстро производилась иогоня за исчезнувшимъ поэтомъ.

Въ Казани пребываніе Пушкина въ свое время не пробудило въ административномъ мірѣ никакой сенсаціи. Какъ мы упоминали, ни его прїездъ, ни выѣздъ не отмѣчены даже въ официальномъ органѣ. Теперь, по получении о немъ секретной бумаги, его разыскивали въ Казани довольно долго. А именно, только еще черезъ лѣтъ недѣли, уже 30 октября 1833 г., за № 8237, Казанскій губернаторъ по этому секретному и срѣшному дѣлу собрался отвѣтить своему Нижегородскому коллегѣ, что Пушкинъ прибылъ въ Казань 6 сентября и выѣхалъ въ Оренбургъ 8 минувшаго сентября мѣсяца. Иравящему же должность Казанскаго полицеймайстера было рокомендовано, въ случаѣ прибытія въ Казань Пушкина (который, сидя у себя въ Болдинѣ, и не думалъ вторично ѿхать въ Казань), „имѣть за его поведеніемъ строгое наблюденіе“. Приказъ этотъ остался втунѣ: Пушкинъ изъ Болдина проѣхалъ въ Петербургъ. Въ Казани же только оставалось бумаги о Пушкинѣ подшить въ одно „дѣло“, которое получило № 142 и хранилось въ архивѣ канцеляріи Казанскаго губернатора. Здѣсь оно было найдено Н. Я. Агафоновымъ, и копія съ него передана сенатору *M. E. Ковалевскому*, который тогда производилъ въ Казани ревизію. Ковалевскій же черезъ *G. Рыбинскаго* напечаталъ „дѣло“ въ „Русской Старинѣ“ за 1882 г., т. 33, стр. 223 — 226, при чмъ обѣ Агафоновъ, сдѣлавшомъ эту находку, не упомянуто ни словомъ....

XIII.

Сношения Пушкина съ Казанью послѣ его проѣзда черезъ нее не прерывались почти до самой его смерти и поддерживались черезъ Фуксовъ. Гдѣ напечатаны письма А. С. Пушкина къ А. А. Фуксъ и ся отвѣты къ нему, было уже упомянуто выше.

20 января 1834 г. г-жа Фуксъ писала Пушкину, собираясь послать — ему первому — экземпляръ отдѣльного изданія своихъ стихотвореній, куда вошли и стихи на его проѣздѣ; изданіе должно было выйти въ свѣтъ черезъ двѣ недѣли. Поэтесса вызывала Пушкина на дальнѣйшую переписку, выражая надежду читать его отвѣтъ.

Кромѣ этого письма, г-жа Фуксъ посыпала Пушкину еще два письма съ оказіями: одно черезъ барона *Люцерноде* еще въ 1833 г., а другое черезъ Эраста Петровича Перцова, но ни тогъ, ни другой писемъ Александры Андреевны Пушкину не передали.

19 октября 1834 г. Пушкинъ собрался отвѣтить г-жѣ Фуксъ, благодаря ее за стихотворенія, извѣщая о неполученіи имъ вышеупомянутыхъ двухъ писемъ и прося кланяться Карлу Федоровичу, „коего любезность и благосклонность будутъ мнѣ вѣчно памятны“. На днѣхъ онъ собирался отправить г-жѣ Фуксъ въ обмѣнъ на ея стихотворенія „отвратительно-ужасную исторію Пугачева“ (№ 414, стр. 372 — 373).

Но отсылка „Исторіи“ задержалась: не приходилъ изъ Парижа заказанный тамъ портретъ Пугачева. Только 15 августа 1835 г. книга была отправлена Пушкинымъ при письмѣ (№ 426, стр. 380 — 381). Вмѣстѣ съ тѣмъ Пушкинъ посыпалъ Фуксамъ еще одинъ экземпляръ „Исторіи“ для передачи Михаилу Сампсоновичу Рыбу-

кину, бывшему адъюнкту Казанскаго Университета, переведенному какъ разъ тогда въ директоры училищъ Астраханской губерніи. М. С. Рыбушкинъ былъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ Фуксами, которые принимали живое участіе въ редактируемомъ имъ (вмѣстѣ съ адъюнктомъ Михаиломъ Васильевичемъ *Поминовскимъ*) официальномъ университетскомъ органѣ „Заволжскій Муравей“. Рыбушкинъ написалъ „Краткую Исторію города Казани“, имѣвшую большой успѣхъ. Экземпляръ книги Рыбушкинъ послалъ Пушкину, и теперь въ обмѣнъ тотъ посыпалъ Рыбушкину своего Пугачева. Познакомился ли Пушкинъ ранѣе, будучи въ Казани, съ Рыбушкинымъ лично, какъ произвольно предполагаетъ А. С. Архангельскій (стр. 10), мы не знаемъ, и нигдѣ обѣ этомъ не говорится.

Посылка съ книгами не достигла своего назначенія: Фуксы не получили Пушкинского подарка, о чемъ г-жа Фуксъ писала Пушкину. Это письмо ея не сохранилось. Отъ 20 февраля 1836 г. изъ Петербурга (№ 446, стр. 394) Пушкинъ писалъ ей, что, возвратясь изъ деревни, нашелъ ея письмо и удивлялся, какимъ образомъ „бродяга Емельянъ Пугачевъ не дошелъ до Казани, мѣсто для него *памятное*“. Пушкинъ теперь вторично посыпалъ ей книгу чрезъ графа *Апраксина*. При этомъ Пушкинъ пересыпалъ г-жѣ Фуксъ и билетъ на получение его журнала „Современникъ“¹⁾ и приглашалъ ее въ со-трудницы, прося ее „украсить“ журналъ произведеніями своего пера.

Въ отвѣтномъ письмѣ отъ 24 мая 1836 г., весьма восторженномъ, Александра Андреевна сообщала, что его драгоценный подарокъ она получила въ деревнѣ въ день своихъ именинъ (значитъ, 21-го апрѣля). Но ея

1) I томъ „Современника“ имѣлъ цензурное разрѣшеніе 31 марта.

выраженію, радость ея раздѣлялъ, безъ сомнѣнія, и самъ ея ангелъ! „При восклицаніяхъ кипѣлъ кубокъ“ за здоровье Пушкина, чemu свидѣтелемъ былъ петербургскій житель *Приклонскій*, чиновникъ Департамента государственныхъ имуществъ. Исполняя „приказаніе“ Пушкина, А. А. Фуксъ отправила ему для помѣщенія въ „Современникъ“ цѣлую серію своихъ произведеній. Всѣ эти сочиненія А. А. предполагала печатать отдѣльными изданіями не раньше зимы того года; но она желала бы, чтобы сначала они появились въ журналѣ Пушкина: „тогда бы злая критика не смѣла очень грозно на меня вооружиться“.

Сочиненія г-жи Фуксъ, посланныя въ „Современникъ“, были слѣдующія: одна элегія, которую взялъ у нея *М. Д. Деларю*, чтобы передать ее Пушкину или Сенковскому въ „Библіотеку для Чтенія“ (гдѣ въ 1838 г., т. 28, стр. 209—257, появилась ея повѣсть „Черная коса“); два дѣйствія водевиля „Она похудѣла“, посвященнаго Э. П. Перцову и напечатанного отдѣльно въ 1837 г.; I главу повѣсти „Основаніе Казани“, вышедшій отдѣльною книгой въ 1836 г., и отрывки изъ писемъ „о скитахъ въ Нижегородской губерніи“; эти письма вообще не были напечатаны; кажется, они были запрещены цензурою за благопріятныя отзывы о раскольникахъ.

По смерти Пушкина Александра Андреевна описала свое знакомство съ нимъ по просьбѣ своей пріятельницы, Е. Н. Мандрыкиной; этимъ воспоминаніемъ мы выше пользовались неоднократно. 1 декабря 1843 года письмо г-жи Фуксъ о пребываніи Пушкина въ Казани было прочтено самимъ авторомъ, Александрою Андреевною, на одной изъ бесѣдъ въ ея домѣ. На томъ же вечерѣ читали и письма Пушкина къ г-жѣ Фуксъ, а князь *А. А. Доморукой* въ числѣ другихъ своихъ стихотвореній прочелъ и стихотвореніе на смерть Пушкина,

такъ что значительная часть этого вечера была посвящена Пушкину¹⁾.

XIV.

Теперь надобно сообщить о тѣхъ литературныхъ работахъ супруговъ Фуксовъ, какія были вызваны пребываніемъ Пушкина въ Казани. Какъ мы видѣли выше (стр. 48), Пушкинъ просилъ собирать свѣдѣнія о Г. П. Каменевѣ и хотѣлъ было писать его біографію. Мы не знаемъ, были ли г-жею Фуксъ собираемы эти свѣдѣнія, и если были, то пересыдались ли они Пушкину, и какое totъ изъ нихъ сдѣлалъ употребленіе.

За то Карлъ Федоровичъ Фуксъ по просьбѣ Пушкина горячо принялъ за собираніе фактовъ о пребываніи Пугачева въ Казани. Четыре года онъ, по его собственнымъ словамъ, съ неусыпнымъ стараніемъ собираль „всѣ свѣдѣнія, всѣ историческія истины, рукописныя и изустныя сказанія казанскихъ старожиловъ, бывшихъ очевидными свидѣтелями тогдашнихъ происшествій“. Однако, Фуксу не удалось при жизни Пушкина передать ему все собранное. Материалы, собранные Карломъ Федоровичемъ, были использованы его супругою для написанія романа: „Зюлима, или Пугачевъ въ Казани“. Къ роману Александры Андреевны были прибавлены примѣчанія и приложенія, составленные ея мужемъ, какъ это было сдѣлано и при стихотворной повѣсти г-жи Фуксъ: „Основаніе Казани“. Романъ хотѣли печатать отдѣльнымъ изданіемъ, о чмъ было уже сообщено въ мѣстныхъ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“. Отрывки изъ своего романа г-жа Фуксъ уже читала на литературныхъ собранияхъ въ ея домѣ, въ концѣ 1844 г. и въ началѣ 1845 г. Тогдашній редакторъ „Губернскихъ Вѣдомостей“, Нико-

1) См. нашу монографію о Фуксъ, стр. 505.

лай Ивановичъ Второвъ обѣщался печатать отрывки изъ романа въ своей газетѣ, въ распоряженіе которой авторъ предоставилъ свою рукопись. Но были помѣщены всего лишь два приложения, а именно — рассказъ очевидцевъ, купцовъ *И. А. Сухорукова* и *Л. Ф. Крупенникова* (№ 44 за 1847 г., стр. 261 — 265 и № 51, стр. 330 — 331). Изъ самого романа въ „Вѣдомостяхъ“ не появилось ничего. Не вышелъ онъ и отдельнымъ изданіемъ, а рукопись его, повидимому, утрачена безвозвратно.

XV.

Преданіе о проѣздѣ Пушкина чрезъ Казань сохранилось у мѣстныхъ жителей, но связывалось съ невѣрными представленіями вродѣ легенды о Перцовскомъ домѣ¹⁾). По поводу юбилеевъ Пушкина были предположенія, о которыхъ сказано выше, а именно: прикрѣпить доску на Перцовскомъ домѣ и переименовать пролегающую мимо дома улицу. Ни то, ни другое не осуществилось. Послѣднимъ Пушкинскимъ отголоскомъ въ Казани надо считать основаніе Общества любителей русской словесности въ память А. С. Пушкина. § 1 „Устава“ его (стр. 3) гласитъ: „Общество посвящается памяти А. С. Пушкина и носить название его имени въ память столѣтія дня рождения великаго поэта (26 мая 1799 г. — 26 мая 1899 г.)“. Въ разсужденіи о „задачахъ“ этого Общества (стр. 10) сказано: „одной изъ главныхъ сторонъ будущей научной дѣятельности нашего Общества должно быть изученіе всего того, что относится къ жизни и поэтической дѣятельности А. С. Пушкина“. Къ сожалѣнію, юное казанское общество, повидимому, оказалось не очень

жизнеспособнымъ. О какихъ-либо научныхъ предпріятіяхъ этого Общества (кромѣ нѣсколькихъ популярныхъ тетрадокъ „Чтений“) и тѣмъ болѣе о какихъ-нибудь специальныхъ работахъ его въ области Puschkiniana что-то пока еще не слышно...

Проф. Евгений Бобровъ.

1) См. выше.

Пушкинъ и Рыльевъ.

Современникъ великаго поэта, почти его ровесникъ, К. Ф. Рыльевъ въ теченіе всей своей литературной дѣятельности пользовался его постояннымъ вниманіемъ; безъ преувеличенія можно сказать, что онъ состоялъ подъ его „особымъ надзоромъ“. По крайней мѣрѣ, онъ, одинъ изъ немногихъ, вызвалъ у Пушкина столько отзывовъ. Впервые въ письмахъ поэта о Рыльевѣ упоминается въ 1823 г. (Л. С. Пушкину, Кишиневъ, 30 января). Здѣсь дважды, съ замѣтной ироніей, Рыльевъ названъ „зnamenитымъ“, при чёмъ высмѣяно слово „дума“, которымъ Рыльевъ называлъ цѣлый рядъ своихъ лироэпическихъ произведений: по словамъ поэта, „тревожныхъ думъ, слово, употребляемое знаменитымъ Рыльевымъ, по-русски ничего не значить“ (намекъ на иѣмецкое — *dumm*). Но уже въ слѣдующемъ 1824 году (Л. С. Пушкину, Одесса, 6-го января) онъ пишетъ: „Съ Рыльевымъ мирюсь: „Войнаровскій“ полонъ жизни“. Въ томъ же году (А. А. Бестужеву, Одесса, 12 января) онъ пишетъ: „Рыльева *Войнаровскій* несравненно лучше всѣхъ его „Думъ“: слогъ его возмужалъ и становится истинно-повѣствовательнымъ, чего у насъ почти неѣть“.

Въ слѣдующемъ году онъ уже обращаеть на себѣ вниманіе друзей похвалами по адресу Рыльева и считаетъ

своимъ долгомъ даже защищаться отъ обвиненій въ пристрастіи. Въ письмѣ къ А. А. Бестужеву изъ Михайловскаго, отъ 21 марта, онъ высказываетъ по этому поводу очень знаменательныя слова: „Откуда ты взялъ, что я льщу Рыльеву? Мнѣніе свое о его „Думахъ“ я сказалъ вслухъ и ясно; о поэмахъ его также. Очень знаю, что я его учитель въ стихотворномъ языкѣ, но онъ идетъ своей дорогої. Онъ въ душѣ поэтъ, я опасаюсь его не на шутку и жалѣю очень, что его не застрилилъ, когда имѣлъ къ тому случай, да чортъ его зналъ! Жду съ нетерпѣніемъ „Войнаровскаго“ и перешлю ему все мои замѣчанія.—Ради Христа, чтобы онъ писалъ, да болѣе, болѣе“. Л. С. Пушкину въ томъ-же 1825 году, въ началѣ апрѣля, онъ опять пишетъ: „Войнаровскій“ мнѣ очень нравится. Мнѣ даже скучно, что его здѣсь нѣть у меня“. Наконецъ, въ томъ-же году въ письмѣ къ кн. П. А. Вяземскому изъ Михайловскаго отъ 25 мая онъ, говоря о поэмѣ Козлова „Черпецъ“, опять возвращается къ Рыльеву: „Эта поэма, конечно, полна чувствъ и умнѣя „Войнаровскаго“, но въ Рыльевѣ есть больше замашки или размашки въ слогѣ. У него есть какой-то тамъ палачъ съ засученными рукавами, за которого я бы дорого далъ“. „Если Палѣй пойдетъ, какъ начать, Рыльевъ будетъ министромъ“ (на Парнасѣ) — пишетъ онъ брату въ февралѣ 1825 г.

Изъ всѣхъ этихъ отзывовъ ясно 1) что, начавъ съ иронического отношения къ дѣятельности Рыльева, поэтъ очень скоро увлекся ею, особенно поэмою „Войнаровскій“, 2) Пушкинъ замѣтилъ, что поэтический языкъ Рыльева „возмужалъ“ подъ влияніемъ его, Пушкина, 3) въ произведеніяхъ Рыльева останавливали на себѣ его вниманіе нѣкоторые удачные образы („палачъ“) и общій тонъ, „размашистый“, свидѣтельствующій о широтѣ вдохновенія...

Онъ идетъ „своей дорогой“ — говоритъ Пушкинъ о Рыльевѣ, т. е. другими словами, живетъ въ кругу своихъ

оригинальныхъ замысловъ, въ атмосфѣрѣ своихъ настроений... Шелъ „своей дорогой“, конечно, и самъ Пушкинъ, но литературная исторія нѣкоторыхъ его произведеній указываетъ, что онъ никогда не замыкался въ тѣсномъ кругу своего творчества и внимательно смотрѣлъ по сторонамъ, вглядывался въ произведенія крупныхъ и даже мелкихъ писателей, охотно бралъ отъ нихъ нѣкоторыя картины, образы, даже намеки — и перерабатывалъ по своему въ своихъ произведеніяхъ. Это было заимствованіе художественной идеи и самостоятельное развитіе я. Всегда это взятое чужое изъ подъ его пера выходило вдвойнѣ прекраснѣе. Какъ на образецъ подобного заимствованія у маленькихъ писателей лучше всего указать, какъ Пушкинъ использовалъ одинъ образъ изъ поэмы Боброва „Таврида“: тамъ ему понравилось появленіе „скопца“ — и онъ ввелъ его въ свою поэму „Бахчисарайскій Фонтанъ“. „Меня, говоритъ онъ, ввелъ въ искушеніе Бобровъ; онъ говоритъ въ своей Тавридѣ: „подъ стражею скопцовъ гарема“. Мнѣ хотѣлось что-нибудь у него украсть“ (къ князю Вяземскому, Одесса, ноябрь 1825 г.). Подобныхъ „мелкихъ“ заимствованій у Пушкина, думается, найти можно немало; выясненіе ихъ для пониманія творчества великаго поэта, конечно, небезполезно. Въ этомъ отношеніи особенно любопытно сопоставить Пушкина съ Рылѣевымъ.

Прежде всего, думается намъ, что подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ думы Рылѣева: „Олегъ Вѣщий“ написано стихотвореніе Пушкина: „Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ“. На эту связь указываетъ 1) и самое заглавіе „пѣснь“, которымъ Пушкинъ хотѣлъ замѣнить дико звучавшее для него слово „дума“; затѣмъ, 2) несомнѣнное знакомство поэта съ самимъ произведеніемъ Рылѣева: еще въ январѣ 1823 года онъ полонъ воспоминаній о произведеніи Рылѣева; брату онъ пишетъ, что Рылѣевъ ошибался, сказавъ, что Олегъ прибылъ на вратахъ Царе-

града щитъ съ гербомъ российскимъ; 3) хронологическое совпаденіе: дума Рылѣева напечатана въ „Новостяхъ Литературы“ 1822 г. (ч. I, № 11), но, конечно, въ рукописи могла дойти до Пушкина и раньше: такъ было съ „Войнаторскимъ“, котораго Пушкинъ зналъ задолго до его напечатанія (см. выше). Произведеніе Пушкина окончено 1-го марта того-же 1822 года; 4) близость нѣкоторыхъ мѣстъ обоихъ произведеній. У Рылѣева Олегъ представленъ неумолимымъ, суровымъ воиномъ: „Горять деревни, села пышутъ ... Кровь повсюду заструилась“; у Пушкина: „Ихъ села и ямы за буйный набѣгъ обрекъ онъ мечами и пожарами“. У Рылѣева: „Прибылъ свой щитъ съ гербомъ Россіи къ цареградскимъ воротамъ“; у Пушкина: „Твой щитъ на вратахъ Царяграда“. Здѣсь внесена поправка: щитъ оказывается „безъ герба“; наконецъ, б) произведеніе Пушкина въ ряду другихъ его стихотвореній, написанныхъ въ это время, стоитъ совершенно одиноко по содержанию и по настроению, — ясное доказательство того, что созданіе его не было результатомъ продолжительныхъ настроеній или интересовъ, а было, случайнымъ произведеніемъ, написаннымъ подъ впечатлѣніемъ нечаянно блеснувшей идеи.

Но еще значительнѣе были воздействиа Рылѣева на поэму Пушкина „Полтава“ и даже на драму „Борисъ Годуновъ“. Оба произведенія прекрасны въ отдельныхъ частяхъ, но слабы въ цѣломъ: въ нихъ нѣтъ единства и, главное, цѣльности: они точно сплиты изъ отдельныхъ сценъ, отдельныхъ произведеній... Это замѣтили еще современники Пушкина, и въ этомъ отношеніи ихъ судъ былъ совершенно справедливъ. „Романтизмъ“, которымъ прикрывалъ Пушкинъ указанные недостатки своихъ произведеній, конечно, не представлялъ собою защиты серьезной,—такъ какъ его вліяніе могло сказаться на содержаніи, настроеніяхъ, стилѣ произведеній, но не на

ихъ построени: для хорошаго „романическаго“ произведения единство содержанія и стройность плана такъ же необходимы, какъ и для „классическаго“.

Перечитывая „думы“ Рыльева, мы должны отмѣтить, прежде всего, что онъ, одинъ изъ первыхъ, во всякомъ случаѣ раннѣе Пушкина, сталъ искать источниковъ вдохновенія въ далекомъ прошломъ Россіи: въ этомъ отношеніи онъ—учитель Пушкина. Затѣмъ, любопытно, что Рыльевъ ранніе Пушкина упорно ходилъ вокругъ того художественного замысла, который воплощенъ въ „Полтавѣ“: въ поэмѣ „Войнаровскій“, въ поэмѣ „Мазепа“, „Палѣй“, „Богданъ Хмѣльницкій“, „Петръ Великій въ Острогожскѣ“ выведены почти всѣ лица, которыхъ повторяются потомъ въ „Полтавѣ“; многія отдельныя картины, даже стихи Рыльева тоже повторены у Пушкина.

Прежде всего, слѣдуетъ остановиться на образѣ самого героя—Мазепы. Этотъ образъ, для Пушкина слишкомъ неестественный и напыщенный, цѣликомъ сложился подъ невольнымъ впечатлѣніемъ Мазепы Рыльевскаго, а также биографического очерка, посвященнаго Мазепѣ („Жизнеописаніе Мазепы“ А. О. Корниловича) и приложеннаго къ поэмѣ „Войнаровскій“ вмѣстѣ съ „Жизнеописаніемъ Войнаровскаго“ (соч. А. А. Бестужева). Если-бы поэтъ самъ подошелъ къ этому образу, онъ, конечно, избѣжалъ-бы слишкомъ неопределенныхъ и въ то же время сплошь темныхъ красокъ въ описаніи Мазепы. Поэтъ не обрисовалъ бы его такими общими, чертами:

... онъ не вѣдаетъ святыни,
... онъ не помнить благостины,
... онъ не любить ничего,
... кровь готовъ онъ лить, какъ воду,
... презираетъ онъ свободу,
... нѣтъ отчизны для него.

Онъ, конечно, нашелъ бы въ душѣ Мазепы больше свѣта, а на своей палитрѣ болѣе яркихъ красокъ! Написавъ же быстро свое произведеніе, онъ не успѣлъ переварить навѣяннаго извѣй. „Однако, какой отвратительный предметъ,—отзывался онъ о Мазепѣ: ни одного добра, благороднаго чувства! Ни одной утѣшительной черты! Соблазнъ, вражда, измѣна, лукавство, малодушіе, свирѣпость!“— отзывъ интересный, особенно въ устахъ поэта, который всегда искалъ симпатичныя, смягчающія черты даже въ преступныхъ своихъ герояхъ и всегда ихъ находилъ! (Пугачевъ, Скупой Рыцарь, Донъ-Жуанъ, Сальери и пр.). „Сильные характеры и глубокая трагическая тѣнь, набросанная на всѣ эти ужасы—вотъ, что увлекли меня. Полтаву написалъ я въ нѣсколько дней, *далъ не могъ-бы ею заниматься и бросилъ бы все!*“ Послѣднія слова тоже очень характерны: они свидѣтельствуютъ, что долго въ героевъ „Полтавы“ Пушкинъ не вдумывался, не изучалъ ихъ, что написаны они „порывомъ“, случайно, быть можетъ, подъ живымъ впечатлѣніемъ опять подвернувшейся подъ руки давно любимой поэмы Рыльева. Въ этой поэмѣ Мазепа является эпизодическимъ лицомъ и всегда предстаетъ какимъ-то мелодраматическимъ „злодѣемъ“.

Нагрянулъ Карлъ на Русь войной:
Все на Украинѣ ополчилось,
Съ весельемъ всѣ легѣли на бой,
Лишь только мракомъ и тоской
Чело Мазепы обложилося.
Изъ подъ бровей нависшихъ сталъ
Сверкать какой-то пламень дикій,
Угрюмый съ нами, онъ молчалъ...
...Глаза Мазепы засверкали;
Какъ предъ разсвѣтомъ ночи мгла.

У Рыльева Мазепа представленъ „угрюмымъ“, его чело „обложилось мракомъ и тоской“, изъ-подъ „брой нависшихъ“ сверкаетъ „какой-то пламень дикий“, онъ „угрюмъ“ и молчитъ въ присутствіи молодежи; онъ „отъ всѣхъ скрывался“. Глаза его „сверкаютъ“, „чело угрюмо“. Видъ у него „мрачный и суровый“, „глаза сверкаютъ“, онъ „волнуемъ тайно мрачной думой“, онъ — „Гуда“, „хитрый вождь“, „скрытныи“, у него „дикий“ взглядъ, „очи полныя тоской“.

Изъ всѣхъ героевъ Пушкинъ только Мазепу обрисовалъ, пользуясь совершенно такимъ-же нехудожественнымъ пріемомъ — красками темными и слишкомъ искусственно подобранными: и у пушкинского героя духъ „неукротимъ“, онъ — „старикъ надменный“, у него „умыселъ ужасный“, онъ — „злой старикъ“, „дерзкій хищникъ, губитель“ „злодѣй“, „скрытныи“, душа его „мятежна, ненасытна“, онъ творить „козни“, душа его „коварна“, „воля злая“, въ сердцѣ его „преступный жаръ“, у него „блестящій“, впалый взоръ; онъ „мраченъ“, умъ его „смущенъ жестокими мечтами“, помышленья его „черны“, онъ старикъ „суровый“, онъ „блѣденъ“, рѣчь его „сурова“; онъ — „злодѣй“, онъ испытываетъ „угрызенія змѣиной совѣсти своей“, онъ „угрюмъ“, думы его „мрачны“, онъ старецъ „мрачный“, онъ „грозенъ“, „терзается какой-то страшной пустотой“, „молча скрежеталъ“, въ груди у него „кипучій ядъ“, у него „коварныя сѣдины“, онъ „сверкаетъ очами“, „злодѣй“, „Гуда“, „мрачный духъ“.

Конечно, такое исключительное для Пушкина сходство въ манерѣ описывать героя не случайно и ясно указываетъ, кто вдохновилъ нашего поэта на создание образа Мазепы, кто толкнулъ великаго поэта на ложный путь художественной неправды.

Любопытна еще одна деталь: „размашистыи“, по

выраженію Пушкина, стиль Рыльева очень любить изображать героя въ тотъ моментъ, какъ онъ „мчится“, „летитъ“ и пр. Такъ, Войнаровскій вспоминаетъ о своихъ удалыхъ набѣгахъ, когда онъ „часто за Палѣемъ вслѣдъ“ мчался на конѣ, какъ онъ „леталъ гордо на конѣ“. У Пушкина Мазепа вспоминаетъ, какъ „скакалъ“ рядомъ съ Кочубеемъ (дважды), къ мѣсту казни гетманъ „скакалъ“, оттуда онъ „мчался“; возвратъ на Петра, онъ „мчится на конѣ“; спасаясь бѣгствомъ, онъ тоже „мчится“, мимо хутора „помчался“. Этотъ „наездническій“ характеръ Мазепы напоминаетъ какъ разъ многихъ героевъ „Думъ“ Рыльева: очень многіе изъ нихъ отличаются такою-же „стрѣмительною силою“ духа.

Но особенное значеніе для Пушкина имѣла біографія гетмана, составленная А. О. Корниловичемъ и приложенная къ поэмѣ „Войнаровскій“.

Изъ «Полтавы»:

Но старый гетманъ остался
Послушнымъ подданнымъ
Петра...

[ной]
Мазепа въ горести притвор-
Къ царю возносить гласть
покорный:

„И знаетъ Богъ, и видить
свѣтъ:

Онъ, бѣдный гетманъ, двад-
цать лѣтъ
Царю служилъ душою вѣр-
ной.

Изъ «Жизнеописанія Мазепы».

.. въ словахъ и поступкахъ
онъ казался самымъ рев-
ностнымъ поборникомъ вы-
годъ Россіи, изъявлялъ со-
вершенное покорство волѣ
Петра, предупреждалъ его
желанія.

Въ письмахъ къ царю Ма-
зепа говорилъ про себя, что
онъ одинъ, и что всѣ окру-
жающіе его недоброжела-
тельствуютъ Россіи.

Петръ, плѣненный его
умомъ, познаніями и доволь-
наго его службою, благово-
лилъ къ гетману особен-

...Гнушаясь мнимой клеветой, Доность оставя безъ винманья, Самъ царь Гуду угѣшалъ И злобу шумомъ наказанья Смирить надолго обѣщалъ.

Онъ съ гордымъ шведскимъ королемъ Свои сношенья продолжаетъ.

Межъ тѣмъ, чтобъ обмануть вѣрный Глазавраждебнаго сомнѣнья, Онъ, окружась толпой врачей,

нымъ образомъ. Онъ имѣлъ къ нему неограниченную довѣренность, осыпалъ, его милостями, сообщалъ ему самыя важныя тайны, слушать его совѣтовъ. Случалось-ли, что недовольные, жалуясь на гетмана, обвиняли его въ измѣнѣ, государь велѣлъ отсылать ихъ въ Малороссію и судить, какъ ябедниковъ, осмѣлившихся поносить достойнаго повелителя казаковъ.

Замысливъ измѣну, повелитель Малороссіи почувствовалъ необходимость притворства. Ненавидя россиянъ въ душѣ, онъ вдругъ началъ обходиться съ ними самымъ привѣтливымъ образомъ; въ письмахъ своихъ къ государю увѣрялъ онъ болѣе, чѣмъ когда-нибудь въ своей преданности, а между тѣмъ потаенными средствами раздувалъ между казаками неудовольствіе противъ Россіи.

Самъ Мазепа притворился больнымъ, слегъ въ постель, окружилъ себя докторами, не вставалъ съ одра по иѣскольку дней сряду, не могъ

На ложѣ мнимаго мученья Стоная, молитъ исцѣленья...

...Съ нимъ полномошный
езуитъ
Мятежъ народный учреждается
И шаткій тронъ ему сулить.
Во тьмѣ ночной они, какъ
вороны,

Ведутъ свои переговоры...
Какой-то ницій во дворецъ Невѣдомо отколѣ ходить,
И Орликъ, гетмановъдѣлецъ,
Его приводить и выводить.
Повсюду тайно сбоятъ ядъ
Его подосланные слуги:
Тамъ, на Дону, казачьи круги
Они съ Булавинымъ мутятъ.
Тамъ будятъ дикихъ ордъ

отвагу,
Тамъ, за порогами Днѣпра,
Страшаютъ буйную ватагу
Самодержавiemъ Петра...

Плоды страстей, войны,
трудовъ,

Болѣзни, дряхлость и пе-
чали,

Предтечи смерти, приковали
Его къ одру. Уже готовъ
Онъ скоро бренный міръ
оставить;

Святой обрядъ онъ хочетъ
править,

ни ходить, ни стоять и въ то время, какъ всѣ полагали его близкимъ къ гробу, онъ приводилъ въ дѣйствіе свои намѣренья: переписывался Карломъ XII и Лещинскимъ, вѣль по ночамъ переговоры съ присланымъ отъ Станислава іезуитомъ Зеленскимъ о томъ, на какихъ основаніяхъ сдать Малороссію полякамъ и отправляя тайныхъ агентовъ къ запорожцамъ съ разглашеніями, что Петръ намѣренъистребить Сѣчу и чтобъ они готовились къ сопротивленію.

Притворная страданія его чаша отъ часу усиливались, 22 Октября 1708 г. писать онъ еще къ графу Головкину, что не можетъ ворочаться безъ пособія своихъ слугъ, болѣе 10 дней не употребляетъ пищи, лишенъ сна, и, готовясь умереть, уже соборовался масломъ, а 29, лившиесь въ Горкахъ, съ 5000 казаковъ, положилъ къ стопамъ Карла XII булаву и бунчукъ, въ знакъ подданства и вѣрности..

Онъ архипастыря зоветъ
Къ одру сомнительной кон-
чины
И на коварные сѣдины
Елей таинственный течетъ...
И день насталъ. Встаетъ съ
одра
Мазепа, сей страдалецъ хи-
лый,
Сей трупъ живой, еще вчера
Стонавшій слабо надъ мо-
гилой...
Къ ногамъ онъ Карлу поло-
жилъ
Бунчукъ покорный...

[Въ объясненіи причинъ измѣнъ Мазепы Пушкинъ со-
шелся вполнѣ съ Рыльевымъ: Мазепа хотѣлъ ко-
ронь, для чего рѣшилъ обмануть и русскихъ, и шве-
довъ; казакамъ причину измѣнъ выставлялъ, какъ бо-
язнь самодержавія Петра.]

„Что побудило Мазепу къ измѣнѣ?

„Ненависть ли его къ рус-
скимъ, полученная имъ еще
въ дѣтствѣ во время его
пребыванія при польскомъ
дворѣ?

„Любовная-ли связь съ од-
ной изъ родственницъ Ста-
нислава Лещинскаго, кото-
рая принудила его перейти
на сторону своего короля? Или,
какъ некоторые полагаютъ,
любовь къ отечеству, вну-
шившая ему неумѣстное
опасеніе, что Малороссія,
оставшись подъ владыче-
ствомъ русскаго царя, ли-
шится правъ своихъ?

„Но въ современныхъ актахъ ея по вижу въ поступкѣ гетмана Малороссіи сего возвышенного чувства, предполагающаго отверженіе отъ личныхъ выгодъ и покер-
твованіе собою пользы согражданъ. Мазепа въ универсалахъ своихъ и письмахъ къ казакамъ клялся самыми священными именами, что дѣйствуетъ для ихъ блага; но въ тайномъ договорѣ съ Станиславомъ отдавалъ Польшѣ Малороссію и Смоленскъ, съ тѣмъ, чтобы его признали владѣтельнымъ княземъ полоцкимъ и витебскимъ. Низкое, мелочное честолюбіе привело ого къ измѣнѣ. Благо казаковъ служило ему средствомъ къ умноженію числа своихъ соумышленниковъ и предлогомъ для скрытія своего вѣроломства. И могъ ли онъ, воспитанный на чужбинѣ, ужъ два раза опятнавшій себя предательствомъ, двигаться благороднымъ чувствомъ любви къ родинѣ?

Изъ этихъ „недоумѣній“ бiографа Мазепы вышли и „недоумѣнія“ Пушкина:

Кто сидеть въ глубину морскую,
Покрытую недвижно льдомъ?
Кто испытующимъ умомъ
Проникнетъ бездну роковую
Души коварной? Думы въ ней,
Плоды подавленыкъ страстей,
Лежать погружены глубоко,
И замыселъ давнишнихъ дней,
Быть можетъ, зреетъ одиноко.
Какъ знать?

Итакъ, и для Пушкина неясны цѣли измѣнъ Мазепы — ясно только его несомнѣнное, очевидное коварство.

.. Но чѣмъ Мазепа злѣй,
Чѣмъ сердце въ немъ хитрѣй и ложнѣй,
Тѣмъ съ виду онъ неосторожнѣй
И въ обхожденіи простѣй.

Какъ онъ умѣеть самовластно
Сердца привлечь и разгадать,
Умами править безопасно,
Чужія тайны разрѣшать!
Съ какой довѣрчивостью лживой,
Какъ добродушно на пирахъ
Со старцами, старикъ болтливый,
Жалѣеть онъ о прошлыхъ дняхъ,
Свободу славить съ своеольнымъ,
Поносить власти съ недовольнымъ.

И, между тѣмъ, „не вѣдаетъ святыни“ (сношенія съ католиками-іезуитами, соборованье, чтобы обмануть Петра), „не помнитъ благостыни“ (неблагодарность по отношенію къ Петру), „не любить ничего“ (чертаго, заимствованная изъ „Жизнеописанія“, но противорѣчащая любви героя къ Маріи), „презираетъ онъ свободу“ (чертаго, не оправданная поэмой), „нѣтъ отчизны для него“ (тоже). Отсюда-же, изъ этого „Жизнеописанія“ позаимствовался онъ и „противорѣчіемъ“, рѣжущимъ глазъ: авторъ „Жизнеописанія“, представивъ въ Мазепѣ мелодраматического злодѣя, испортить свое созданье, указавъ на „малодушіе“ Мазены. То же сдѣлалъ и Пушкинъ, неожиданно включивъ „малодушіе“ въ черты характера своего героя¹⁾.

Кромѣ заимствованій, такъ сказать, „психологическаго“ свойства, слѣдуетъ отмѣтить заимствованія Пушкиніемъ у Рылѣева цѣлыхъ картины. Такъ, напримѣръ, картина привала утомленныхъ бѣглецовъ — Карла и Мазены.

1) Кромѣ „Жизнеописанія“, воспользовался Пушкинъ для своей поэмы „Исторіей Малороссіи“ Бантыша-Каменского; объ этомъ онъ самъ говорить; оттуда взяты некоторые факты и имена изъ исторіи казачьихъ войнъ, взять текстъ письма Мазены къ Петру.

Почти безъ отдыха пять дней
Бѣжали мы среди степей,
Бояся вражеской погони;
Уже измученные кони
Служить отказывались намъ,
Дрожа отъ стужи по ночамъ,
Изнемогая въ день отъ зноя,
Едва сидѣли мы верхомъ...
Однажды, въ полночь, подъ лѣскомъ
Мы для минутнаго покоя
Остановились за Днѣпромъ;
Вокругъ синѣла степь глухая,
Луну затмили облака,
И, тишину перерывая,
Шумѣла въ берегахъ рѣка.
На войлокѣ простомъ и грубомъ,
Главою на сѣдло склоненъ,
Усталый Карлъ дремалъ подъ дубомъ,
Толпами ратныхъ окружень.
Мазепа предъ костромъ сосновымъ
Вдали на почернѣвшемъ пнѣ
Сидѣль въ глубокой тишинѣ
И съ видомъ мрачнымъ и суровымъ
Какъ другу открывался мнѣ.

(Рылѣевъ, „Войнаровскій“, 57).

У Пушкина въ „Полтавѣ“:

Верхомъ, въ глухи степей нагихъ,
Король и гетманъ мчатся оба.
Бѣгутъ. Судьба связала ихъ.
Опасность близкая и злоба
Даруютъ силу королю.
Онъ рану тяжкую свою
Забылъ. Поникнувъ головою,

Онъ скачеть, русскими гонимъ,
И слуги вѣрные толпою
Чуть могутъ слѣдоватъ за нимъ¹⁾. . . .
Ночная тѣни степь объемлють.
На брегѣ синяго Днѣпра
Между скалами чутко дремлють
Враги Россіи и Петра.
Щадять мечты покой героя,
Уронъ Полтавы онъ забылъ,
Но сонъ Мазепы смутенъ быль...

Затѣмъ въ поэмѣ Рылѣева слѣдуетъ мелодраматическое описание тѣхъ ужасныхъ видѣній, что посѣтили его во время недуга. Всѣ эти видѣнія Мазепы (казнь Кочубея и Искры, анаематствованіе въ церкви, видѣніе жены Кочубея и дочери) Пушкинымъ изъ „видѣній“ передѣланы „на дѣйствительность“, при чемъ зависимость этихъ картинъ отъ Рылѣевскихъ (по крайней мѣрѣ, первой) доказываетъ заимствованіе великимъ поэтомъ у Рылѣева образа „палача“, — образъ, который, по его собственному признанію, поразилъ его воображеніе.

Казнь Кочубея и Искры.

Изъ „Войнаровскаго“.

. . . И задыхаясь, увѣрялъ, Средь поля роковой по-
Что Кочубея видитъ съ мостъ;
Искрой. На немъ гуляетъ, веселится

Изъ „Полтавы“.

1) Сравни еще слѣдующее мѣсто изъ „Войнаровскаго“:

„Въ странѣ глухой, въ странѣ безводной,
Гдѣ только изѣдка ковыль
По степи стелется безплодной,
Мы мчались, поднимая пыль;
Коней мы вовсе изнурили,
Страдалъ увѣнчанный бѣглецъ
И съ горстью шведовъ, наконецъ,
Въ Бендеры къ туркамъ мы вступили.“

„Вотъ, вотъ они! При нихъ Палачъ и алчно жертвъ
палачъ!“ ждетъ:
Онъ говорилъ, дрожа отъ То въ руки бѣлыя беретъ,
страху: Играючи, топоръ тяжелый,
„Вотъ ихъ взвели уже на То шутить съ чернію весе-
плаху, лой...
Кругомъ стенанія и плачь...
Готовъ ужъ исполнитель И вотъ
муки; Идутъ они, взошли. На
Вотъ засучилъ онъ рукава, плаху,
Вотъ взялъ уже сѣкиру въ Крестясь, ложится Кочубей.
руки, Какъ будто въ гробъ, тѣмы
Вотъ покатилась голова... людей
И вотъ другая! . . . Всѣ тре- Молчать. Топоръ блеснулъ
пещутъ! съ размаху,
Смотри, какъ страшно очи И отекочила голова.
блещутъ!“. Все поле охнуло. Другая
Катится вслѣдъ за ней, ми- гая.

Нетрудно замѣтить, что у Пушкина картина казни изображена гораздо художественнѣе, отчасти благодаря тому, что поставлена въ болѣе выгодную обстановку. На первое мѣсто выдвинута фигура палача, сохранены иѣкоторыя детали, какъ, напримѣръ, впечатлѣніе отъ взоровъ отсѣченной головы. Психика толпы у Пушкина разработана правдивѣе: въ послѣдній моментъ передъ роковымъ ударомъ народъ безмолствуетъ, — у Рылѣева „стенанія и плачь“. Объ „анаематствованіи“ Мазепы Пушкинъ дважды говоритъ мимоходомъ; у Рылѣева умирающій Мазепа видитъ цѣлую сцену этого церковнаго обряда. Появленіе безумной Маріи и ея разговоръ съ Мазепой принадлежатъ къ самымъ сильнымъ мѣстамъ поэмы; у Рылѣева эта благодарная сцена не разработана; у него сказано только:

Онъ часто зрѣль въ глухую ночь
Жену страдальца Кочубея
И обольщенню имъ дочь.

У обоихъ авторовъ отмѣчены чувства бѣглецовъ,
когда они оставили за собою „рубежъ“ страны родины.

Изъ „Войнаровскаго“.

Съ разсвѣтомъ дня мы снова
въ путь
Помчались по степи уны-
лой.
Какъ тяжко взволновалась
грудь,
Какъ сердце юное заныло,
Когда рубежъ страны род-
ной
Узрѣли мы передъ собой.
Въ волненіѣ чувствъ, то-
ской томимый
Я какъ ребенокъ зарыдалъ..

Наконецъ, самое упоминаніе въ поэмѣ „Полтава“
имени Войнаровскаго:

У Войнаровскаго въ рукахъ
Мушкетный стволъ еще дымился,

упоминаніе, не вызываемое необходимостью, не связанное
съ контекстомъ, можетъ быть объяснено только, какъ
мимолетная, нечаянная дань признательности великаго
поэта Рыльеву. Къ поэмѣ Рыльева приложены еще „при-
мѣчанія“ исторического и этнографического свойства.
Оттуда почерпнулъ Пушкинъ свои знанія о старомъ гет-
манѣ Палѣѣ.

Изъ Примѣчаній къ „Вой-
наровскому“.

[Оклеветанный Мазепой
Палѣї]... былъ отправленъ
въ Москву, а оттолѣ, по
указу государеву, сосланъ
въ Енисейскъ, гдѣ цѣляя
пять лѣтъ томился вдалекѣ
отъ родины и родныхъ, снѣ-
даемъ тоскою бездѣйствія
и неволи. Измѣна Мазепы
открыла глаза Петру, и онъ
посреди заботъ военныхъ
вспомнилъ объ оклеветан-
номъ Палѣї и возвратилъ
ему имущество, чинъ и сво-
боду. Но какъ земная власть
могла возвратить ему здо-
ровье! Однакожъ, послѣдніе
дни Палѣевой жизни были
отрадны для сердца стараго
воина. Онъ пріѣхалъ на
войну въ день полтавской
битвы, сѣлъ на коня и, под-
держиваемый двумя каза-
ками, явился передъ сво-
ими. Радостные клики огла-
сили воздухъ: видѣ Палѣя
воспѣлъ всѣхъ муже-
ствомъ. Старикъ ввелъ ка-
заковъ въ дѣло, и хотя
сабля его не могла уже ра-
зить враговъ, но еще однажды
указала путь къ побѣдѣ..

Мазепы врагъ, набѣзникъ
пылкій,
Старикъ Палѣї изъ мрака
ссылки
Въ Украину ѻдетъ, въ цар-
скій станъ...
Сердечной ревностью го-
ря..

Но близъ московскаго царя
Кто воинъ сей подъ сѣди-
нами,
Двумя поддержанъ каза-
ками?

Подъ вліяніемъ поэмы „Войнаровскій“, въ которой говорится о похоронахъ Мазепы въ Бендерахъ, Пушкинъ въ 1824-мъ году, т. е. во время особаго увлеченія поэ мой Рыльева, искалъ могилы бѣглаго гетмана (Воспоминанія Липранди: „Русск. Арх.“ 1866, ст. 1459, 61, 63 — 65). Объ этой могилѣ вспоминаетъ Пушкинъ и въ послѣдователіи къ „Полтавѣ“.

Еще одна мелочь сближаетъ поэму Пушкина съ „Войнаровскимъ“ Рыльева; только къ „Полтавѣ“ приложены довольно обстоятельныя историческія „примѣчанія“, чѣмъ особенно характерно и для поэмы Рыльева: такъ, и у него только къ „Войнаровскому“ приложены такія обстоятельныя объясненія.

У Рыльева есть „дума“, посвященная Борису Годунову; стоитъ прочесть ее,— и невольно въ памяти всплываетъ образъ Пушкинского Годунова, особенно тотъ монологъ его, который раскрываетъ передъ нами его тоскующее сердце. Оба писателя изобразили Годунова въ минуту тоски, когда онъ съ ужасомъ сознаетъ, что въ воплощющей несправедливости черни къ его державному труду кроется великая справедливость, — наказаніе за содеянное преступленіе.

Изъ „думы“ Рыльева.

Я мнилъ: взойду на тронъ — и рѣки благъ
Пролью съ высотъ его къ народу;
Лишь одному злодѣйству буду врагъ;
Всѣмъ дамъ законную свободу!
Начнуть торговлею вездѣ цвѣсти
И грады пышные, и села!
Полезному открою всѣ пути
И возвеличу блескъ престола!
Я мнилъ: народъ меня благословитъ,

Зря благоденствія отчизны,
И общая любовь мнѣ будетъ щитъ
Отъ тайной сердца укоризны.
Добро творю; но ропота души
Оно остановить не можетъ:
Гласъ совѣсти въ чертогахъ и въ глухи
Вездѣ равно меня тревожитъ!
Вездѣ, какъ неотступный стражъ за мной,
Какъ злой, неумолимый гений,
Влачится вслѣдъ и шепчетъ мнѣ порой
Невнятно повѣсть преступленій...
Ахъ, удались! Дай сердцу отдохнуть
Отъ нестерпимаго страданья! . . .

Невольно съ этой цитатой хочется сопоставить иѣ-
которая мѣста изъ монолога Пушкинского Годунова:

.. Я думалъ свой народъ
Въ довольствіи, во славѣ успокоить,
Щедротами любовь его снискать . . .
Я отворилъ имъ житницы; я злато
Разсыпалъ имъ; я имъ сыскаль работы . . .
Я выстроилъ имъ новыя жилища . . .

Несмотря на сознанье своихъ заслугъ передъ оте-
чество, и Пушкинскій Годуновъ не знаетъ счастья:

Счастья нѣтъ моей душѣ . . .,
говорить онъ.

Ни власть, ни жизнь меня не веселять,
Предчувствую небесный громъ и горе.
Мнѣ счастья нѣтъ . . .

Кончается монологъ жалобами на то, что отъ му-

чения совѣсти никуда ему не уйти — эта же мысль выражена въ „думѣ“ Рылѣева.

Полагаю, что приведенные сопоставления позволяютъ говорить съ увѣренностью о томъ, что въ произведеніяхъ Рылѣева Пушкинъ нерѣдко встрѣчалъ такие поэтическіе „намеки“, которые затрагивали его творчество, развертывались въ цѣлыхъ художественныхъ картинахъ, почти всегда неизмѣримо превосходившихъ въ художественномъ отношеніи заимствованное. Только въ созданіи образа Мазепы влияніе Рылѣева не было переработано Пушкинымъ и вошло въ его творчество непріятнымъ *нехудожественнымъ диссонансомъ*.

В. Сиповский.

Къ исторіи опредѣленія Пушкина въ Лицей.

Въ Архивѣ Департамента Герольдіи, въ 129-й книжѣ „Рѣшеннѣхъ дѣлъ Герольдіи Правительствующаго Сената“, на лл. 605—609, сохранились нижеслѣдующіе три документа, касающіеся выдачи свидѣтельства о дворянскомъ происхожденіи А. С. Пушкина. Объ этомъ свидѣтельствѣ упоминаетъ г. Селезневъ въ своемъ трудѣ „Историческій очеркъ Императорскаго бывшаго Царскосельскаго, нынѣ Александровскаго Лицея“, С.-Пб. 1861 (стр. 6 приложений), а также И. А. Шляпкинъ въ брошюре „Къ біографіи А. С. Пушкина (Малоизвѣстныя и неизвѣстныя документальныя данныя)“, С.-Пб. 1899 (стр. 14), но самый документъ нигдѣ еще обнародованъ не былъ, равно какъ и два другіе — прошеніе С. Л. Пушкина и удостовѣреніе И. И. Дмитріева и графа Сергея Николаевича Салтыкова.

I.

Всепресвѣтлѣйшій, державнѣйшій великий государь императоръ Александръ Павловичъ, Самодержецъ всероссийскій, Государь всемилостивѣйшій!

Проситъ служащій въ комиссаріатскомъ штатѣ 7-го класса Сергій Львовъ сынъ Пушкинъ о нижеслѣдующемъ.

Гербъ рода нашего Пушкиныхъ внесенъ въ Гер-

бовникъ¹⁾ и съ онаго герба братъ мой родной, гвардій порутчикъ Василій Львовичъ Пушкинъ, въ 1802 году получилъ копію, а какъ нужно сыну моему Александру имѣть изъ Герольдіи о дворянствѣ свидѣтельство, а потому, прилагая при семъ свидѣтельство о законномъ рожденіи онаго сына моего²⁾, весподданійшѣ прошу *Ко сему*

Дабы высочайшимъ вашего императорскаго величества указомъ повелѣно было сие мое прошеніе въ Герольдіи принять и сыну моему Александру выдать свидѣтельство о дворянствѣ. *Прошенію*

Всемилостивѣйшій Государь! прошу вашего императорскаго величества о семъ моемъ прошеніи рѣшеніе учинить. Марта дня 1811 года; къ поданію надлежитъ въ Герольдію. Прошеніе писалъ и сочинялъ Канцеляристъ Пётръ Степановъ. *Седьмого класса Серпій Львовъ сынъ Пушкинъ руку приложилъ.*

II.

Свидѣтельствую симъ, что недоросль Александръ Пушкинъ есть дѣйствительно законный сынъ служащаго въ Комиссаріатскомъ штатѣ 7-го класса Сергѣя Львовича Пушкина.

Марта дня 1811 г.

Министръ Юстиціи Дмитріевъ.
Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ
Графъ Сергій Салтыковъ.

1) Гербъ рода Пушкиныхъ внесенъ въ V часть „Общаго Гербовника“, на стр. 18; родъ записанъ въ VI часть родословной книги Костромской и Московской губерній. *В. Р.*

2) Въ дѣлѣ Герольдіи его неѣть; въ 1861 г. оно еще хранилось въ дѣлахъ Лицейскаго архива. *Ред.*

III.

Свидѣтельство¹⁾.

Копія.

По Указу Его Императорскаго Величества Герольдія опредѣлила: дать сіе Комиссаріатскаго штата 7-го класса Сергѣя Пушкина сыну Александру Пушкину въ томъ, что онъ происходит отъ древняго дворянскаго рода Пушкиныхъ, коего гербъ внесенъ въ общій дворянскихъ родовъ Гербовникъ и высочайше утверждены.

Марта 23 дня 1811 года.

Подлинный подписали: Герольдмейстеръ и кавалеръ Владіміръ Грушецкій. Статскій Совѣтникъ и кавалеръ Матвѣй Вагановъ. Секретарь Карлъ Гальбергъ. Коллежскій Ассесоръ Коневскій. У подлиннаго свидѣтельства Его Императорскаго Величества Канцеляріи печать. Пошлины 50 коп. взяты.

Подлинное свидѣтельство получило Штата Комиссаріатскаго седьмого класса Серпій Пушкинъ.

Сообщилъ В. Рудаковъ.

1) Свидѣтельство это, за № 887, выдано на основаніи опредѣленія Герольдіи, состоявшагося 23-го марта 1811 года. *В. Р.*

въсть объ этомъ переводѣ, вѣроятно, давно ожидавшемся, дошла до Пушкина¹).

Сообщаемъ здѣсь, кстати, біографическая свѣдѣнія объ Юрьевѣ, почерпнутыя изъ дѣла о дворянскомъ его происхожденіи (въ Архивѣ Департамента Герольдіи), изъ дѣла о его службѣ, хранящагося въ Архивѣ Государственного Банка и разысканнаго по нашей просьбѣ архиваріусомъ Банка А. А. Мироновымъ, а также изъ „Исторіи лейбъ-гвардіи Уланскаго полка“, составленной П. О. Бобровскимъ (С.-Пб. 1903, приложенія ко II тому, стр. 107 — 108).

Ѳ. Ф. Юрьевъ происходилъ изъ дворянъ Московской губерніи и родился въ 1796 году; въ 1812 г. (1-го сентября) онъ поступилъ на службу пятидесятымъ начальникомъ въ конный полкъ Нижегородскаго ополченія и въ 1813, 1814 и 1815 г. былъ, вмѣстѣ съ полкомъ, въ походахъ въ герцогствѣ Варшавскомъ, въ Пруссіи, Богеміи, Австріи, Саксоніи, Ганноверѣ, Брауншвейгѣ, Вестфаліи и Ангальтѣ, участвовалъ въ блокадѣ Магдебурга и Дрездена, въ сраженіяхъ съ французами подъ Дрезденомъ (5-го октября 1813 г.), у мѣст. Донау (10-го октября), подъ крѣп. Торгау (14-го) и подъ Нейстрицемъ (17-го), получилъ чинъ корнета и вернулся въ Россію, а 5-го декабря 1814 г., послѣ распущенія ополченія, поступилъ въ Литовскій уланскій полкъ, въ февралѣ 1817 г. произведенъ въ поручики и 8-го августа 1818 г., „по волѣ начальства и по Высочайшему повелѣнію, переведенъ былъ, въ числѣ русскихъ офицеровъ“, въ Ямбургскій уланскій полкъ. 20-го сентября 1819 г., какъ сказано было выше, Юрьевъ, „за отличие по службѣ и по собственному желанію“, перешелъ въ лейбъ-гвардіи Уланскій полкъ, съ назначеніемъ

Ѳ. Ф. Юрьевъ и посланіе къ нему Пушкина (1819 г.).

Одинъ изъ членовъ общества „Зеленої Лампы“, Федоръ Филипповичъ Юрьевъ, известенъ по двумъ посланіямъ къ нему Пушкина: одно изъ нихъ было написано въ 1818, а другое („Здорово, Юрьевъ-именинникъ“) въ 1819 г. Различныя изданія сочиненій поэта различно датируютъ это второе посланіе, пріурочивая его, обыкновенно, къ началу 1819 года, а П. О. Морозовъ, въ изданіи 1903 г., (т. I, стр. 238 — 239) выставляетъ подъ нимъ помѣту „Февраль“, не указывая, впрочемъ, источника, изъ кото-раго онъ взялъ эту помѣту. Между тѣмъ, изъ служебнаго формуляра Юрьева, къ которому Пушкинъ въ этомъ второмъ посланіи обращается уже какъ къ лейбъ-улану, видно, что въ лейбъ-гвардіи Уланскій полкъ онъ былъ переведенъ 20-го сентября 1819 г. Такимъ образомъ, посланіе это могло быть писано не ранѣе 20-го сентября, а принимая во вниманіе, что память св. Феодора празднуется 20-го и 23-го сентября, дважды въ ноябрѣ и дважды въ декабрѣ, можно съ иѣкоторою увѣренностью сказать, что оно писано было или въ самый день перевода Юрьева въ лейбъ-уланы, или 23-го сентября, когда

1) Эти соображенія были сообщены нами В. Е. Якушкину, который воспользовался ими для примѣчаній къ Академическому изданію сочиненій Пушкина.

старшимъ адъютантомъ лѣгкой гвардейской кавалерійской дивизіи. Пробывъ затѣмъ во фронтѣ полка съ 10-го августа 1823 по 9-е февраля 1824 г., Юрьевъ былъ определенъ адъютантомъ къ командующему 1-ю уланскую дивизіей генераль-маіору князю Лопухину, 20-го октября того же года произведенъ въ штабс-ротмистры и назначенъ къ тому-же Лопухину бригаднымъ адъютантомъ, 6-го декабря 1827 г. получилъ чинъ ротмистра, а въ маѣ 1830 г., по выходѣ Лопухина въ отставку, снова вернулся въ свой полкъ, гдѣ, однако, прослужилъ уже недолго, и 10-го января 1833 г. вышелъ въ отставку, „для определенія къ статскому дѣламъ“. Причислившись 29-го января 1835 г. къ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, Юрьевъ 2-го іюня 1836 г. былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій V класса при Министрѣ, 19-го апрѣля 1839 г. перешелъ въ Министерство Юстиціи, а 5-го октября того же года назначенъ былъ старшимъ директоромъ въ Экспедицію депозитной кассы при Коммерческомъ Банкѣ. Съ этого времени вся дальнѣйшая служба „любимца вѣтреныхъ Лайсъ“ прошла по Министерству Финансовъ; такъ, онъ постепенно занималъ должности: товарища управляющаго Коммерческимъ Банкомъ (съ 20-го августа 1843 г.), управляющаго (1848, 1849 и 1851 г.) временными Рыбинской и Нижегородской Банковыми Конторами, Управляющаго Экспедицію Государственныхъ кредитныхъ билетовъ (съ 22-го января 1854 г.), Управляющаго Государственнымъ Коммерческимъ Банкомъ (съ 15-го октября 1854), въ 1856 г. былъ командированъ для обревизованія Рижской Банковой Канторы, а въ 1858 г. съ тою же цѣлью осматривалъ Московскую, Одесскую, Киевскую и Харьковскую Конторы Коммерческаго Банка. Состоя съ 1848 г. въ чинѣ дѣйствительного статского соѣтника, Ф. Ф. Юрьевъ скончался въ Петербургѣ 30-го марта 1860 г.; жена его, Марія Павловна, рожденная Уша-

кова¹⁾) умерла еще раньше — 7-го декабря 1858 г. (род. 21-го августа 1802 г.) и погребена съ мужемъ въ церкви Казанскаго кладбища въ Царскомъ Селѣ. Дѣтей у нихъ не было, а наследниками Федора Филипповича были братья и сестра его жены: Валеріанъ и Алексѣй Павловичи Ушаковы и Варвара Павловна Барыкова²⁾; въ качествѣ свидѣтелей на духовномъ его завѣщаніи подписались: Александръ Всеволодовичъ Всеволожскій, одинъ изъ сотоварищъ Юрьева по обществу „Зеленої Лампы“ (брать основателя послѣдней — Никиты Всеволожскаго) и Николай Павловичъ Мансуровъ, сынъ другого члена „Зеленої Лампы“ — П. Б. Мансурова. Изъ этого можно заключить, что Юрьевъ до конца дней своихъ сохранилъ дружескія связи съ пріятелями своей кипучей молодости. Подлинная рукопись второго посланія Пушкина къ Юрьеву перешла къ П. А. Ефремову, у которого находится и въ настоящее время (Соч. Пушкина, изд. Суворина, т. VIII, 1905 г., стр. 126).

Б. Модзалевскій.

1) Дочь генераль-адъютанта Павла Петровича Ушакова (р. 21-го июня 1759 г. † 11-го марта 1840 г., погребенъ съ дочерью).

2) Умерла 5-го февраля 1862, погребена съ сестрой.

„Пушкинскія“ замѣтки¹⁾.

При занятіяхъ какими бы то ни было специальными вопросами накапливается попутно много материала, къ этимъ вопросамъ не относящагося, но все же запоминаемаго, особенно, если онъ касается личности или дѣятельности такого писателя, какъ Пушкинъ. И у меня накопилось не мало замѣтокъ, такъ или иначе связанныхъ съ именемъ великаго поэта. Большинство ихъ было уже потомъ напечатано, кое чѣмъ я и самъ воспользовался для своего сообщенія „Пушкинъ и Новороссійскій край“, помѣщенного въ сборникѣ „Пушкинскіе дни въ Одессѣ“ (Одесса. 1900 г.); но кое какая мелочь еще нашлась въ моемъ портфѣль. Не все тутъ равноцѣнно; но, полагая, что все, относящееся къ Пушкину, можетъ быть использовано въ будущемъ, я и позволяю себѣ сообщить эти безсвязныя замѣтки.

I.

Въ редакцію сборника, который предполагалось издать въ Одессѣ къ юбилею Пушкина, доставленъ былъ, между прочимъ, разсказъ г. Подвысоцкаго о томъ, какъ

1) Эта статья покойнаго профессора Новороссійскаго Университета Алексія Ивановича Марковича найдена въ бумагахъ А. Н. Лытка, среди статей, присланныхъ для помѣщенія въ „Извѣстіяхъ Отдѣленія Русскаго языка и словесности“. Ред.

Пушкинъ прѣѣжалъ къ своему пріятелю, дѣду г. Подвысоцкаго, Николаю Ивановичу Величко (дѣду и современаго поэта В. Л. Величко). Передавать этотъ разсказъ я не считаю себя вправѣ, да и не убѣжденъ, что онъ теперь гдѣ-либо не напечатанъ, такъ какъ слѣдить за тѣмъ, что печатается во всѣхъ журналахъ и газетахъ нашихъ, невозможно¹⁾. Но въ разсказѣ г. Подвысоцкаго были нѣкоторыя неточности, и я хочу привести здѣсь соображенія, которыя, въ случаѣ чего, косвеннымъ образомъ помогутъ эти неточности исправить. Если Пушкинъ дѣйствительно когда-либо заѣжалъ къ Н. И. Величко въ его хуторъ Вернигровщину, то это могло быть лишь лѣтомъ 1824 г., послѣ того, какъ онъ былъ высланъ изъ Одессы и прѣѣжалъ въ свое Михайловское черезъ Кременчугъ и Черниговъ; при чемъ, слѣдя большими почтовыми трактами, обязательно долженъ былъ проѣхать черезъ Прилуки и Ичню, хотя дорога между этими городами и не лежитъ черезъ мѣстечко Ичню, близъ которой находится хуторъ Вернигровщина, но разстояніе ихъ отъ почтоваго тракта, напр., отъ лежащаго на немъ мѣст. Монастырица, такъ невелико (верстъ 20—25), что Пушкину не трудно было бы свернуть въ сторону и заѣхать на нѣсколько часовъ къ пріятелю. Замѣчу, между прочимъ, что, хотя хуторъ Вернигровщина находится очень близко отъ мѣст. Ични, но лежитъ уже не въ Черниговской губерніи, какъ Ичня, а въ Полтавской — въ Прилуцкомъ уѣзда.

1) Разсказъ Н. В. Подвысоцкаго: „Изъ моихъ воспоминаній“, напечатанъ въ „Пушкинскомъ Сборнике“ Петербургскихъ литераторовъ, С.-Пб. 1899, стр. 586 и сл.

II.

Сообщаю искротые архивные материалиы, быть можетъ, не лишие для биографіи Пушкина, а именно, — два рапорта А. А. Скальковского.

A.

Его Превосходительству Господину Одесскому времен-
ному Генералъ Губернатору¹⁾)

Тайного Советника Скальковского

Рапортъ.

Исполняя предписаніе Вашего Высокопревосходи-
тельства отъ 23 сего Іюня № 1877 о собраніи въ архивѣ
бывшаго Новороссійскаго и Бессарабскаго генераль-
губернатора свѣдѣній „о поэту Александрѣ Сергеевичѣ
Пушкинѣ“, честь имѣю донести, что въ архивѣ найдены
мною слѣдующіе три положительные документа о нашемъ
знаменитомъ соотечественникѣ:

1) Въ дѣлѣ 1850 года, № 307: „О составленіи Комисіи
для разбора дѣлъ архива Канцеляріи, подлежащихъ къ
уничтоженію“, въ числѣ прочихъ было дѣло 1821 года,
№ 401, на 38 страницахъ: „По отношенію Министра Ино-
странныхъ Дѣлъ о жалованьї Коллежскаго Секретаря
Пушкина“. Дѣло это, по требованію Министерства Вну-
треннихъ Дѣлъ отъ 27 Ноября 1861 года, за № 1969,
отправлено Генералъ-Губернаторомъ графомъ Строга-
новымъ Г. Министру Иностранныхъ Дѣлъ 7 Января
1862 года, за № 288.

2) Дѣло 1824 года № 74/89, часть 1-я „О саранчѣ“,
опустошившей тогда поля Новороссійскаго Края, въ ко-

1) Графу Э. И. Тотлебену.

торомъ упомянуто: „что въ числѣ чиновниковъ, коман-
дированныхъ въ Херсонскую губернію княземъ М. С.
Воронцовымъ для произведенія опытовъ къ истребленію
саранчи, отправленъ былъ „Коллежскій Секретарь Пуш-
кинъ“ съ выдачею ему 400 р. ассигнаціями на путевые
издержки. Подлинное черновое предписаніе Генераль-
Губернатора отъ 25 Мая 1824 года, № 7976, находится
во 2-й части дѣла о саранчѣ: № 76, 1824 же года. О томъ,
какъ исполнилъ свое порученіе достославный поэтъ, въ
дѣлѣ этомъ не видно. Дѣло хранится до сихъ поръ въ
нашемъ архивѣ.

3) Дѣло 1824 года, № 144: „О высылкѣ изъ Одессы
въ Псковскую губернію Коллежскаго Секретаря Пуш-
кина“, на 33-хъ листахъ, которое при представлениі
моемъ отъ 20 Декабря 1879 года, № 96, мною лично до-
ставлено бывшему Одесскому градоначальнику гене-
ралъ-маюру Гейнсу, согласно предложенію его отъ
15 Ноября того же года, № 11135; это дѣло до настоя-
щаго времени въ архивѣ нашъ не возвращено¹⁾.

Донося о семъ Вашему Высокопревосходительству,
я полагаю, что генералъ-маиръ Гейнсъ, по первому
требованію Вашему, не замедлитъ представить Вамъ упо-
мянутое дѣло № 144 въ убѣжденіи, что онъ въ немъ ни-
какой надобности не имѣеть, а обязанъ возвратить въ
Генералъ-Губернаторской архивѣ, изъ котораго оно
было заимствовано.

Что касается до пребыванія въ Одессы знаменитаго
нашего поэта, то въ Генералъ-Губернаторскомъ архивѣ
свѣдѣній о томъ не имѣется. Тайный Советникъ А. Скаль-
ковскій, Императорской Академіи Наукъ членъ.

Одесса. 28 Іюля 1880 года.

1) Нынѣ, стараньями и. д. Одесского Градоначальника гр. П. П. Шу-
валова, уже возвращено въ архивъ.

A. M.
7*

Б.

Къ Биографии Пушкина.

Имя такого великаго, по истинѣ народнаго поэта, какъ Пушкинъ, свѣтило Русской земли, столь дорого для всякаго русскаго, что и я, всегда чуждый не только полемикъ, но даже ученой критикѣ, рѣшалось сообщить нѣсколько достовѣрныхъ свѣдѣній о герое нашего современнаго празднества¹⁾, чтобы сперва опровергнуть нѣсколько ошибочныхъ разсказовъ „современныхъ ему лѣтописцовъ“, а потомъ указать довольно справедливое свѣдѣніе, гдѣ жилъ Пушкинъ въ Одессѣ.

1.

Въ № 123 „Одесского Вѣстника“, одинъ изъ такихъ „современниковъ“ В. В. Лоровичъ²⁾ помѣстилъ въ фельетонѣ свое „Воспоминаніе о Пушкинѣ“ и вотъ что, между прочимъ, говоритъ онъ: „Почти одновременно (значить въ 1822—1824 г.) съ великимъ поэтомъ прѣѣхалъ въ Одессу другой поэтъ—Викторъ Тепляковъ, другъ и товарищъ Пушкина по Царскосельскому Лицею. Тепляковъ квартировалъ въ домѣ моихъ родителей. Увидѣвъ мой почеркъ, поэтъ пригласилъ меня перебѣгивать ого сочиненія и писать подъ его диктовку. Нѣсколько времени спустя, онъ передалъ мнѣ, что другъ его Пушкинъ тяжоль на подъемъ и лѣнивъ, и что онъ также желаетъ обзавестись хорошимъ и смѣтливымъ переписчикомъ. На предложеніе Теплякова я охотно согласился, тѣмъ болѣе что у меня не было никакихъ опредѣленныхъ занятій.

1) Вероятно, писано въ 1880 г.

2) Былъ учителемъ 2-й Одесской Гимназіи; очень популярная личность въ Одессѣ въ свое время.

A. M.

A. M.

Отсюда начало моего знакомства съ Александромъ Сергеевичемъ[“].

И далѣе, говоря о порученіи, данномъ княземъ Воронцовымъ Пушкину истреблять саранчу вмѣстѣ съ другими, весьма почтенными лицами, посредствомъ цѣлыхъ батальоновъ пѣхоты, г. Лоровичъ пишетъ, „что графъ М. С. Воронцовъ не долюбливалъ Пушкина послѣ знаменитаго донесенія въ стихахъ, вмѣсто казеннаго рапорта, объ истребленіи саранчи, при чёмъ полетъ саранчи и наружный видъ описаны поэтомъ мастерски и художественно. Сколько мнѣ известно, рапортъ этотъ пріобрѣтенъ къ дѣлу и, надо полагать, хранится въ Генераль-Губернаторскомъ архивѣ“.

Прочитавъ столь удивительные вещи, я обратился за справками въ упомянутый Генераль-Губернаторскій архивъ; г. Миллеръ, консерваторъ этого архива, доставилъ мнѣ слѣдующія выписки: во-первыхъ—изъ дѣла 1826 года, № 34, „объ отставномъ поручикѣ Тепляковѣ“, изъ котораго видно, что г. Тепляковъ въ ноябрѣ 1826 г. по распоряженію высшей власти высланъ былъ на постояннное жительство въ Херсонъ, гдѣ и находился безотлучно до начала января 1828 года, когда, по особому ходатайству князя Воронцова, онъ камандированъ былъ на службу къ Таганрогскому градоначальнику. Онъ только въ октябрѣ 1829 года получилъ дозволеніе поѣхать Одессу въ теченіе восьми дней. Въ это время, по его просьбѣ, камандированъ онъ былъ въ Варну и другіе крѣпости и города, занятые Русскими войсками, съ археологическою цѣлію. Плодомъ этого путешествія было собраніе нѣсколькихъ древнихъ мраморовъ¹⁾ и довольно дѣльное ихъ описание, удостоившееся даже 31 декабря

1) Находятся въ музѣе Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.

A. M.

1829 года Высочайшаго благоволенія. Наконецъ, 18 сентября 1830 года дозволено было ему поступить на службу въ Канцелярію князя Воронцова и поселиться окончательно въ Одесѣ. Изъ этой выписки видно, что г. Телляковъ, прибывшій въ Одессу, сперва на нѣсколько лишь дней, въ 1829 году и поселившійся въ этомъ городѣ едва въ 1831 г., не могъ никакъ дружить съ Пушкинымъ во время пребыванія знаменитаго поэта въ Одесѣ въ 1822—1824 гг.

Мы полагаемъ, въ оправданіе г. Лоровича, что онъ смыслали нашего бессмертнаго поэта съ его двоюроднымъ братомъ¹⁾, который, точно, нѣсколько лѣтъ сряду жилъ въ Одесѣ въ 1840-хъ годахъ, гдѣ и женился на дочери генерала Загряжскаго.

Что касается службы Пушкина по истребленію саранчи, то г. Миллеръ въ дѣлахъ архива бывшаго Генералъ-Губорнаторства нашелъ, по требованію бывшаго Градоначальника А. К. Гейнса, и сообщилъ Его Превосходительству дѣло 1824 года, № 153/76: „Объ истребленіи саранчи“. Въ немъ находится предписаніе Князя Воронцова отъ 22 Мая 1824 года, № 7976 о командированиі Коллежскаго Секретаря Пушкина, вмѣстѣ съ другими чиновниками, для истребленія саранчи въ Херсонской губерніи, съ выдачею ему на путевые издержки 400 руб. ассигнациями. Отчетные рапорты по этому порученію отъ военныхъ начальствъ и командированныхъ чиновниковъ въ дѣлѣ этомъ находятся въ большомъ числѣ. Донесенія же Пушкина ни въ прозѣ, ни въ стихахъ нигдѣ не найдено, и едва ли г. Лоровичъ могъ читать этотъ „поэтическій рапортъ“ Пушкина, такъ какъ автору фельетона „Одесскаго Вѣстника“ было въ 1824 году не болѣе 12 лѣтъ отъ роду и, слѣдственно, не могъ онъ тогда

1) Ошибка: родной братъ — Левъ Сергеевичъ Пушкинъ. *A. M.*

судить, что „полетъ саранчи и наружный видъ описаны поэтомъ мастерски и художественно“. А. Скальковскій.

Повидимому, настоящая статья А. А. Скальковскаго, или, точнѣе, рапортъ его, такъ какъ въ противномъ случаѣ не было основанія ей находиться въ архивномъ дѣлѣ, откуда я извлекъ ее, повидимому была имъ тогда не закончена, такъ какъ въ ней не исполнено обѣщаніе указать, гдѣ жилъ Пушкинъ въ Одесѣ. Впрочемъ, мнѣніе А. А. Скальковскаго объ этомъ было впослѣдствіи напечатано; но я потому и отношу настоящій рапортъ къ 1880 г., что тогда именно состоялось въ Одесѣ при торжественной обстановкѣ прибитіе къ дому г. Сикара на Итальянской (нынѣ Пушкинской) улицѣ доски съ обозначеніемъ, что здѣсь въ 1823 г. жилъ Пушкинъ. А. А. Скальковскій отрицалъ, что Пушкинъ жилъ въ этомъ домѣ, но Одесское Славянское Общество, которое озабочилось тогда помѣщеніемъ доски на домѣ Сикара, руководствовалъ указаніемъ Н. Г. Тройницкаго, жившаго въ Одесѣ въ то время, когда здѣсь былъ Пушкинъ, и бывшаго величайшимъ его поклонникомъ; тогда какъ А. А. Скальковскій поселился въ Одесѣ позже и вращался въ такомъ кругу, гдѣ Пушкина не долюбливали.

III.

По поводу рапорта о саранчѣ, могу припомнить, что приходилось въ Одесѣ слышать различные его редакціи; можетъ быть, они уже были гдѣ-либо и напечатаны. Одна редакція сообщаетъ рапортъ дѣйствительно въ стихотворной формѣ, несхожей съ обычною, а что то въ родѣ:

Сія саранча
Богомъ создана и т. д.

Можетъ быть, г. Лоровичу попался рапортъ именно въ такой редакціи.

По другой редакціи рапортъ имѣлъ будто-бы такой видъ: на всей первой страницѣ листа было написано: „Саранча летѣла, летѣла, летѣла“ и т. д. до конца страницы, а въ концѣ слова: „и сѣла“; на второй страницѣ: „сидѣла, сидѣла, сидѣла“ и т. д. опять до конца страницы; на третьей: „ѣла, єла, єла“ и т. д., а въ концѣ: „все сѣ- єла“; на четвертой же многократно повторялся неприличный глаголъ, тоже въ прошедшемъ времени, а въ концѣ— другой, сходный съ нимъ, и слова: „и улетѣла“.

Попадались мнѣ и модификаціи рапорта второй редакціи: „саранча то летѣла, то сидѣла, снова летѣла и снова сидѣла“ и т. д. до безконечности. Вообще желательно было бъ видѣть хоть одинъ старинный экземпляръ копіи съ этого апокрифического рапорта.

IV.

Въ воспоминаніяхъ о Пушкинѣ М. Н. Макарова упоминается, что едва-ли не первымъ, оцѣнившимъ даровитаго юношу, былъ гувернеръ родственниковъ Пушкина—графовъ Бутурлиныхъ—французъ Жилле. Не мѣшаетъ замѣтить, что этотъ Р. Жилле былъ впослѣдствіи директоромъ Ришельевскаго Лицей и вообще представляется собою лицо, не безынтересное для исторіи нашего воспитанія въ началѣ XIX в.; его біографію смотри въ сборникѣ „Ришельевскій Лицей и Императорскій Новороссійскій Университетъ“, Одесса. 1898 г.

V.

Ад. Ант. Ардамовичъ, бывшій въ 1860-хъ годахъ Самарскимъ губернаторомъ, а затѣмъ попечителемъ Одес-

скаго Учебнаго Округа, рассказывалъ мнѣ, что онъ видѣлъ въ Самарскихъ архивахъ дѣла, которыми пользовался Пушкинъ для исторіи Пугачевскаго бунта; при чомъ онъ не давалъ себѣ труда списывать необходимые ему документы или отдельныя мѣста въ нихъ, а просто вырывать или вырѣзывать то, что ему было нужно. Этотъ фактъ нетрудно и проверить.

VI.

В. И. М-чъ рассказывалъ мнѣ, со словъ Н. П. Семенова, члена Государственнаго Совѣта, о слѣдующемъ случаѣ: пріѣхавъ молодымъ въ Петербургъ, Н. П. Семеновъ съ кѣмъ-то изъ своихъ родственниковъ шелъ по улицѣ и вдругъ услышалъ вдали шумъ. Показалась толпа народа; родственникъ Н. П. Семенова предупредилъ его, что они сейчасъ встрѣтятъ императора Николая Павловича; но оказалось, что толпа сопровождала Пушкина, которому при этомъ кричали: „Браво, Пушкинъ!“, аплодировала и т. п. Родственникъ Н. П. Семенова былъ знакомъ съ Пушкинымъ и, встрѣтившись, вступилъ съ нимъ въ разговоръ, что и дало возможность Н. П. Семенову близко видѣть Пушкина.

Авторитетность источника исключаетъ возможность сомнѣваться въ достовѣрности разсказа, который прекрасно иллюстрируетъ популярность Пушкина въ Петербургѣ.

VII.

Позволю себѣ высказать сомнѣніе, правильно ли размѣщаются обычно знаки препинанія въ извѣстномъ разсказѣ Григорія („Бориса Годуновъ“, Келья въ Чудовомъ монастырѣ) о его снѣ. Правда, знаки препинанія раз-

мѣщены точно также и въ томъ изданіи „Бориса Годунова“, которое вышло еще при жизни Пушкина; но для меня такое возраженіе недостаточно убѣдительно: знакомъ препинанія Пушкинъ вообще не придавалъ особенного значения, разставлялъ ихъ не всегда правильно (да были ли въ его время общеприняты, хоть сколько-нибудь систематическія правила о знакахъ препинанія?) и могъ не обратить вниманія на то, какъ они напечатаны въ тѣхъ стихахъ, которые я имѣю въ виду.

Въ настоящее время печатается:

Григорій.

. . . Мне снілося, что лѣстница крутая
Меня вела на башню; съ высоты
Мне видѣлась Москва, что муравейникъ;
Внизу народъ на площади кипѣлъ
И на меня указывалъ со смѣхомъ, и т. д.

Мне же кажется, что слѣдуетъ читать такъ;

. съ высоты
Мне видѣлась Москва; что муравейникъ,
Внизу народъ на площади кипѣлъ, и т. д.

Получается образъ, гораздо болѣе естественный.

Одесса. 25 декабря 1900 г.

Ал. Маркевичъ.

Въ засѣданіи Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ въ соединеніи съ Рядомъ изящной словесности 28 января текущаго года Его Императорскимъ Высочествомъ Августѣйшимъ Президентомъ было внесено предложеніе о составленіи словаря Пушкинскихъ риѳмъ. При обсужденіи этого вопроса было высказано нѣкоторыми изъ присутствующихъ свя-
занное съ нимъ пожеланіе, чтобы наконецъ осуществи-
лась и мысль о Пушкинскомъ словарѣ, занимавшая неод-
нократно изслѣдователей произведеній Пушкина и вызыва-
вшая нѣкоторая попытки къ удовлетворенію этой давно
назрѣвшей потребности, изъ которыхъ, впрочемъ, ни одна
не была доведена до конца. Собрание признало, что
успѣшное исполненіе обѣихъ этихъ работъ, особенно
второй, возможно только по окончаніи предпринятаго
Академіей полнаго и критически пропрѣннаго изданія
сочиненій Пушкина, однако, въ виду неизбѣжной медлен-
ности исполненія такихъ задачъ, какъ подробный Пуш-
кинскій словарь и систематическій словарь Пушкинскихъ
риѳмъ, нашло умѣстнымъ озабочиться безотлагательно вы-
работкой плана обоихъ трудовъ и поручило это пору-
ченіе на академиковъ *А. И. Соболевскаго* и *Ф. Е. Корша*.
Въ засѣданіи 3 февраля, состоявшемся при участіи нѣко-
торыхъ членовъ Коммиссіи по изданію сочиненій Пуш-
кина не изъ числа академиковъ, а именно *В. Е. Якуш-
кина* (одного изъ редакторовъ), *Б. Л. Модзалевскаго* (сек-
ретаря Коммиссіи) и *П. Е. Рейнбота*, планъ Пушкинскаго
словаря, составленный акад. *Соболевскимъ*, и планъ сло-
варя Пушкинскихъ риѳмъ, предложенный акад. *Кор-
шомъ*.

шемъ, были прочтены ихъ авторами и подверглись обстоятельному обсуждению, внесшему нѣкоторыя измѣненія и дополненія въ обѣ записки, а затѣмъ было постановлено: 1) начало работъ по предполагаемому Пушкинскому словарю отложить до выхода II тома сочиненій Пушкина (подъ редакціею В. Е. Якушкина) и I тома переписки Пушкина (подъ редакціею Вл. И. Сайтова), 2) обѣ записки напечатать въ ближайшемъ выпускѣ органа Комиссіи: „Пушкинъ и его современники“.

Ред.

I.

Планъ словаря языка А. С. Пушкина.

1) Словарь заключаетъ въ себѣ всѣ слова, находящіяся какъ въ стихотворныхъ и прозаическихъ сочиненіяхъ А. С. Пушкина, такъ и въ его письмахъ; дѣловыя бумаги, подписанныя Пушкинымъ, не имѣются въ виду.

2) Союзы, предлоги, частицы, мѣстоименія, формы глагола *быть*, встречающіеся очень часто, — входятъ въ словарь 1) въ нѣсколькихъ примѣрахъ своего обычнаго употребленія и 2) во всѣхъ случаяхъ, гдѣ ихъ употребленіе представляетъ уклоненіе отъ нормального.

3) Каждое изъ остальныхъ словъ указывается во всѣхъ случаяхъ своего употребленія и сопровождается выписками такой величины, чтобы можно было видѣть: 1) грамматическое значеніе находящейся въ нихъ формы (падежной, личной), 2) синтаксическое употребленіе этой формы (управление глагола и т. п.), 3) удареніе, если выписка взята изъ стихотворенія, 4) эпитетъ, если слово — имя существительное.

4) Каждая выписка имѣетъ при себѣ указаніе на источникъ. Если это — одно изъ крупныхъ произведений Пушкина, то къ сокращенному названію пьесы присоединяется цифра главы, пѣсни и строфы, дѣйствія и явленія и т. д.; если это — небольшое стихотвореніе или прозаическая статья, то дается лишь сокращенное заглавіе

или сокращенный первый стихъ; если наконецъ это — письмо, то сообщается его дата.

5) Словарь пользуется текстомъ сочиненій Пушкина по академическому изданію.

A. Соболевский.

II.

**Планъ изслѣдованія о стихосложеніи
Пушкина и словаря Пушкинскихъ
риемъ.**

I.

Такъ какъ словарь Пушкинскихъ риомъ объемомъ своимъ, вѣроятно, значительно превысить изслѣдоваліе о стихосложеніи, послѣднему можно придать видъ введенія, хотя, конечно, было-бы желательно, чтобы эта часть не ограничивалась общими и только винѣшними метрическими данными, а содержала въ себѣ и такія указанія, которыя дали-бы читателю возможность вникнуть въ самыи строй Пушкинского стихосложенія и понять причины той легкости, красоты, силы и того разнообразія, которыми пльняетъ настъ Пушкинскій стихъ независимо отъ размѣра, но въ органической связи съ содержаніемъ, пастроеніемъ и тономъ. Въ этомъ отношеніи важно обратить вниманіе на распорядокъ ритмическихъ удареній сильныхъ и слабыхъ, т. е. совпадающихъ съ грамматическимъ (оззаическимъ) удареніемъ или падающихъ на неударяемыя грамматически слоги только на основаніи общаго ритмического теченія стиха, и такимъ образомъ различить съ одной стороны напр. такие стихи, какъ

Стойль онъ, думъ великихъ полнь,
гдѣ каждому ритмическому ударенію соответствуетъ грамматическое (разговорное), и такие, какъ

Порфирорѣдная вдовѣ,

гдѣ на ударенія грамматическая приходится лишь главныя ритмическія (тактовыя), а съ другой — такие, какъ оба выше приведенные, и такие, каковъ слѣдующій:

И кланялсѧ пепрѣпуждѣнно,

гдѣ первое грамматическое удареніе, а слѣдовательно — и первое главное ритмическое, падаетъ не на 4-ый слогъ, какъ въ предѣ-идущихъ, а на второй. Так же напр. въ стихахъ

Однажды, странствуя средь пустыни дикой,
Внезапно бывъ обѣять я скорбю великой,

изъ которыхъ въ первомъ слогѣ передъ цезурой имѣеть исключительно ритмическое (слабое) удареніе, а во второмъ — ритмическое и одновременно грамматическое (сильное), согласно съ чѣмъ видоизмѣняется и общій порядокъ главныхъ и второстепенныхъ удареній въ полустишии, и т. д. Эти явленія уже привлекали къ себѣ вниманіе Тредіаковскаго и позже — Кубарева. Какъ въ связи съ вопросомъ о ритмическихъ удареніяхъ, такъ и по другимъ причинамъ слѣдуетъ обстоятельно разсмотрѣть цезуры, что особенно важно для пятистопнаго ямба, о строѣ котораго Пушкинъ со второй половины 20-ыхъ годовъ думалъ не такъ, какъ раньше, но и для четырехстопнаго, движеніе котораго разнообразится между прочимъ и остановками или, выражалось по-музыкальному, перерывомъ *legato*, напр.

Чергъ сіяль. || Гремѣли хоромъ
Пѣвицы || при звукѣ флейтъ и лиръ.

Въ связи съ распределеніемъ сильныхъ и слабыхъ ритмическихъ удареній стоитъ вопросъ о большей или меньшей длинѣ словъ, входящихъ въ составъ стиховъ, что особенно важно въ стихахъ, содержащихъ въ себѣ не менѣе четырехъ стопъ (а таковыхъ — огромное большинство), и въ размѣрахъ, состоящихъ изъ трехсложныхъ стопъ. Въ отдѣлѣ о звуковой силѣ и выразительности стиховъ желательны замѣчанія о звукоподражаніи и вообще о такъ называемой звуковой живописи (Топти-

lerei), выражающейся въ умѣстномъ повтореніи тѣхъ-же гласныхъ или согласныхъ, напр.

Ходить въ облачномъ сіянїѣ
Полумѣсяцъ молодой,

въ такъ называемыхъ ассонансѣ и аллитерациѣ, иногда и помимо качества самихъ звуковъ — въ синтаксическомъ построеніи, какъ

Шведъ, | Русскій || колеть, | рубить, | рѣжетъ.

Само собою разумѣется, что этому изслѣдованию внутренняго строя стиховъ должно предшествовать полное перечисленіе употребленныхъ Пушкинымъ размѣровъ и строфъ съ отмѣткой окончаний мужескихъ и женскихъ, т. е. напр. при стихотвореніи «Поэтъ, не дорожи любовью народной» желательно приблизительно такое метрическое опредѣленіе: «Сонетъ французского образца, т. е. состоящій изъ александристическихъ стиховъ; риѳмы: а Б Б а, а Б Б а; В В г; Д Д г» (гдѣ строчными буквами означенены женскія риѳмы, а прописными — мужескія), или при балладѣ «Олегъ»: «Амфибрахическая строфа, въ которой первый и третій стихи состоять изъ четырехъ стопъ, второй и четвертый — изъ трехъ; риѳмы: «А б А б» и т. п.

Такъ опредѣляется длина стиховъ, т. е. ихъ стопное содержаніе, по господствующей терминологии, отправляющейся отъ числа удареній, слышимыхъ при чтеніи; но возможна, конечно, и другая, греческая, основанная на числѣ удареній музыкальныхъ, по которой напр. стихъ

Отмстить неразумнымъ Хозарамъ
оказывается равнымъ стиху

Какъ нынѣ сбирается вѣцій Олегъ
вследствие того, что при пѣніи предпослѣдній слогъ (-за-)растягивается до продолжительности цѣлой стопы, а послѣдній (-рамъ) получаетъ поэтому стопное (или тактовое) удареніе.

Выборъ той или другой терминологии зависитъ отъ точки зрења исполнителя предполагаемой задачи.

Весьма желательно было-бы внесение исторического элемента въ изслѣдованіе о размѣрахъ Пушкина, т. е. указанія па то, которые изъ нихъ введены имъ впервые, и которые заимствованы у предшественниковъ, при чмъ должна быть указана какъ степень его зависимости отъ нихъ, такъ и отличія въ обращеніи съ отдѣльными размѣрами, напр. допускаль-ли Пушкинъ въ своихъ ямбахъ и трохеяхъ стихи такого строя, какъ Державинскіе

Отсвѣчивающа въ сердцахъ
и
Съ бѣлымъ Борѣй власами.

II.

Словарь Пушкинскихъ риомъ долженъ быть расположены въ азбучномъ порядкѣ, но, конечно, не риемующихся словъ, а только риомъ, т. е. риемующихся окончаний словъ. Для достижепія этой цѣли мужескія риомы должны составить одинъ отдѣль, а женскія — другой. Кое-гдѣ придется различить риомы точные и неточные; но въ этомъ случаѣ необходима большая осторожность во вниманіе къ тому обстоятельству, что произношеніе Пушкина въ точности намъ пеизвѣстно и при томъ въ разныи эпохи его жизни могло быть не совсѣмъ одинаково, а въ стихахъ, особенно въ раннюю пору его творчества, несомнѣнно носило на себѣ слѣды тогдашняго литературного преданія, которымъ обусловливается напр. сохраненіе звука *e* тамъ, где въ обычной рѣчи слышится ё, и южнорусскій выговоръ *и* въ концѣ словъ, где Пушкинъ вѣтъ поэтической формы произносилъ *i*, вслѣдствіе чего *-iz* риомуется у него то съ *-xъ*, то съ *-kъ*. Но каково-бы ни было качество отдѣльныхъ риомъ, онъ должны, какъ сказано выше, быть расположены въ азбучномъ порядкѣ. Но, такъ какъ составить точный планъ словаря Пушкинскихъ

риомъ можно только при наличности подлежащаго обслѣдованію материала, а его еще предстоитъ собрать, ниже предлагается лишь примѣрное распределеніе риемующихся окончаний словъ (конечно, не однихъ грамматическихъ паставокъ), разсчитанное скорѣе па словарь русскихъ риомъ вообще, чмъ на риомы какого-либо русскаго поэта въ частности. Потому этотъ приблизительный планъ можетъ пригодиться и помимо Пушкина. Словарей риомъ у насъ мало, но и тѣ, которые есть, расположены не систематически и далеко не полны. Правда, полнота въ такихъ словаряхъ едва-ли когда достигима, особенно на долгое время, но систематичность для нихъ тѣмъ болѣе обязательна, что безъ нея трудно и найти то, что нужно. Впрочемъ, очень многіе сомнѣваются и въ томъ, нужны-ли самые словари риомъ, такъ какъ думаютъ, что вдохновеніе даетъ истинному поэту не только содержаніе, но и форму. Это справедливо лишь отчасти, потому что самый даровитый поэтъ иногда готовъ былъ-бы дорого заплатить за риому къ тому слову, которое оказалось у него въ концѣ стиха именно вслѣдствіе удачнаго оборота его творческой мысли, но по отсутствію этой риомы въ данное мгновеніе долженъ напрягать свою память или передѣльвать только-что написанное въ прямой ущербъ своему вдохновенію и красотѣ своего созданія. Это случается особенно часто при употребленіи формъ искусственныхъ, какъ сонетъ, глюссъ, трюлетъ или газель. О же- лательности такого словаря для переводчика стихотворныхъ произведеній нечего и говорить, а впослѣдствіи онъ сослужить важную службу научную, какъ живое свидѣтельство о произношеніи данной эпохи, подобно старымъ провансальскимъ спискамъ риомъ при *Donat proensal* и *Las leys d'amors*.

I.

Риёмы мужескія (односложные).

1.

На гласные.

На *а*:

-ба, -ва, -га, -да, -жа, -за, -ка, -ла, -ма, -на и т. д.

На *я*:

-бя, -вя, -дя, зя, -ля, -мя, -ня и т. д. и отдельно и послѣ гласной или *и*, какъ я — моя — соловья.

На *é (и, э)*:

-бе (-бѣ), -ве (-вѣ), -ге (-гѣ), -де (-дѣ) и т. д.

То-же послѣ *и*: -бѣ, -вѣ, -дѣ и т. д.

На *и*:

-би, -ви, -ги, -ди, и т. д.

То-же послѣ гласной и послѣ *и*, какъ мои — соловьи (съ чѣмъ Пушкинъ риёмуется иногда и любви и т. п.).

На *ó*:

-бо, -во, -го, -до, -жо (же) и т. д.

На *ё (-jo)*, послѣ гласной или *и*: -ё, -бѣ, -вѣ, -дѣ и т. д.

На *ú*:

-бу, -ву, -гу, -ду и т. д.

На *ю*: -дю, -лю, -ню, рю и т. д.

То-же послѣ гласной или *и*: -ю, -бѣю, -вѣю, -дѣю и т. д.

На *ы*:

-бы, -вы, -ды и т. д.

Примѣчаніе 1. Мужескія риёмы съ двумя и тремя согласными передъ ударяемой гласной, куда относятся и -ья, -ѣ, -ы и т. п., можно не выдѣлять въ особые списки, такъ какъ въ расчетъ принимается часто лишь вторая согласная, т. е. напр. *добра* риёмуется не только съ *бобра*, но и съ

ковра, одра, игра, пора, люблю — не только съ *гублю*, но и съ *ловлю, продлю, шлю, молю*, а у многихъ поэтовъ — даже съ *пог*, и т. п.

Примѣчаніе 2. При разработкѣ этого отдѣла, какъ впрочемъ и всѣхъ слѣдующихъ, должно имѣть въ виду всѣ грамматическія формы словъ, напр. рабъ (см. ниже 2. А.) — раба, рабу, рабомъ, рабѣ, также хлѣбъ — мн. ч. хлѣбѣ и т. п. Въ такихъ случаяхъ простая ссылка на соответствующіе отдѣлы риёмы -бѣ, -ѣ и т. д. недостаточна, потому что напр. не всѣ существительныя на данную согласную имѣютъ въ косвенныхъ падежахъ удареніе на концѣ.

2.

На согласные.

A. На одну.

Съ *á (я)*:

-абъ (-апъ, -ябъ, -япъ), -авъ (-афъ, -аевъ, -явъ), -агъ (-акъ, -ахъ, -ягъ, -якъ, -яхъ — см. выше), -адъ (-атъ, -ядъ, -ять), -ажъ (-ашъ, -яжъ, -яшъ), -азъ (-асъ, -язъ, -ясь), -акъ (ср. риёмы на -агъ), -аль (-яль), -амъ (-ямъ), -анъ (янъ), -апъ (ср. риёмы на -абъ), -аръ (яръ), -асъ (ср. риёмы на -азъ), -атъ (ср. риёмы на -адъ), -афъ (-аевъ — ср. риёмы на -авъ), -ахъ (ср. риёмы на -агъ), -ацъ (-яцъ), -ачъ (-ячъ), -ашъ (-яшъ — ср. риёмы на -ажъ), -ащъ (-ящъ).

То-же съ *é* въ концѣ: -абъ (-апъ и -ябъ, -япъ), -авъ (-явъ), -адъ (-атъ и -ядъ, -ять) и т. д.

Съ *é (и, э)*:

-ебъ (-ѣбъ, -енъ, -ѣпъ), -евъ (-ѣвъ, -еенъ), -егъ (-ѣгъ, -екъ, -ехъ, -ѣхъ), -едъ (-ѣдъ, -эдъ, -етъ, -ѣтъ) и т. д.

То-же съ *и* въ концѣ.

Съ *и (ы)*:

-ибъ (-ыбъ, -ипъ, -ыпъ), -ивъ (-ывъ, -ифъ, -иенъ), -игъ (-ыгъ, -икъ,

-ыкъ, -ихъ, -ыхъ), -идъ (-идъ, -итъ, -ытъ), -ижъ (-ижъ, -ишъ, -ышъ) и т. д.

То-же съ ъ въ концѣ.

Съ ё (ё):

-объ (-ёбъ, -опъ, -ёпъ), -овъ (ёвъ, -офъ, -оѳъ), -огъ (-окъ, -окъ, -ёгъ, -екъ, -ёхъ), -одъ (-отъ, -ёдъ, -ётъ) и т. д.

То-же съ ъ въ концѣ.

Съ ў (ю):

-убъ (-упъ, -юбъ, -юпъ), -увъ (-уфъ, -ювъ, -юфъ), -угъ (-укъ, -ухъ, -югъ, -юкъ, -юхъ), -удъ (-утъ, -юдъ, -ютъ) и т. д.

То-же съ ъ въ концѣ.

Б.

На двѣ *).

Съ а (а):

-абръ (-ябръ), авръ, -агръ, -акръ, -антъ и т. п.

То-же съ ъ въ концѣ или между согласнымъ, какъ *Алънъ*.

Съ е (е, э):

-евръ (-эръ), -ездъ (-эздъ, -естъ, -есть), -ентъ, -ербъ (-ерпъ), -ескъ (-эскъ) и т. д.

То-же съ ъ.

Съ и (и):

-игръ, -имнъ, -индъ, -искъ (-ыскъ), -истъ (-ыстъ) и т. п.

То-же съ ъ.

Съ ё (ё):

-одръ (-ёдръ), -олкъ (ёлкъ), -олпъ (-ёлпъ), -ондъ (-онтъ), -ордъ (-ёрдъ), -орнъ (-ёрнъ), -ортъ (-ёртъ, — ср. -ордъ), -остъ (-ёстъ), -отръ (-ётръ) и т. п.

То-же съ ъ.

*.) Окончания даны лишь примерно, потому что сочетания двухъ согласныхъ въ концѣ сравнительно рѣдки, трехъ — еще реже.

Съ ѿ (ю):

-ургъ, -урнъ, -устъ (-юсть), утръ и т. п.

То-же съ ъ.

В.

На три.

Съ а (а):

-айскъ, -альскъ, -андръ, -астръ и др.

Съ е (ю, э):

-евекъ, -енскъ, -естръ и др.

Съ и (и):

-инскъ, -ирскъ, -истръ (-ыстръ) и др.

Съ ё (ё):

-овскъ, -орскъ, -орстъ и др.

Съ ў (ю):

-урскъ, -устръ и др.

II.

Риомы женскія (двусложныя, трохаческія).

1.

На гласныя.

A.

Безъ посредствующей гласной.

Чуть-ли не только на -аи, -еи (-фи), -би, -уи, и то рѣдкія, а прочія, кажущіяся чисто гласными, на самомъ дѣлѣ содержатъ въ себѣ ю, какъ слова на-ая, -аю, -аѣ и т. п., почему о нихъ удобнѣе говорить въ слѣдующемъ отдѣлѣ.

Б.

Съ одной согласной въ серединѣ.

а) Съ á (или ī) — a (или o):

-áба (-яба, -áбо, -áбо), áва (-ява, -áво, -яво), -áга (-яга, -áго, -яго), -áда (-яда, -áдо, -áдо), -áжа, -áза и т. д., также съ я: -áя (-ája), -áдя (-áдя), -áля (-áля) и т. п.

Съ á (í) — e (n):

-áбѣ (-áбѣ), -áвѣ (-áвѣ), -áгѣ (-áгѣ) и т. д.

Съ á (í) — u:

-áби (áби), -áви (áви), -áги (áги) и т. д., риемующіяся иногда съ á — e (n), что слѣдуетъ замѣтить для всѣхъ женскихъ риомъ на e (n) и u.

Съ á (á) — o:

-áбо (-áбо), -áво (áво) и т. д. ср. á — a.

Съ á — y (ю):

-áбу (áбу), -áву (-áву) и т. д., также съ ю: -áю (-áju), -áдю (-áдю), -áлю (-áлю) и т. д.

Съ á (í) — u:

-áбы (-áбы), -áвы (-áвы) и т. д.

б) Съ é (é) — a (o, я):

-éба (-éба, -éбо), -éва (-éва, -ево, -éво), -éга (-éга), -éда (-éда) и т. д., также съ я: -éя (-éя = éja), -éдя (-éдя), -éля (-éля), -éня (-éня) и т. п.

Съ é (é) — e (n):

-éбѣ (-éбѣ), -éвѣ (-éвѣ) и т. д.

Съ é (é) — u:

-éби (едва-ли найдется), -éви (также), -éги (-éги) и т. д.

Съ é (é) — o:

-éбо, -éво и т. д. — ср. é — a.

Съ é (é) — y (ю):

-éбу (-éбу), -éву, -éгу и т. д., также съ ю: -éдю, -éлю, -éню и т. п.

в) Съ í (í, ü) — a (o, я):

-íба (-íба, -íбо), -íва (-íва, -íво) и т. д., также съ я: -íя (-íя), -íдя, -íля (-íля), -íня (-íня) и т. п.

Съ í (í, ü) — e (n):

-íбѣ (-íбѣ), -íвѣ (-íвѣ) и т. д.

Съ í (í, ü) — o:

-íбо, -íво и т. д. — ср. í — a.

Съ í (í, ü) — y (ю):

-íбу (-íбу), -íву (-íву) и т. д., также съ ю: -íю, -íлю (-íлю), -íню (-íню) и т. п.

Съ í (í) — ü:

-íбы (-íбы), -íвы (-íвы) и т. д.

г) Съ ó (ó) — a (á)

Съ ó (ó) — e (n)

Съ ó (ó) — u (ü)

Съ ó (ó) — y (ю)

д) Съ ý (ý) — a (á)

Съ ý (ý) — e (n)

Съ ý (ý) — u (ü)

Съ ý (ý) — o

Съ ý (ý) — y (ю)

такимъ-же образомъ.

В.

Съ двумя согласными (или съ и + согл. и съ согл. + j).

а) Съ á (á) — a (o, я):

-áбка (-áбка, -áбко, -áпка, -áпка), -áбра (-áбро), -áвна (-áвна, -áвно, -áвно), -áвра, -áгра, -áжка (-áжка, -áжко, -áжко, -áшкa, -áшкa), -áзка (-áзка, -áзко, -áсса, -áсса, -áско), -áйка, -áйна

и т. д., также съ я въ концѣ: -áбья, -áвья, -áдья (-áдья), -áкля,
-áпля и т. п.

Съ á (á) — e (n):

-áбье (-áбье), -áбкѣ (-áбкѣ, -áпкѣ) и т. д.

Съ á (á) — u:

-áбъи, -áбки, -áвки, -áвни и т. д.

Съ á (á) — o:

-áбко (-áбко, -áпко), -áвно и т. д.

Съ á (á) — y (ю):

-áбку, -áвку, -áвну и т. д., также -áбью, -áвлю, -áвню и т. п.

Съ á (á) — ы:

-áвны, -áвры, -áгры и т. д.

б) Съ é (é) — a (o, я):

-éбна (-éбно), -éвка (-éвка), -éвна (-éвна, -éвно), -éдна (-éдна, -éдно), -éжда (-éжда), -éжна (-éжна, -éжно, -éжно), -éзна (-éзно, -éздна), -éйна (-éйна, -éйно) и т. д., также -éвья (-éвья), -éвня, -éдня (-éдня), -éжья, -éлья, -éмля и т. п.

Съ é (é) — e (n):

-éвнѣ, -éжде (-éждѣ), -éлье (-éльѣ), -éльнѣ (-éльнѣ) и т. д.

Съ é (é) — u:

-éвни, -éдни, -éзни (-éзни), -éльи и т. д. — ф. é — a.

Съ é (é) — o:

-éдно, -éвно (-éвно) и т. д.

Съ é (é) — y (ю):

-éвну (-éвну), -éжду (-éжду), -éзну (-éздну) и т. д., также -éвью (-éвью), -éвню, -éжью и т. п.

Съ é (é) — ы:

-éвны (-éвны), -éжды (-éжды), -éжны (-éжны) и т. д.

в) Съ ú (ú) — a (o, я):

-íвна (-íвно), -íдна (-íдно), -íзна, -íлка (-íлка, -íлко) и т. д.,
также -íпля (-íпля), -íрья, -íрня и т. п.

Съ ú (ú) — e (n):
-íвнѣ, -íзнѣ, -íлье (-íльѣ, -íлье, -íмльѣ) и т. д.

Съ ú (ú) — u:

-íбки (-íнки, -íнки), -íкни, -íльи (-íльи), -íлки (-íлки) и т. д.
-íбко, -íвно и т. д. — спр. ú — a.

Съ ú (ú) — y (ю):
-íбку (-íбку), -íпку, -íпку), -íвку, -íгну (-íгну), -íзну, -íкну
и т. д., также -íбью, -íлью, -íрню и т. п.

Съ ú (ú) — ы:

-íвны, -íдни, -íзмы, -изны и т. д.

г) Съ ó (ó) — a (o, я):

-óбна (-óбно), -óбра (-óбра), -óвна (-óвна, -óвно, -óвно), -óдра
(-óдра, -óдро), -óжна (-óжна, -óжно, -óжно), -óзна (-óзна, -óзно,
-óзно, -óздно), -óйна и т. д., также -óбья, -óбля, -óвья, -óвия,
-óвия, -óдья, -óдня, -óжия, -óзия, -óйня и т. п.

Съ ó (ó) — e (n):
-óбье (-óбьé), -óвье (-óвьé), -óвлѣ, -óвнѣ и т. д.

Съ ó (ó) — u:

-óбъи, -óвъи, -óвли, -óвни и т. д.

Съ ó (ó) — o:

-óбно, -óвно, -óдно, -óдра и т. д. — спр. ó — a.

Съ ó (ó) — y (ю):
-óвну (-óвну), -óзну, -óйну и т. д., также -óбью, -óвью, -óвлю,
-óвню, -óжню и т. п.

Съ ó (ó) — ы:

-óбны, -óвны (-óвны), -óвцы, -óдры, -óжны и т. д.

д) Съ ý (ý) — a (я):

-úбка (-úбка), -úпка, -úдка (-úдка, -úтка, -úтка), -úдна (-úдпа),
-úжка (-úжка), -úшка, -úшка), -úжна (-úжна) и т. д., также
-úбья (-úбья), -úжья (-úжья), -úтня (-úтня) и т. п.

Съ ѿ (ѡ) — е (ѡ):

-ѹбье (-ѹбъѣ, -ѹбъе, -ѹбъѣ), -ѹбкѣ (-ѹбкъ, -ѹлкъ, -ѹпкъ), -ѹдье (-ѹдъѣ, -ѹдъе, -ѹдъѣ), -ѹдкѣ (-ѹткъ, -ѹткъ) и т. д.

Съ ѿ (ѡ) — и:

-ѹбыи, -ѹди, -ѹдки и т. д.

Съ ѿ (ѡ) — о:

-ѹдно (-ѹдно), -ѹжно, -ѹзно и т. д. — ср. ѿ — а.

Съ ѿ (ѡ) — ы:

-ѹдны (-ѹдны), -ѹжны и т. д.

Г.

Съ тремя согласными (й, ѡ).

а) Съ а (ѧ) — а (ѡ, я):

-айска, -альска, -амбра, -амска, -андра, -анска (-янска), -арска, -астна (-астано *), -астра и т. д., также -астья (-астья) и т. п.

Съ а (ѧ) — е (ѡ):

-айскѣ, -альскѣ, -амбрѣ и т. д.

Съ а (ѧ) — и:

-абски (-апски), -адски (-ядски, -атски, -акки), -айски, -альски, -ански, -ански (-андски), -арки, -арски (-ярски) и т. п.

Съ а (ѧ) — о:

-астано, -ацтво и др.

Съ а (ѧ) — у (ѡ):

-айску, -альску, -амбру, -амеку, -андру, -анску, -аркну, -арску и т. д., также -астью (-астью) и т. п.

* Встречемъ здѣсь три согласныхъ только для глаза, потому что въ -стн-, какъ и въ -эн-, средняя согласная не выговаривается. Такимъ образомъ -астна, -естна, -ездна (-ѣздна) часто риѳмуются съ -асна, -есна (-ѣсна), -енна и т. п.

Съ а (ѧ) — ы:

-амбры, -андры и т. д.

б) Съ є (ѡ) — а (ѡ, я):

-евска (-ѣвска), -ездка, (-ѣстка, -ѣстка), -ездна (-ѣздна), -ейска, -ектра, -эндра, -енска, -ерска, -естна (-ѣстна), -естра и т. д., также -астья (-астья) и т. п.

Съ є (ѡ) — е (ѡ):

-евскѣ (-ѣвскѣ), -ездкѣ (-ѣсткѣ), -ейскѣ и т. д.

Съ є (ѡ) — и:

-едски (-ядски, -етски, -йтски, -ецки), -ийски, -ирски (-ирски, -фрески) и т. п.

Съ є (ѡ) — о:

-ездно (-ѣздно), -ироко, -естно (-ѣстно) и т. д.

Съ є (ѡ) — у (ѡ):

-евску (-ѣвску), -ездку (-ѣстку), -ийску, -ектру и т. д., также -астью (-астью) и т. п.

Съ є (ѡ) — ы:

-ектры, -эндры, -ерсты (-эрты), -естры и т. д.

в) Съ ы (ѿ) — а (ѡ, я):

-ильска (-ильска), -имбра, -имска (-ымска), -индра, -инска, -ирска, -истка, -истна (-ѣстна), -истра (-ѣстстра, -ѣстстро) и т. д., также -астья (-астья) и т. п.

Съ ы (ѿ) — е (ѡ):

-ильскѣ (-ильскѣ), -имбрѣ и т. д.

Съ ы (ѿ) — и:

-идски (-итски, -итки), -ильски, -ински, -иркни (-иркни), -ирски и т. д.

Съ ы (ѿ) — о:

-истно и др. — ср. ы — а.

Съ ы (ѿ) — у:

-ильску (-ильску), -имбру, -имску (-ымску), -индру, -инску, -иркну (-иркну) и т. д., также -астью (-астью) и т. п.

Съ ю (и) — и:

-ймбры и т. д.

г) Съ ё (ё) — а (а):

-овска (-ёвска), -одска (-отска, -опка), -озда (-остка, -естка),
-ольска (-ользко), -онска и т. д., также -остья, -оршия и т. п.

Съ ё (ё) — е (е):

-овскъ (-ёвскъ) и т. д.

Съ ё (ё) — и:

-овски (-ёвски), -одски (-отски, -опки), -олки (-ёлки), -ордки
(-ортки, -ёртки), и т. д.

Съ ё (ё) — о:

-оздко (-остко, -естко), -ользко, -остно, -остро (-естро) и т. д. —
ср. ё — а.

Съ ё (ё) — у (ю):

-овску (-ёвску), -одску (-отску, -опку), -оздку (-остку, -естку),
-олкну (-ёлкну) и т. д., также -остью и т. п.

Съ ё (ё) — и:

-остны, -остры (-ёстры) и т. д.

д) Съ ў (ю) — а (о, я):

-удка, -устка, -урска, -устна и т. д., также -остья и т. п.

Съ ў (ю) — е (е):

-урскъ, -усткъ, -устъ и т. д.

Съ ў (ю) — и:

-ужски (-ушски), -уски (-уски), -урски и т. д.

Съ ў (ю) — о:

-устно и т. д.

Съ ў (ю) — у (ю):

-удку (-устку), -урску, и т. д., также -устью и т. п.

Съ ў (ю) — и:

-устны, -устры (-юстры) и т. д.

Д.

Съ четырьмя согласными.

а) Съ а (а) — а:

-абства (-апства), -авства (-афства), -адства (-айдства, -атства,
-йтства), -айства (-айства), -альства и т. д.

Съ а (а) — е (е);

-абствѣ (-апствѣ) и т. д.

Съ а (а) — и:

-андски (-яндски, -антски), -ардски (-артски) и т. д.

Съ а (а) — о:

-абство (-анство) и т. д.

Съ а (а) — у:

-абству (-апству) и т. д.

Съ а (а) — и:

?

б) Съ ё (ё) — а:

-ёбства, -ёдства (-ёдства, -ётства), -ёйства (-ёиства) и т. д.

Съ ё (ё) — е (е):

-ёбствѣ и т. д.

Съ ё (ё) — и:

? но ср. -ёдствій (-ёдствій), -ёйствій (-ёиствій) и т. п.

Съ ё (ё) — у:

-ёбству и т. д.

Съ ё (ё) — и:

?

в) Съ ю (и) — а:

-йдства (-идства, -йтства), -ильства, -имства и т. п.

Съ ю (и) — е (е):

-идствѣ (-идствѣ, -йтствѣ) и т. д.

Съ ѿ (ö) — u:
?
Съ ѿ (ö) — o:
-йство (-йдство, -йтство) и т. д.
Съ ѿ (ö) — y:
-йству (-йдству, -йтству) и т. д.
Съ ѿ (ö) — u:
?

Г) Съ ö (ö) — a:
-бства (-бства), -бства (-ёства), -бства (-бства, -ётства),
-биства, -бльства, -бмства, -бнства (-ёнства), -брства (-брства).

Съ ö (ö) — e (ø):
-бствѣ (-бствѣ) и т. д.

Съ ö (ö) — u:
? но ср. -бльствій и т. п.

Съ ö (ö) — o:
-бство (-бство) и т. д.

Съ ö (ö) — y:
-бству (-бству) и т. д.

Съ ö (ö) — u:
?

Д) Съ ў (ü) — a:
-удства (-юдства, -утства), -умства, -урства *).

Съ ў (ü) — e (ø):
-удствѣ и т. д.

Съ ў (ü) — u:
? но ср. -утствій и т. п.

*). Но *искусство* у Пушкина и др. пишется съ чу́стство, т. е. въ первомъ опускается при чтеніи одно *с*, а во второмъ — первое *е*.

Съ ў (ü) — o:
-удство и т. д.
Съ ў (ü) — y:
-удству и т. д.
Съ ў (ü) — u:
?

2.

На согласные.

А.

Безъ посредствующей гласной.

Почти только на -айнъ (-янъ), -еинъ, -бивъ, -биль, -бимъ,
-бинъ, -битъ, -бить, риемующіяся иногда съ -аенъ, -еенъ,
(-бенъ), -бевъ и т. п., хотя въ послѣднихъ есть уже ѹ, почему
такія окончанія, какъ и -аять, -аютъ и т. п., умѣстнѣе распо-
ложить въ слѣдующемъ отдѣлѣ.

Б.

Съ одной согласной въ серединѣ.

а) Съ á (ä) — a (я, о, ё);
-абамъ (-ябамъ), -абахъ (-ябахъ), -аваль (-аволь, -яволъ), -авамъ
(-явамъ, -авомъ, -явомъ), -адамъ (-ядамъ, -адомъ, -ядомъ), -аванъ,
-авахъ (-явахъ), -аданъ (-адонъ), -адахъ (-ядахъ), -азамъ (-язомъ),
-акаль (-якаль), -акашъ (-якашъ), -акавъ (-якавъ, -аковъ, -яковъ), -акаль (-якаль,
-язашъ), -акавъ (-якавъ, -аковъ, -яковъ), -аканъ (-яканъ, -аконъ,
-аколъ), -акамъ (-якамъ, -якомъ, -акомъ), -аканъ (-яканъ, -аконъ,
-аконъ), -аламъ (-яламъ, -аломъ, -яломъ), -алахъ (-ялахъ) и т. д.,
также -аямъ (-яямъ, -аемъ, яемъ), -аяхъ (-яяхъ), -азимъ (-яземъ)
и т. п.

б) Съ á (ä) — e (ø):
-абенъ, -авель (-авель, -ивель), -авенъ (-явенъ), -адемъ (-ядемъ),
9

-áденъ (-яденъ), -áдеть (-ядеть), -áдешь (-ядешь), -áжемъ (-яжемъ),
-áженъ (-яжень), -áжеть (-яжеть), -áжешь (-яжешь), -áзенъ
(-язеъ), -áемъ и т. д.

Съ á (á) — u:

-áбивъ (-ябивъ), -áбилъ (-ябилъ), -áбимъ (-ябимъ), -áдимъ (-ядимъ),
-áбитъ (-ябитъ), -áбишь (-ябишь) и т. д., часто въ смѣщеніи съ
á — e, какъ у Пушкина *Па́велъ — пра́вилъ*.

Съ á (á) — o:

-áбовъ (-ябовъ) и т. д. — ср. á — a.

Съ á — y (ю):

-áдуть (-ядуть), -áнувъ (-янувъ), -áпуль (-япуль), -áнуть
(-янутъ), -áрусь (-ярусь), -áчуть (-ячуть), -áшуть (-яшуть) и
др., также -áютъ (-яютъ).

Съ á (á) — ы:

-áбымъ, -áбыхъ, -áвымъ (-явымъ) и т. д.

Такимъ-же образомъ (ср. риомы женскія на гласную):

б) Съ é (é) — a (o, я), é (é) — u, é (é) — o, é (é) — y (ю), é
(é) — ы, г) съ ú (ú) — a (я, о) и т. д.

То-же съ ы въ концѣ (помимо же и ии):

а) Съ a (á) — a (я, о):

-áдать (-адотъ), -áкать (-якать, -якотъ), -áлатъ (-ялотъ), -áхарь
и др.

Съ á (á) — é (é):

-áвѣть (-явѣть), -áмень, -áщенъ и др.

Съ á (á) — u:

-áбить (-ябить), -áвить (-явить), -áдить и т. д.

Съ á (á) — o:

-áводъ (-авать) — ср. á — a.

Съ á (á) — y:

-áнуть (-янутъ) и др.

Съ á (á) — ы:

? но ср. у Грибоѣдова зá-ночь — Степáнъчъ.

б) Съ é (é) — a (я, о):

-éдать, -éять и т. д.

Такъ-же съ прочими гласными. Тѣ-же сочетанія гласныхъ
и согласныхъ при двухъ и трехъ согласныхъ въ концѣ, напр.
-éмистъ, -áдость и т. п.

В.

Съ двумя согласными въ серединѣ.

а) Съ á (á) — a (я, о):

-áбкамъ (-ябкамъ), -áнкамъ, -íпкамъ, -áбкомъ, -áнкомъ,
-áбкахъ (-ябкахъ), -áнкахъ, -íпкахъ), -áвкалъ (-явкалъ), -áвкамъ
(-явкамъ), -áвкамъ), -áвкахъ (-явкахъ) и т. д.

То-же съ ы:

-áвкатъ (-явкатъ) и т. д.

Съ á (á) — e (é):

-áблень, -áбнемъ (-ябнемъ), -áбнетъ (-ябнетъ), -áбнешь (-ябнешь),
-áвлень (-явлешь) и т. д. съ разными гласными и согласными,
съ ы и съ ы въ концѣ.

III.

Риомы дактилическія (трехсложныя).

1.

На гласные.

а) Съ á (á) — a (o, я, e, u) — a (o, я, e):

-áвала (-áвало, -явола), -áдала (-áдала, -áдало), -áзана (-язана,
-язано, -язапо), -áяла (-яяло, -яила), аяна (-áена, -áина) и т. д.,
также -áная (-яна, -áнос, -яное) и т. п.

Съ á (á) — a (я, о) — e (и):
-áпалъ (-áполъ), -áкаръ и др.

Съ á (á) — a (я, о) — i:
-áбами, -áвали (-áволи, -яволи), -áвами, -áгами (-áгами), -áдали
(-áдали, -áдоли), -áяли и т. д.

Съ á (á) — a (я, о) — o:
-áвало и т. д. — ср. á — a — a.

Съ á (á) — a (я, о) — y (ю):
-áвалу и т. д., также -áдаю (-ýдаю, -áдою) и т. д.

б) Съ á (á) — e (и, у, ы) — a (о, я, е):
-áвѣла (-áвѣла, -áвѣло, -явѣло, -áвила, -áвило), -áжена (-ýжена,
-áжено, -ýжено), -áрева (-áрево, -áряго) и т. д.

Съ á (á) — e (и, у, ы) — e (и):
-áревѣ и т. д.

То-же съ другими сочетаниями гласныхъ и согласныхъ, потомъ съ двумя согласными, напр. -áскаца, -áсково (-áескаго, -ýзкаго, -ýскаго) или -áчество, -óжество, и т. д. съ тѣми-же подраздѣленими, какъ въ риомахъ женскихъ.

2.

На согласный.

а) Съ á (á) — a (о, я, е, и, у) — a (о, я, е, и, у):
-áпalamъ (-áполомъ), -áеваль (-áиваль) и т. д.

Съ á (á) — a (о, я, е, и, у) — y (ю):
-áдають (-ýдають) и т. д.

Такъ-же съ другими гласными и согласными.

Риомы на á можно какъ подвести подъ соответствующіе отдылы, такъ и выдѣлить въ особый списокъ, по крайней мѣрѣ, въ женскихъ и дактилическихъ риомахъ, потому что послѣ неударяемой гласной этотъ звукъ 1) иногда не принимается въ расчетъ, напр. плѣнной — смиренно, 2) приводить къ созвучию

такія гласные, которыя въ другихъ случаяхъ не риомуются, напр. обычай — добѣчай — отлічай, лукавый — отравой, пылкій — ссыпкой.

Какъ уже сказано выше, па предложеній здѣсь планъ отнюдь нельзя смотрѣть какъ па схему, предназначенную для собранія и расположения только Пушкинскихъ риомъ. Потому сюда включены риомы дактилическія, которыя у Пушкина встрѣчаются чуть не лишь въ такой риомованной прозѣ, какою написана сказка о Балдѣ, а изъ прочихъ многія такія, которыя заводомъ не находятся въ его стихотвореніяхъ, да и не могли быть имъ употреблены въ большей части его произведеній вслѣдствіе своего чрезмѣрно шутливаго, чтобы не сказать «шутовскаго», характера. Сюда относятся вѣкоторыя грамматическая образованія, напр. многіе глаголы на -жать, и риомы изъ двухъ словъ — ударяемаго и неударяемаго или безгласного, иначе невозможныя и часто богатыя, напр. Ялты — оайлъ ты, дамы — всеяды мы, боязлівы — оезлі вы, ложе — чело же, пітоки — глупа-таки, проповѣдь — Европа вѣдь, тощи — во щи, бабокъ — на бокъ, мебель — нѣбъ-ль, чайка — встрѣчай-ка, Ванька — встань-ка и т. п., доходящія иногда до полнаго звукового тождества, до каламбура, какъ жалобы — жало-бы, стяли — стяя-ли, устали — устя-ли, зайди — зіда-ли (изъ ада-ли), зідомъ — зіа домъ, горбато — горбя-то, не слѣбы — неслѣ-бы, настежь — Настѣ-жъ, и градъ — игра-дъ и др. Пушкинъ не совсѣмъ чуждался риомъ изъ двухъ словъ, но употреблять ихъ очень рѣдко и то лишь такъ, что второе не превышало одного слога (знималъ я — возбуждалъ я, страдалъ я — искалъ я, страдалъ онъ — побриялъ онъ, хозяйка — примѣчай-ка, отмѣчай-ка — хозяйка, по лбу — по лбу), по юмористы любятъ риомы этого рода, а Некрасовъ даже въ такомъ по содержанию серьёзномъ стихотвореніи, какъ «Филантропъ», не остановился передъ риомами Жироміру — по-міру и за-ново — пылнаго.

И такъ, данныя выше схемы риомующихся звуковыхъ сочетаний имѣютъ для обслѣдованія Пушкинскихъ риомъ значеніе

лишь формальное, какъ образчики возможныхъ въ русскомъ языке созвучий, изъ которыхъ многія чужды Пушкину; но отсутствіе у него риомъ того или другого состава не мѣшаетъ, конечно, приведенію его наличныхъ риомъ въ азбучный порядокъ. Однако это расположение не должно быть примѣняемо такъ, чтобы получилось нечто въ родѣ словаря риомъ изъ Пушкина, т. е. не слѣдуетъ смѣшивать любую пару риомующихся словъ съ общей массой подобныхъ имъ созвучий безъ вниманія къ тому обстоятельству, съ какимъ именно словомъ риомуется данное слово у Пушкина. Избѣжать такого обезличенія Пушкинскихъ риомъ, нежелательного между прочимъ и по причинѣ, уже упомянутой — отсутствію точныхъ свѣдѣній о выговорѣ Пушкина —, возможно двоякимъ путемъ: 1) на основаніи напр. риомы *уголокъ* — *мож* не смѣшивать всѣ безъ исключенія риомы па -*къ* съ риомами на -*гъ* въ одинъ отдѣль, а помѣщать между риомами на -*къ* лишь тѣ слова на -*гъ*, которыя въ самомъ дѣлѣ риомуются у Пушкина со словами на -*къ* (и наоборотъ), или, что, можетъ быть, окажется болѣе удобнымъ, образовать изъ словъ на -*къ*, риомующихся со словами на -*гъ*, особый отдѣль, помимо отдѣловъ риомъ на -*къ* и риомъ на -*гъ*; 2) при каждой риомѣ указывать мѣсто, гдѣ она встрѣчается. Способы соединенія всѣхъ этихъ основъ упорядоченія материала не могутъ быть указаны точно и подробно въ общемъ планѣ работы, но, какъ будущій изслѣдователь ни осуществилъ всѣ частности предложенного здѣсь очерка, во всякомъ случаѣ позволительно выразить желаніе, чтобы при ссылкахъ онъ не довольствовался гольми цифрами, означающими томы, страницы и строки выбраннаго имъ изданія, а называлъ стихотворенія по заглавіямъ или первымъ словамъ, хоть въ сокращеніи. Не мѣшало-бы также собрать и все то, чѣмъ самъ Пушкинъ говорилъ о риомѣ.

Ф. Кориш.

УКАЗАТЕЛЬ.

- Агафоновъ, Николай Яковлевичъ 36
„Бористъ Годуновъ“, Пушкина 86—88, 105—106.
Брюсовъ, Валерий Яковлевичъ 23, 24, 26 58.
Булгаковъ, Александръ Яковлевичъ 33.
Бутурлина, жена слѣдующаго 33.
Бутурлинъ, губернаторъ Казанскій 33, 39.
Бутурлины, графы 104.
Величко, Василій Львовичъ 97.
Величко, Николай Ивановичъ 97.
Велланскій, Даніїлъ Михайловичъ 49.
Вельтманъ, Александръ Фомичъ 22.
Владиславлевъ, Владіміръ Андреевичъ 26.
Войцѣховскій, А. І. 86.
Воронцовъ, князь М. С. 99, 101, 102.
Всеволожскій, Александръ Всеволодовичъ 95.
Всеволожскій, Никита Всеволодовичъ 50, 95.
Второвъ, Иванъ Алексѣевичъ 85, 96.
Второвъ, Николай Ивановичъ 85, 96.
Вяземскій, князь Петръ Андреевичъ 69, 70.
Гакстгаузенъ, баронъ Августъ 41.
„Галубъ“, Пушкина 2.
Гейнсъ, А. К., Одесскій гравюранъ 99, 102.

- Гоголь, Н. В. 24—25.
Голицынъ, князь Дмитрій Владиміровичъ 59.
Гончаровъ, 27.
Городчаниновъ, Григорій Николаевичъ 51.
Гумбольдтъ, баронъ Александръ 41, 43, 48.

Даль, Владіміръ Івановичъ 57.
Даргомыжскій, Александръ Сергеевичъ 20.
Даркшевичъ, А. О., проф. 48, 49.
Дедарю, Михаилъ Даниловичъ 64.
До-Шуле, Михаилъ Федоровичъ 36.
Державинъ, Г. Р. 114.
Дершау, поліційм. 59.
Дмитріевъ, Іванъ Івановичъ 89, 90.
Долгорукой, князь А. А. 64.

„Евгеній Онѣгинъ“ Пушкіна 9, 138.
Ефремовъ, Петръ Александровичъ 95.

Жилле, Р. 101.
Жобарь, Альфонсъ 41.
Жуковскій, В. А. 30.

Загоскінъ, Н. П. 29, 31, 35.
Загряжская, Елизавета Александровна—см. **Пушкіна**.
Загряжскій, 58.
Загряжскій, Александръ Михайловичъ 102.
„Здорово, Юрьевъ—именинникъ“, стих. Пушкіна 92, 98, 99.
„Зеленая Лампа“, общество 92, 95.
Зуевъ, Дмитрій Павловичъ 1—22.
Зуевъ, Петръ Павловичъ 18, 19, 22.

„Історія Пугачевскаго бунта“ 24, 25, 48, 57, 58, 62.

Казань (пребываніе въ ней Пушкіна) 28—67.

- Каменевъ**, Гавріїлъ Петровичъ 30, 45, 48, 65.
„Камennyй Гость“, Пушкіна 8—9.
„Капітанская дочка“, 25, 58.
Кизерь, проф. 49.
Кирхгофъ, гадальщика 50.
Кирѣвскій, Іванъ Васильевичъ 37, 38, 57.
Киселевъ, графъ Павель Дмитріевичъ 41.
Клуте, проф. 49.
Ковалевскій, М. Е. 61.
Константинъ Константиновичъ, Великий Князь, Президентъ Академіи 107.
Корниловичъ, Александръ Осиповичъ 72, 75.
Корфъ, графъ Молестъ Андреевичъ 41.
Коршъ, Федоръ Евгеньевичъ 22, 107, 134.
Крупенниковъ, Алексѣй Леонтьевичъ 45.
Крупенниковъ, Леонтій Филипповичъ 45, 52, 66.
Кубаревъ, Алексѣй Михайловичъ 112.

Лажечниковъ, Іванъ Івановичъ 51.
Лернеръ, Николай Осиповичъ 26.
Ліцранди, Іванъ Петровичъ 86.
Лопухинъ, князь 94.
Лоровичъ, В. В. 100, 101, 102, 104.
Люцероде, баронъ 62.
Лябатъ, орієнталістъ 41.

Магницкій, Михаилъ Леонтьевичъ 41.
Майковъ, Василій Івановичъ 27.
Макаровъ, Михаилъ Николаевичъ 104.
Мандрика, Елена Николаевна 28, 61.
Мандрика, Николай Яковлевичъ 28.
Мансуровъ, Николай Павловичъ 95.
Мансуровъ, Паволь Борисовичъ 95.
Маркевичъ, Алексѣй Івановичъ 96, 106.
Миллеръ, архиваріусъ 101, 102.

- Мироновъ**, Александръ Александровичъ 93.
Модзалевскій, Борисъ Львовичъ 44, 95, 107.
„Молитва“ („Отиц—пустынники и жены пепорочин“), стих. Пушкіна 2.
Мордвиновъ, Александръ Николаевичъ 25, 26.
Морозовъ, Петръ Осиповичъ 23, 24, 25, 26, 28, 30, 92.
Москотильниковъ, Савія Андреевичъ 45.

Нашокінъ, Павель Воіновичъ 23.
Немировъ, Гр. 5.

Озобишинъ, Дмитрій Петровичъ 46.

Перцовъ, Петръ Петровичъ 35.
Перцовъ, Орестъ Петровичъ 31, 34, 35, 39, 44, 47, 50, 62, 64, 66.
Перцовъ, синь Петра Петровича 35.
Погодинъ, Михаилъ Петровичъ 24, 25.
Подвиносцій, Н. В. 96—97.
Поліновскій, Михаилъ Васильевичъ 63.
„Полтава“ Пушкіна 71 и слл.
Приклонскій, чиновникъ 64.
Пугачевъ, 24, 39, 41, 43, 44, 45, 46, 52, 56, 57, 58, 62, 63, 65.
Пушкина, Елизавета Александровна, рожд. Загряжская 102.
Пушкина, Наталя Николаевна 23, 28, 32, 33, 43, 47, 52, 53, 54, 57.
Пушкинъ, Александръ Александровичъ 23.
Пушкинъ, Василій Львовичъ 90.
Пушкинъ, Левъ Сергеевичъ 68, 69, 102.
Пушкинъ, Сергій Львовичъ 89, 90, 91.
„Піснъ о Вѣщемъ Олегѣ“ Пушкіна 70.

Пышнінъ, Александръ Николаевичъ 96.

Рачинскій, С. А. 37.
Рейнботъ, Павель Евгеніевичъ 107.
Рождественскій, С. В. 2.
Рудаковъ, Василій Егоровичъ 91.
„Русалка“ Пушкіна и єї окончаніе по записі І. П. Зуева 1—22.
Рѣнінскій, І. К. 61.
Рыбушкінъ, Михаилъ Сампено维奇ъ 62—63.
Рильевъ, Кондратій Федоровичъ 68—88.

Саитовъ, Владіміръ Івановичъ 108.
Салтыковъ, графъ Сергій Николаевичъ 89, 90.
Селезневъ, Іванъ Яковлевичъ 89.
Семеновъ, Николай Петровичъ 105.
Сикаръ, домовлад. въ Одесѣ 103.
Сиповскій, Василій Васильевичъ 88.
Скальковскій, Аполлонъ Александровичъ 98—103.
Соболевскій, Алексѣй Івановичъ 107, 110.
„Современник“ Пушкіна 56, 58, 63, 64.
Сперанскій, графъ Михаилъ Михайловичъ 41.
Стрекаловъ, Степанъ Степановичъ 39, 59.
Строгановъ, графъ 98.
Суворинъ, Алексѣй Сергіевичъ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 16, 17, 18, 19, 20.
Суворовъ-Рымникскій, князь А. В. 24.
Суворовъ, П. П. 56.
Сумцовъ, Н. О. 2.
Сухоруковъ, Н. А. 66.

Тепляковъ, Викторъ Григорьевичъ 100, 101, 102.
Тотлебенъ, графъ Эдуардъ Івановичъ 98.

Тредіаковскій, Василій Криллович 112. Тройницкій, Николай Григорьевич 103. „Утренняя заря“, альманахъ 1843 г. 25. Ушакова, Варвара Павловна—см. Барыкова. Ушакова, Марія Павловна—см. Юрьева. Ушаковъ, Алексѣй Павловичъ 95. Ушаковъ, Валеріанъ Павловичъ 95. Ушаковъ, Навель Петровичъ 95. Фриккѣ, художн. 25. Фуксъ, Александра Андреевна 27—67. Фуксъ, Карлъ Федоровичъ 28, 32, 35, 40—48, 45, 47, 50, 51, 54, 57, 62, 65. Хомяковъ, Алексѣй Степановичъ 38. Цеплинъ, Петръ-Даніель-Фридрихъ 42. Чернышевъ, князь Александръ Ивановичъ 24.	Чернышевъ, графъ Захаръ Григорьевичъ 27. Чернышевъ, Федоръ Сергеевичъ 16. Шенрокъ, Владіміръ Ивановичъ 25. Шляпкинъ, Илья Александровичъ 89. Штуценбергъ (певцъ „Крутого рога“) 2, 3, 4, 5, 7, 8, 9, 11, 12, 14, 15, 17, 18, 20, 21, 22. Шуваловъ, графъ П. П. 99. Шульгинъ, Александръ Сергеевичъ 59. Энгельгардтъ, Левъ Николаевичъ 36, 88. Юрьева, Марія Павловна, рожд. Ушакова 94—95. Юрьевъ, Федоръ Филипповичъ 92—95. Языковъ, Александъ Михайловичъ 53, 57. Языковъ, Николай Михайловичъ 46, 53, 57. Якушкинъ, Вячеславъ Евгеньевичъ 98, 107, 108. Ярополецъ, пмѣни Гончаровыхъ 27.

ПОПРАВКА.

Во II выпускѣ «Пушкина и его современниковъ», на стр. 81, въ строкѣ 12-й сверху, вместо «Вошелъ одинъ собой довольный» слѣдуетъ читать: «Вошелъ однимъ собой довольный».

9/23.

1p 82a

